СОДЕРЖАНИЕ

Том 43, № 2, 2022

К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН И 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Ф. ЛОМОВА

Фундаментальная наука и практика: от мультидисциплинарного анализа научения, памяти и моральных решений к практикоориентированным разработкам методов обучения и воспитания

Ю. И. Александров, *А. А. Созинов*, *О. Е. Сварник*, *И. М. Созинова*, *А. И. Булава*, *М. Г. Колбенева*, *В. В. Апанович*, *Е. А. Сухино-Хоменко*, *К. Р. Арутюнова*, *А. В. Бахчина*, *К. И. Ананьева*, *В. В. Знаков*, *В. Н. Носуленко*, *Ю. В. Постылякова* 5

Дискурс информационного общества: результаты и перспективы психологических исследований

Н. Д. Павлова 20

Подвиг и героизм как культурно-исторические феномены и их значение для психологической науки

Т. П. Войтенко 30

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

Культурная психология Яана Вальсинера. Часть II. Школа динамического семиозиса

И. А. Мироненко, *А. Л. Журавлев* 41

Теоретико-методологические основы моделей психологического воздействия

Д. Е. Николаев 51

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Личностная аутентичность как ресурс преодоления синдрома профессионального выгорания

К. А. Бочавер, *С. И. Резниченко* 61

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

Привязанность матери к плоду: факторы формирования и практическое применение конструкта

И. И. Знаменская, *Т. Г. Ярославцева* 72

КРОССКУЛЬТУРНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

О системообразующей характеристике якутского менталитета

Н. Д. Елисеева 84

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Нелинейный анализ вариабельности сердечного ритма: возможности использования в психологических исследованиях

А. В. Бахчина 96

ПСИХОЛОГИЯ И ИНТЕРНЕТ

Автоматизированный анализ текстов в психологии: состояние и перспективы мировых исследований

Д. А. Китова, *А. Л. Журавлев* 105

Интерфейс мозг—компьютер: основные подходы. Часть II. Интерфейсы на основе регистрации движений глаз и уровня оксигенации крови

А. А. Медынцев 116

ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

Идеализация тела в социальных медиа

Н. А. Польская, *Д. К. Якубовская* 128

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензия на книгу В. Д. Шадрикова “Возвращение души: теоретические основания и методология психологической науки”. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2021. 210 с.

Л. В. Черемошкина 142

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Валерию Николаевичу Носуленко — 75 лет 145

CONTENTS

Vol. 43, No. 2, 2022

TO 50-TH ANNIVERSARY OF INSTITUTE OF PSYCHOLOGY RAS
TO 90-TH ANNIVERSARY OF B.F. LOMOV

Fundamental Science and Practice: From a Multidisciplinary Analysis of Learning, Memory and Moral Judgements to Applied Methods of Education
Yu. I. Alexandrov, A. A. Sozinov, O. E. Svarnik, I. M. Sozinova, A. I. Bulava, M. G. Kolbeneva, V. V. Apanovich, E. A. Sukhino-Homenko, K. R. Arutyunova, A. V. Bakhchina, K. I. Ananyeva, V. V. Znakov, V. N. Nosulenko, Yu. V. Postylyakova 5

Discourse of the Information Society: Results and Prospects of Psychological Research
N. D. Pavlova 20

Feat and Heroism as Cultural and Historical Phenomena and Their Significance for Psychological Science
T. P. Voytenko 30

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY

Jaan Valsiner's Cultural Psychology. Part II. School of Dynamic Semiosis
I. A. Mironenko, A. L. Zhuravlev 41

Theoretical and Methodological Foundations for Psychological Impact Models
D. E. Nikolaev 51

PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

Personal Authenticity as a Resource for Coping with Burnout Syndrome
K. A. Bochaver, S. I. Reznichenko 61

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Maternal Foetal Attachment: Factors of Development and Practical Application of the Construct
I. I. Znamenskaya, T. G. Yaroslavtseva 72

CROSS-CULTURAL AND REGIONAL PSYCHOLOGY

About the System-Forming Characteristics of the Yakut Mentality
N. D. Eliseeva 84

PSYCHOPHYSIOLOGY

Nonlinear Analysis of Heart Rate Variability: Possibilities of Use in Psychological Research
A. V. Bakhchina 96

PSYCHOLOGY AND THE INTERNET

Automated Text Analysis in Psychology: State and Prospects of World Research
D. A. Kitova, A. L. Zhuravlev 105

Brain-Computer Interface: Basic Approaches. Part II. BCI Based on Eye Movement and Blood Oxygenation Levels
A. A. Medyntsev 116

PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Idealization of the Body in the Social Media
N. A. Polskaya, *D. K. Yakubovskaya* 128

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

Review of V.D. Shadrikov book “Return of the soul: theoretical foundations and methodology of psychological science” M.: Publishing house “Institute of psychology RAS”, 2021. 210 p.
L. V. Cheremoshkina 142

OUR JUBELEES

The 75-th anniversary of Valery Nikolaevich Nosulenko 145

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 2, с. 5–19

К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН И 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Ф. ЛОМОВА

УДК 159.9:001.12/.18

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ НАУКА И ПРАКТИКА: ОТ МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА НАУЧЕНИЯ, ПАМЯТИ И МОРАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ К ПРАКТИКООРИЕНТИРОВАННЫМ РАЗРАБОТКАМ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ[1]

© 2022 г. Ю. И. Александров*, А. А. Созинов, О. Е. Сварник***, И. М. Созинова****, А. И. Булава*****, М. Г. Колбенева******, В. В. Апанович*******, Е. А. Сухино-Хоменко********, К. Р. Арутюнова*********, А. В. Бахчина**********, К. И. Ананьева**********, В. В. Знаков***********, В. Н. Носуленко***********, Ю. В. Постылякова**********

ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.
**Чл.-корр. РАО, д.п.н., проф., зав. лаб. психофизиологии им. В.Б. Швыркова. E-mail: yuraalexandrov@yandex.ru*
***К.п.н., н.с. лаб. психофизиологии им. В.Б. Швыркова. E-mail: alesozinov@yandex.ru*
****К.п.н., с.н.с. лаб. психофизиологии им. В.Б. Швыркова. E-mail: olgaesvarnik@yandex.ru*
*****К.п.н., н.с. лаб. психофизиологии им. В.Б. Швыркова. E-mail: eiole@yandex.ru*
******М.н.с. лаб. психофизиологии им. В.Б. Швыркова. E-mail: ai.bulava@mail.ru*
*******К.п.н., н.с. лаб. психофизиологии им. В.Б. Швыркова. E-mail: kolbenevamarina@mail.ru*
********К.п.н., н.с. лаб. психофизиологии им. В.Б. Швыркова. E-mail: apanovitschvv@yandex.ru*
*********Аспирантка. E-mail: e.sukhino@gmail.com*
**********К.п.н., ассоциированная н.с. лаб. психофизиологии им. В.Б. Швыркова. E-mail: arutyunova@inbox.ru*
***********К.п.н., н.с. лаб. психофизиологии им. В.Б. Швыркова. E-mail: nastya18-90@mail.ru*
************К.п.н., н.с. лаб. психологии познавательных процессов и математической психологии. E-mail: hristinka.84@gmail.com*
*************Д.п.н., профессор, г.н.с. лаб. психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях. E-mail: znakov50@yandex.ru*
**************Д.п.н., г.н.с. лаб. психологии познавательных процессов и математической психологии. E-mail: valery.nosulenko@gmail.com*
***************К.п.н., н.с. лаб. психологии труда, эргономики, инженерной и социальной психологии. E-mail: postylyakova@mail.ru*

Поступила 04.02.2022

Аннотация. Анализ новых данных, полученных в психологии (в том числе психофизиологии, кросскультурной психологии, психологии морали) и нейронауках нами и другими авторами при экспериментальных исследованиях научения, памяти и моральных решений, позволяет выделить направления исследований, развитие которых может быть полезно для совершенствования методов обучения и воспитания. Обсуждается проблематичность прямого, непосредственного переноса закономерностей, выявляемых в фундаментальной науке, в практическую область и формулировка на их основе новых методов обучения и воспитания. Обосновывается положение о том, что переход от фундаментального знания к практике образования

[1] Исследования поддержаны Фондом новых форм развития образования (договор от 28.10.2019 № РУОМ1019). Часть фундаментальных исследований, подготовка публикации и дополнительный анализ данных выполнены в рамках госзадания Минобрнауки № 0138-2022-0002.

осуществляется эффективно при включении специального промежуточного этапа — прикладных исследований. Отмечены положения, сформулированные на базе исследований фундаментальной науки, и рассмотрены результаты ряда связанных с ними экспериментальных практико-ориентированных работ, проведенных нами в школах разных регионов совместно с учителями этих школ. Приведены варианты практических рекомендаций, вытекающих из результатов упомянутых работ. В заключение сопоставлено значение тактических и стратегических исследований применительно к достижению практикоориентированных результатов и собственно научных, "внутренних" целей фундаментальной науки.

Ключевые слова: фундаментальная наука, практика, образование, нейронаука, психология, мораль, научение, память, субъективный опыт, система, стресс, ментальность, методы обучения, методы воспитания, консолидация и реконсолидация, воплощенное познание, переключаемость.

DOI: 10.31857/S020595920019402-8

Очевидно, что данные современной фундаментальной науки должны использоваться в практике образования, участвуя в формировании мультидисциплинарной научно-практической области знания — "новой науки о научении" (см., например, [49]). Когда речь идет о совершенствовании методов обучения и воспитания, сказанное касается данных, полученных при изучении научения и памяти: именно здесь находится идеальное предметное поле "для наведения мостов между фундаментальной наукой и образованием" [40].

Каким бы простым, ясным и привлекательным ни казался путь непосредственного использования выводов, сделанных на основе данных фундаментальной науки, для написания инструкций и формирования "прогрессивных" программ обучения и воспитания в учебных учреждениях, достижения фундаментальной науки не должны внедряться в практику образования путем *прямого*, *непосредственного переноса* в нее из фундаментальной науки [4]. Понимание и интерпретация данных фундаментальной науки при использовании их для реорганизации практической деятельности могут быть построены на информации, полученной из научно-популярных источников, поверхностных пересказов вместо тщательно ознакомления с профильными работами. Результатом такого "освоения" данных фундаментальной науки является создание "нейромифов", противоречащих современным данным нейронаук, психологии; например, миф о том, что различия в доминантности полушарий могут объяснить индивидуальные различия у обучающихся [45]. Негативное влияние упрощенных представлений о межполушарных различиях, как и участие каждого из полушарий в обеспечении любого вида деятельности ранее отмечались рядом авторов (см., например, [2; 12; 27; 42]). Нейромифы чрезвычайно распространены среди педагогов: в некоторые верят около 90% учителей, в том числе преподаватели биологии [12]. Как справедливо заключают М.М. Безруких и соавторы на основе анализа результатов использования нейромифов в педагогике, последние оказываются «"зоной риска" при их использовании в деятельности педагога, так как ведут к некорректным и неэффективным практикам обучения и могут стать потенциальными рисками психического и физического здоровья детей"» [12, с. 126]. Заметим также, что непосредственный контакт между исследователями из фундаментальной науки и практиками образования хотя и может несколько улучшить ситуацию, но не обязательно принципиально. Специальные курсы для педагогов не приводят к значимому уменьшению веры последних в нейромифы [46].

Между эмпирическими данными и производством того утверждения, которое называется "фактом" науки, находится интерпретация. Поэтому из *одного и того же эмпирического явления* могут проистекать *разные* факты, если парадигмы, а следовательно, словари и интерпретации авторов различаются (см., например, [19; 53]). Следовательно, наиболее эффективным путем построения перехода от фундаментального знания к практике образования могут быть результаты специальных практикоориентированных исследований, проводимых в экологически валидных условиях, в которых проверяются практически значимые предположения, сформулированные на основе данных фундаментальной науки. Подобные исследования преодолевают опасность причинения вреда в результате "упрощенного и неправильного толкования" результатов фундаментальных исследований, ставящегося в "*прямую* связь с практическими действиями педагога" [12, с. 128]. Исследования такого, практикоориентированного типа могут рассматриваться как наиболее эффективный мост между образованием и академической наукой, формируемый взаимодействием исследователей и педагогов. В процессе такого взаимодействия, как отмечают Д. Ансари и Д. Кох [33], генерируется знание, релевантное как для образования, так и для развития фундаментальной науки [14].

Около десяти лет назад при использовании результатов мультидисциплинарных исследований

(подробно см. о них: [1; 3; 5; 13; 28; 31; 36; 37; 48]) нами был подготовлен программный доклад на заседании Отделения психологии и возрастной физиологии РАО и выделены направления исследований, в том числе прикладных, развитие которых может через разработку обоснованных современными данными и представлениями методов обучения способствовать совершенствованию образования и воспитания [3]. Основываясь на новых данных фундаментальной науки, значительный вклад в получение которых внесен нашими многолетними исследованиями, были сформулированы задачи целого ряда практикоориентированных исследований. Эти исследования реализовывались как максимально экологически валидные: были проведены в школах (и дошкольных учреждениях) разных субъектов РФ в рамках учебных занятий, причем контакты с учащимися осуществлялись *через их учителей*. Все методики работ и практические рекомендации, сделанные по результатам исследований, обсуждались в содружестве с экспертами в области содержания и методов образования Института стратегии развития образования РАО.

Говоря о результатах исследований фундаментальной науки, имевших для этого проекта особое значение, надо отметить современные данные и представления о ключевых закономерностях научения, включая:

– механизмы стрессовой регрессии (обратимой дедифференциации актуализированного опыта), консолидации и реконсолидации (приспособительной реорганизации) памяти, многозадачности;

– представления о мозговых механизмах, обеспечивающих указанные процессы, в том числе динамику в процессе научения генетической и электрической активации нейронов, связанной с обучением поведению и с его выполнением в разных условиях;

– данные и представления об “отелеснивании” (“воплощении”; embodiment) знаний, о роли разных типов ментальности (аналитизм *vs*. холизм) в познании и о развитии отношений “свой”—“чужой” (формирование чувства справедливости в онтогенезе), а также вообще о формировании моральных решений в зависимости от ряда факторов: возраст, пол, социокультурные переменные.

Мы основывались не только на данных, полученных в экспериментах с участием людей, но и на животных. Каким образом использовались данные, полученные на животных, для формирования представлений об упомянутых выше закономерностях и опосредовано — для формулировки задач практикоориентированных исследований? В системной психофизиологии активность нервных клеток (нейронов) связывается не с какими-либо традиционно понимаемыми специфическими “психическими” или “телесными” функциями, а с обеспечением общеорганизменных систем разного “возраста” и сложности. Реализация этих систем направлена на достижение адаптивных результатов в целостном взаимодействии организма и среды. Закономерности формирования, актуализации и отношений систем друг с другом (а не механизмы “специфических функций”), выявленные при изучении нейронной активности у животных, эффективно применяются для разработки представлений о системных механизмах формирования и использования индивидуального опыта в самом разном поведении человека (например, в задаче категоризации слов родного и иностранного языка, решении моральных дилемм, в операторских задачах, совместной игровой деятельности у детей и взрослых, теоретических и экспериментальных исследованиях эмоций, сознания, совместной деятельности и др. (подробнее см. [1; 3; 8; 25; 28; 31; 37; 48])).

Ниже описаны репрезентативные направления проведенных нами практикоориентированных исследований, а также сформулированные на их основе выводы и варианты практических рекомендаций, которые могут быть предложены на данном этапе работы.

АКТУАЛИЗАЦИЯ И РЕОРГАНИЗАЦИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ЗНАНИЙ У ШКОЛЬНИКОВ ПРИ КРАТКИХ ТЕСТИРОВАНИЯХ

На основании данных, полученных в экспериментах с определением системной специализации нейронов при последовательном формировании разных поведенческих актов, был сделан вывод об изменении ранее сформированной системы поведенческого акта после обучения следующему акту, а реконсолидационная модификация, претерпеваемая ранее сформированной, “старой” системой при появлении связанной с ней новой системы, была названа *аккомодационной реконсолидацией* [32]. Процессы аккомодационной реконсолидации при научении могут затрагивать даже напрямую не связанные домены опыта, например, домены другой мотивации [24].

Исследование влияния приобретения новых знаний на процессы реконсолидационной реорганизации ранее приобретенных знаний было проведено в седьмых классах нескольких подмосковных школ (N = 359). Проверялось главным образом,

помогут ли промежуточные краткие процедуры для реактивации памяти (тестирования, “тесты-опросники”) по биологии и физике, предлагаемые учащимся непосредственно перед началом освоения нового материала, улучшить воспроизведение материала по этим предметам впоследствии. В исследовании с участием студентов было показано, что подобное введение в университетское преподавание некоторых дисциплин дополнительных тестирующих мероприятий может способствовать улучшению воспроизведения материала дисциплины в дальнейшем [43].

В нашем исследовании школьники в течение трех-четырех недель проходили тесты-опросники по биологии в начале урока физики и по физике — в начале урока биологии; либо наоборот — по биологии перед биологией и по физике перед физикой. Каждый тест состоял из двух вопросов открытого типа. Оказалось, что процент обучающихся, которые продемонстрировали хорошие знания на финальных контрольных мероприятиях, различался по разным темам по физике и зависел от того, происходили ли у этих обучающихся реактивации памяти при помощи тестов-опросников. Например, процент семиклассников, освоивших тему “Измерения”, оказался выше (критерий хи-квадрат Пирсона $\chi^2 = 20.51$; $p < 0.001$) в том случае, если они проходили дополнительные тестирования, по сравнению с классом, обучающиеся которого таких тестирований не проходили. Причем тема “Измерения” осваивалась одной из первых еще в начале учебного года. Ближайшая к ней по времени освоения тема “Диффузия и плотность” по результатам, продемонстрированным в контрольной работе, выглядит ровно наоборот: класс, проходивший дополнительные тестирования, продемонстрировал худшие результаты по сравнению с контрольным классом ($\chi^2 = 60.27$; $p < 0.001$). В дополнительных тестированиях вопрос по теме “Измерения” встречался, а по теме “Диффузия и плотность” — нет.

Полученные результаты можно объяснить только наличием ряда реактиваций материала в процессе дополнительных тестирований у экспериментального класса, поскольку контрольные и экспериментальные классы не отличались по успеваемости. Следовательно, введение дополнительных реактиваций памяти посредством дополнительных тестирующих мероприятий может приводить к улучшению воспроизведения реактивируемого материала, усвоение которого происходило несколько месяцев назад. При этом подобного эффекта не отмечается для тех тем, освоение которых происходило относительно недавно. Временны́е рамки этих процессов, вероятно, зависят от особенностей запоминаемого материала, что открывает перспективу дальнейших исследований, как фундаментальных, так и прикладных.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА С УЧЕТОМ СТРЕССОВОЙ РЕГРЕССИИ

Состояние стресса является одним из проявлений сформированного в эволюции процесса адаптации [6], не обязательно является предиктором развития патологических состояний и способствует формированию адаптивного поведения ([54] и мн. др.). Снижение актуализации высокодифференцированного опыта при стрессе лежит в основе феномена регрессии — обратимой дедифференциации, позволяющей перейти от неэффективного в новой ситуации сложного поведения к его более простым формам, что способствует ускорению поиска решения в проблемной ситуации [6; 38].

Экологическая модель развития ребенка Ю. Бронфенбреннера и связанная с ней модель встроенных систем для школьников А. Мастен показывают, что школьная жизнь может заключать в себе стрессоры, связанные не только с оценками академической успеваемости, но и критическим отношением учителей, негативным отношением одноклассников, слабой родительской поддержкой и т.п. [21]. Эффект стрессоров, в том числе кумулятивный [47], может негативно сказываться на способности к обучению, успеваемости, снижает самооценку, мотивацию достижений и в целом понижает жизнеспособность школьника [22]. Высокие учебные нагрузки у детей и подростков отчасти связаны и с тем, что проверочные процедуры проводятся наряду с предъявлением нового материала без учета их вероятных влияний на результативность друг друга. В настоящем практикоориентированном исследовании нами была поставлена задача оценить выраженность явления стрессовой регрессии в условиях учебного занятия при формировании нового знания и ее вероятный эффект на успешность выполнения заданий, требующих актуализации высокодифференцированного опыта.

Работа была проведена с участием 94 учеников 7-х классов в ходе предъявления на специальных уроках нового материала (новизна), приобретение опыта решения задач нового типа (научение) и решение задач в условиях экзаменационного стресса (реализация опыта). Динамику функционального состояния и выраженности стресса оценивали с помощью показателей вариабельности сердечного

ритма (ВСР), зарегистрированного с помощью беспроводных электрокардиографов.

Выявлена сильная положительная связь уровня тревожности (шкала CMAS) с выраженностью уровня стресса при выполнении заданий (ρ Спирмена = 0.88; $p = 0.02$). У учеников того из двух параллельных классов, работа с которыми проходила позже в течение дня, средние значения показателей ВСР по выборке демонстрировали увеличение степени выраженности стресса (критерий Манна—Уитни, $Z = -2.21$; $p = 0.026$), что может свидетельствовать о кумулятивном эффекте стрессоров, упоминавшемся выше. Выполнение заданий оценивали на двух уроках, и результативность оказалась ниже в том случае, когда проверочной работе предшествовало предъявление нового материала, по сравнению с уроком без его предъявления (критерий Вилкоксона $W = 0.94$; $p = 0.016$). Успешность выполнения заданий на новый материал (усвоение нового знания) оказалась связана с выраженностью стрессовой регрессии в момент получения этого знания (ρ Спирмена = –0.97; $p = 0.0012$). Следовательно, выявлен эффект стрессовой регрессии: дедифференциация, связанная с формированием нового знания, затрудняет актуализацию ранее сформированного высокодифференцированного знания.

Результаты данного исследования позволяют рекомендовать учитывать кумулятивный эффект стрессоров и в целях повышения результативности выполнения проверочных работ до их проведения не давать новый материал. Кроме того, полученные результаты ставят задачи для фундаментального исследования того, должны ли быть сходными домены, к которым относятся новый и актуализируемый опыт, для выявления эффекта стрессовой регрессии.

ЧЕРЕДОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ СОДЕРЖАНИЯ ТЕМЫ В ПРОЦЕССЕ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Смена различных способов предъявления нового материала зачастую происходит не только в течение учебного дня, но и в пределах одного урока. Согласно развиваемым нами представлениям и результатам исследования с регистрацией активности отдельных нервных клеток мозга животных [52], обучение с использованием чередования может “сепарировать” чередуемые формы поведения в структуре опыта.

Обучение с чередованием может сопровождаться отсроченным преимуществом в отношении результативности воспроизведения [51], при том что показатели немедленного воспроизведения оказываются выше после обучения без чередования. Это позволило нам предположить, что чередование может быть инструментом изменения результативности обучения. Кроме того, чередование является частным случаем ситуации многозадачности, и совершенствование обучения за счет использования положительных следствий многозадачности имеет особое значение в связи с современным развитием средств коммуникации [26].

В качестве материала, который можно разделить на элементы содержания и предъявить их разными способами, использовали тему “Словосочетание” из программы по русскому языку в 8-м классе. Оценивались показатели результативности воспроизведения на основе итогов применения контрольных процедур (тестов), а также показатели ритмограммы сердца и поведенческие характеристики выполнения примеров на эту же тему в ходе работы с компьютерной методикой учеников классов, в которых элементы содержания предъявлялись с чередованием и без него.

Согласно полученным данным ($N = 114$), различие результативности выполнения тестов во втором (отсроченном) тестировании было значимым ($U = 1716.5$; $p < 0.01$), доля верных ответов была выше в группе с чередованием. При анализе ритмограммы сердца различия между группами участников ($N = 84$) выявлено, что мощность высокочастотной составляющей ритма (HF), отражающего уровень расслабленности/концентрации и возможность контроля этого уровня, не снижается значимо в группе с чередованием (критерий Вилкоксона $W = 225.0$; $p > 0.05$) в отличие от группы без чередования ($W = 231.0$; $p < 0.001$). Также в группе с чередованием выше показатель “цены переключения” между элементами содержания материала ($U = 1375.0$; $p = 0.035$). Кроме того, эти два показателя характеризуются невысоким, но значимым коэффициентом корреляции Спирмена (ρ = 0.27; $p = 0.005$). По-видимому, более высокая отсроченная результативность участников этой группы связана с формированием такой структуры опыта, которая позволяет эффективнее концентрировать необходимые умственные усилия на выполнении примеров элементов содержания.

Этот результат позволяет утверждать, что существуют условия, при которых чередование, усложняющее (см. об эффектах усложнения в [18]) усвоение материала при ознакомлении с ним, потенциально увеличивает возможность результативного воспроизведения материала. Работа также позволяет сформулировать новое предположение для

фундаментального исследования обучения с чередованием заданий: противопоставление элементов содержания за счет их чередования способствует усвоению связей между элементами материала (их сходств и различий) и способствует переносу этого опыта. Действительно оказалось, что с успешностью отсроченного воспроизведения элементов содержания связана выраженная холистичность участников, определенная по шкале аналитичности—холистичности [10]. Индивидуальным различиям, а именно изучению фактора ментальности в обучении российских школьников, было посвящено отдельное направление нашего исследования.

МЕНТАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ УСПЕВАЕМОСТЬ

В современной литературе термин “ментальность” понимается как набор психологических качеств, которые отличают один народ от другого [29]; при этом содержание категории “ментальность” может выходить за пределы ее этнического понимания. В качестве базовой психологической категории, которая описывает типы ментальности, нами используется категория аналитичности—холистичности [8].

Показано, что в русскоязычной культуре существует как аналитическая, так и холистическая популяции, и они различаются по формам социального взаимодействия [34; 41] и особенностям динамики реализации простого навыка [9]. Последнее актуально в связи с исследованием способов повышения результативности обучения. На основе этих представлений была поставлена цель — оценить особенности обучения детей разных типов ментальности в российских школах.

Для определения типа ментальности использовалась шкала аналитичности—холистичности, апробированная нами ранее на взрослых респондентах [10]. Для проведения корректного измерения ментальности российских школьников проведены апробация (N = 445), а также последующая адаптация (N = 615) нового варианта методики и проверка ее психометрических характеристик. Методика была адаптирована с учетом возраста респондентов, в конечный вариант подростковой шкалы аналитичности—холистичности вошли 22 утверждения. Показатели аналитичности—холистичности сопоставлялись с успеваемостью российских школьников по ряду дисциплин.

В результате анализа данных (N = 552) достоверных взаимосвязей между аналитичностью—холистичностью и академической успеваемостью не найдено. В литературе описаны результаты, свидетельствующие о том, что аналитическое мышление связано с лучшей академической успеваемостью студентов университета [55], однако существенно то, что эти результаты были получены авторами на западной выборке. Наши данные (а также результаты исследования стрессовой регрессии (см. выше) и изменения межгрупповых предубеждений (ниже)) говорят о том, что распространять выводы, полученные на выборках из западных стран, на российскую культуру некорректно без специальной верификации этих результатов.

По результатам исследования можно утверждать, что рекомендовать реализацию однотипного (аналитического либо холистического) способа освоения материала [11] нецелесообразно. Можно говорить о том, что аналитическое и холистическое мышление носят взаимодополнительный (комплементарный) характер в процессе освоения школьной программы. Комплементарность определяется как согласованность и взаимодополнительность предиспозиций и связанных с ними “культурных специализаций” внутри сообщества [5]. Известно, что гетерогенные группы способны достигать лучших результатов, чем гомогенные [35]. Учитывая бóльшую значимость холистического мышления в российской культуре по сравнению с западными и в соответствии с представлениями об эволюционной значимости разнообразия ментальных вариаций [8], при использовании кооперативных форм взаимодействия в процессе обучения можно предполагать бóльшую эффективность конструирования групп, включающих в себя как аналитичных, так и холистичных учащихся (т.е. по принципу комплементарности). Это предположение требует специальной проверки, которая в настоящий момент проводится. Кроме того, в связи с результатами настоящего исследования дополнительную значимость приобретает изучение факторов актуализации личного опыта в более раннем, чем подростковый, возрасте при индивидуальном решении задач. Реализация такого исследования представлена в следующем разделе.

“ОТЕЛЕСНИВАНИЕ” АБСТРАКТНОГО ЗНАНИЯ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ

Теоретические представления о том, что абстрактное знание неотделимо от телесного опыта, были заложены в теории функциональных систем П.К. Анохина [7], согласно которой любая

функциональная система является общеорганизменной. Разработан ряд современных концепций телесной основы знания (embodied cognition), которые, в частности, обосновывают, что абстрактные и конкретные знания неразрывно связаны (см. обзор [50]); получены данные о том, что конкретные знания, которые формируются на ранних этапах развития, актуализируются быстрее и оцениваются как вызывающие более интенсивные эмоции, чем знания, которые формируются позднее [48]. В настоящем исследовании предполагалось, что мотивация к формированию абстрактных знаний может быть повышена за счет усиления связи вновь формируемых абстрактных знаний с уже имеющимися у человека конкретными практическими знаниями, включающими телесный опыт.

Такое усиление связи формируемых абстрактных знаний с конкретными было реализовано за счет изменения формулировок учебных материалов, поскольку форма вербализации знания является важнейшим фактором, обусловливающим успешность обучения [17; 23]. Показано, что более выраженное ощущение погружения в вымышленный мир возникает при чтении рассказа, в котором читатель является героем рассказа (повествование от первого лица), по сравнению с ситуацией, когда читатель только наблюдает за действиями героя (повествование с позиции третьего лица) [44]. В настоящем исследовании ($N = 67$) содержащиеся в учебниках для вторых классов математические правила и правила русского языка, а также определения и памятки, сформулированные в повелительном наклонении или в безличной форме, были переформулированы от первого лица. Все математические задачи были переформулированы так, чтобы включать ученика как действующего персонажа через использование личного местоимения второго лица “ты” и/или переделаны таким образом, чтобы содержание задачи включало описание знакомых младшим школьникам ситуаций, действий и ощущений без изменения числовых значений, имеющихся в задаче.

В двух классах использовались модифицированные учебные материалы по математике, в двух других классах — материалы по русскому языку. В контрольном классе обучение по предметам “Русский язык” и “Математика” проходило на основе типовых учебных материалов. В начале, середине и конце учебного года школьными психологами проводилась диагностика мотивационной сферы учеников с использованием методики Н.В. Елфимовой.

Было обнаружено, что значимость внешнего мотива обучения “Я учусь для того, чтобы получать хорошие оценки” снижалась в течение учебного года в трех из четырех экспериментальных классах (критерий Фридмана, $p = 0.025$; критерий Вилкоксона, $p < 0.05$) и не менялась в контрольном классе. Значимость внутреннего познавательного мотива “Я учусь потому, что мне нравится процесс учения” повышалась в одном из двух классов, в которых обучение проходило на основе модифицированных учебных материалов по русскому языку (критерий Фридмана, $p = 0.041$). В контрольном классе обнаружено только снижение в течение учебного года значимости социального мотива обучения “Я учусь для того, чтобы своими успехами радовать родителей” (критерий Вилкоксона, $p = 0.015$).

Мы полагаем, что нами выявлен факт, имеющий практическое значение: при обучении русскому языку и математике на основе личностно-ориентированных учебных материалов у учеников актуализируется имеющийся у них ранний индивидуальный опыт, что сопряжено с позитивными изменениями в их мотивационной сфере. Полученные результаты указывают на перспективность исследования факторов актуализации опыта, сформированного на ранних этапах развития. Пример такой работы представлен в следующем разделе.

ИЗМЕНЕНИЕ МЕЖГРУППОВЫХ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ С ПОМОЩЬЮ ОБСУЖДЕНИЯ ДИДАКТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

В наших исследованиях в рамках изучения проблемы формирования нравственного отношения к членам разных групп был выявлен возрастной тренд от безусловной поддержки членов своей группы в более раннем возрасте к справедливой поддержке членов чужих групп [25]. На основе этого результата и представлений, изложенных во введении, нами было сформулировано предположение о возможности своеобразного ускорения: снижения имплицитных и эксплицитных межгрупповых предубеждений в условиях образовательной среды уже на ранних этапах онтогенеза.

В исследовании приняли участие дошкольники, а также ученики вторых и третьих классов ($N = 114$). Педагоги проводили обсуждения шести дидактических рассказов о взаимодействии детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и без таковых. В контрольных группах участников предъявляли рассказы с описанием взаимодействия детей без ОВЗ. Значимое снижение межгрупповых предубеждений с помощью этого метода было

показано ранее [39]. До и после проведения всех занятий проводили оценку имплицитных и эксплицитных предубеждений детей по отношению к людям с ОВЗ с помощью теста имплицитных ассоциаций и методики измерения расовых установок, адаптированной для измерения отношения к лицам разных групп здоровья.

Выявлены достоверное увеличение негативных эксплицитных предубеждений к людям с ОВЗ у дошкольников (критерий Манна—Уитни $U = 47.0$; $p = 0.043$) и снижение позитивных эксплицитных предубеждений по отношению к здоровым людям у второклассников ($U = 49.0$; $p = 0.043$) и тенденция к увеличению имплицитных негативных предубеждений к людям с ОВЗ у третьеклассников ($U = 6.0$; $p = 0.076$). По-видимому, метод обсуждения дидактических рассказов в той форме, в которой он был представлен в нашем исследовании и имел положительный эффект в западной культуре, не является эффективным в российской культуре. Возможно, подобными занятиями мы обращаем внимание на различия между людьми с особенностями здоровья, что может восприниматься как ограничение их возможности включаться в достижение коллективных результатов и, как следствие, приводит к увеличению предубеждений к ним. Кроме того, вероятно, родители вносят вклад в изменение предубеждений у детей при обсуждении занятий в домашнем кругу (в ходе дальнейшей работы мы считаем возможным проконтролировать эту переменную, а также использовать метод формулировок задач от первого лица (см. предыдущий раздел)).

Важно отметить, что эксплицитные предубеждения могут снижаться и без использования специальных методов, о чем в нашем исследовании свидетельствует связь между возрастом участников исследования и эксплицитными предубеждениями на этапе первого тестирования (коэффициент корреляции Спирмена, $\rho = -3.42$; $p = 0.001$). Полученные результаты вносят вклад в понимание необходимости проведения специальных исследований пригодности “западных” методов для снижения межгрупповых предубеждений в России. Кроме того, они позволяют сформулировать новые предположения о факторах формирования межгрупповых предубеждений к членам разных групп на разных стадиях онтогенеза.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основываясь на результатах междисциплинарных исследований, ранее мы описали системную структуру индивидуального опыта, охарактеризовали закономерности ее формирования при научении, актуализации при реализации поведения разной сложности индивидами, принадлежащими к разным видам, выявили особенности мозгового обеспечения поведения и психики при вариациях индивидуальных свойств субъектов, внешних условий и внутренних состояний. Выявление в фундаментальной науке этих закономерностей явилось принципиальным этапом для формулировки целого ряда разных, но при этом тесно взаимосвязанных задач практикоориентированных исследований, а также для единого понимания и описания всех данных, которые были получены при решении участниками этих задач. Проведение этих исследований не только позволило получить важные для практики образования результаты, но и дополнило компоненты того фундаментального знания, которое было положено в основу реализации указанных исследований (см. выше). Поскольку наш подход и выявленные в его рамках закономерности имеют в основе центральное положение о системной структуре индивидуального опыта как фиксированной истории ее развития, т.е. положение об уровнях как этапах развития, можно полагать, что они отвечают требованиям “действенно-преобразующего типа знания” [20]. Это именно тот тип фундаментального знания, который составляет надежную теоретическую базу формирования научно обоснованных преобразований в практике и позволяет в прикладных исследованиях сместиться от локальных моделей, рассматривающих отдельный процесс или механизм, к подходу, относящемуся к человеческой личности в целом [14]. Таким образом, нами была выполнена намеченная программа проведения основанных на данных фундаментальной науки практикоориентированных экспериментов в экологически валидных условиях (принципиальных для практических разработок, но *не* необходимых в исследованиях фундаментальной науки [15; 20]).

Подчеркнем, что исследования, в которых были получены упомянутые данные фундаментальной науки, имели своей целью не решение определенных, заранее назначенных прикладных проблем, а развитие представлений именно фундаментальной науки, которое было обусловлено внутренней логикой системно-эволюционного подхода и науки в целом. Однако, будучи сформулированными, эти представления оказались методологической стартовой площадкой, позволившей сформулировать не одну, а целый комплекс различных, но связанных единой логикой прикладных задач. Не отрицая полезности решения отдельных прикладных задач *ad usum vitae*, мы можем утверждать, что развитие собственно фундаментальной науки

не просто имеет значение для практики (что очевидно), но может оказаться особенно эффективным, поскольку не только дает возможность решать отдельные практические задачи, но и позволяет, даже более того, предполагает формирование целых стратегий практикоориентированных исследований.

Мы основываемся в этом индуктивном утверждении на конкретном примере перехода от фундаментальной науки (психологии, нейронауки) к практике образования. Конечно, взаимоотношения практики и разных разделов фундаментальной науки имеют специфические черты [15], но, по всей видимости, логика данного утверждения применима и к другим областям науки и практики. Общность (наряду со специфичностью), характеризующая отношения фундаментальной науки и практики, отмечалась и раньше. Так, А.В. Юревич [30], анализируя явную упрощенность, нереалистичность представления о непосредственной связи фундаментального знания с эффективными практическими разработками и инновациями, подчеркивает, что подобная ситуация характерна как для психологии и психологической практики, так и для всей науки в целом, включая естественнонаучные и инженерные ее области.

В 1954 г. П.Л. Капица — блестящий не только физик, но и инженер-практик — в письме Н.С. Хрущеву писал: «Принято считать, что главная задача науки — это разрешать насущные трудности, стоящие перед нашим хозяйством. Конечно, наука непременно должна это делать, но это не главное. По-настоящему передовая наука — это та наука, которая <...> не идет на поводу у практики, а сама создает новые направления <...> и этим меняет уклад нашей жизни. <...> Конечно, решение этих проблем тесно связано с запросами жизни, но эта связь не тривиальна <...> обычно эту связь понимают <...> сперва “ученые” и значительно позже “практики”. В <...> исканиях, основанных на решении насущных запросов практики <...> у нас дело идет [и этим] часто прикрывают отсутствие крупного и передового творчества. Я глубоко горюю о таком положении вещей. <...> нужно поднять на щит фундаментальные теоретические научные проблемы...» [16]. Действительно фундаментальные междисциплинарные исследования, приближающие науку в данном проблемном поле к статусу действенно-преобразующего знания, эффективно способствуют достижению стратегических целей. Достижение этих целей предопределяет более чем решение локальных, практикоориентированных задач — оно позволяет развернуть широкий их фронт.

Благодарность

Авторы выражают благодарность за неоценимую помощь в планировании, проведении и обсуждении результатов исследования учителям Червяковой О.В. и Цулаю И.З. (МБОУ “Видновская СОШ № 5 с УИОП”, директор Рубцов О.В.), Куняеву С.А., Козуб Л.Н. и Усачевой А.А. (МАОУ Апрелевская СОШ № 1, директор Борисов Д.В.), Новиковой Л.В. (МАОУ Домодедовская СОШ № 8, директор Комарницкая О.В.), Смородине Е.М. (МАОУ Домодедовская СОШ № 9 имени Героя Советского Союза Д.К. Курыжова, директор Сергеева Н.Н.), Гусевой Е.С., Кузнецовой М.С., Войнич А.В., Тихоновой И.А., Бойченко А.Ю. и Почепке И.В. (ГБОУ г. Москвы “Школа 1370”, директор Щеверова М.П.), Абрамовой Е.В., Абрамовой Н.А., Горбуновой Т.Г., Демочкиной В.С. и Кристиогло М.Н. (ФГБДОУ “Детский сад № 53”, заведующая Занойкина Е.В.), Александровой Е.С., Воробьевой Г.В., Игнашковой И.И., Лобановой М.В. и Цанава А.К. (ГБОУ г. Москвы “Школа 1370”, корпус № 7 (дошкольное образование), заведующая Набойченко Л.В.), Дымовой А.Н., Клищ С.С., Крутовой Н.А., Настащук Е.А. и Сайгушевой Е.А. (МБОУ СОШ № 1 г.о. Лосино-Петровский, директор Чернушко Л.Н.), Лонской Л.Ф. (МБОУ СОШ № 1 г.о. Пущино, директор Румянцева Г.Ю.), Булдаковой Н.В. и Занько Л.В. (КОГОАУ Вятская гуманитарная гимназия г. Кирова, директор Вологжанина В.В.), Бледных О.А., Богатыревой А.А. и Чирковой О.В. (МБОУ СОШ с УИОП № 9 г. Кирова, директор Аксенова Н.А.), Земсковой В.В. и Оленевой Н.А. (МАОУ “Гимназия № 5” г. Чебоксары, директор Исаева И.В.), Калужской М.В., Легостаевой М.С. и Шняк В.В. (МАОУ Гимназия № 210 “Корифей” г. Екатеринбурга, директор Бабетов А.А.) и ведущим специалистам Института стратегии развития образования РАО член-корр. РАО, д.п.н. Виноградовой Н.Ф., к.п.н. Гостевой Ю.Н., к.п.н. Добротиной И.Н., д.п.н. Кузнецовой М.И., к.ф.-м.н. Пентину А.Ю., к.п.н. Пустыльник (Власовой) Ю.Ю., к.п.н. Рословой Л.О.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров Ю.И.* В.Б. Швырков: формирование новой парадигмы в психологии и смежных науках // Выдающиеся ученые Института психологии РАН / Под ред. А.Л. Журавлева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020. С. 218–255.
2. *Александров Ю.И.* Вступительная статья // Ярвилехто Т. Мозг и психика / Под ред. Ю.И. Александрова. М.: Прогресс, 1992. С. 5–18.

3. *Александров Ю.И.* Психофизиологические закономерности научения и методы обучения // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 6. С. 5–19.

4. *Александров Ю.И.* От фундаментального знания к практико-ориентированным исследованиям научения и памяти // Материалы докладов на Международной научно-практической конференции “О перспективах исследований в сфере наук об образовании” 6–7 декабря 2021 года. В печати.

5. *Александров Ю.И.*, *Александрова Н.Л.* Комплементарность культуроспецифичных типов познания // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2010. № 3. С. 18–34.

6. *Александров Ю.И.*, *Сварник О.Е.*, *Знаменская И.И.*, *Колбенева М.Г.*, *Арутюнова К.Р.*, *Крылов А.К.*, *Булава А.И.* Регрессия как этап развития. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2017.

7. *Анохин П.К.* Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978.

8. *Апанович В.В.*, *Александров Ю.И.* Системное значение меж- и внутрикультурных ментальных вариаций // Вестник психофизиологии. 2021. № 1. С. 24–35.

9. *Апанович В.В.*, *Арамян Э.А.*, *Дольникова М.С.*, *Александров Ю.И.* Различия мозгового обеспечения решения аналитических и холистических задач // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 2. С. 45–60.

10. *Апанович В.В.*, *Знаков В.В.*, *Александров Ю.И.* Апробация шкалы аналитичности-холистичности на российской выборке // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 80–96.

11. *Апанович В.В.*, *Тищенко А.Г.*, *Арутюнова К.Р.*, *Александров Ю.И.* Способы решения аналитических и холистических задач // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 4. С. 52–71.

12. *Безруких М.М.*, *Иванов В.В.*, *Орлов К.В.* Диссонанс между представлениями о развитии мозга в современной нейробиологии и знаниями педагогов // Science for Education Today. 2021. Т. 11. № 1. С. 125–150.

13. *Гаврилов В.В.* Соотношение импульсной активности нейронов с медленными потенциалами мозга в поведении: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1992.

14. *Журавлев А.Л.*, *Ушаков Д.В.* Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 5–16.

15. *Журавлев А.Л.*, *Ушаков Д.В.* Теория и практика: взгляды с разных сторон (ответ на комментарии) // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 127–132.

16. *Капица П.Л.* Письмо Н.С. Хрущеву 12 апреля 1954 г. // Письма о науке. 1930–1980. М.: Московский рабочий, 1989.

17. *Носуленко В.Н.*, *Терехин В.А.* Передача знаний: обзор основных моделей и технологий // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 4. С. 96–115.

18. *Поддьяков А.Н.* Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

19. *Полани М.* Личностное знание. М.: Прогресс, 1985.

20. *Пономарев Я.А.* Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1980.

21. *Постылякова Ю.В.* Индивидуальная и академическая жизнеспособность студентов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. XV. Вып. 4. С. 147–152.

22. *Постылякова Ю.В.* Индивидуальная жизнеспособность и индивидуально-психологические ресурсы студентов с разной академической успеваемостью // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2020. Т. 5. № 1. С. 61–80.

23. *Самойленко Е.С.*, *Богданова И.В.* Современные представления о типах знания и опыта в психологических исследованиях проблемы их капитализации // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 4. С. 74–95.

24. *Сварник О.Е.*, *Анохин К.В.*, *Александров Ю.И.* Опыт первого, “вибриссного”, навыка влияет на индукцию экспрессии c-fos в нейронах бочонкового поля соматосенсорной коры крыс при обучении второму, “невибриссному”, навыку // Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова. 2014. Т. 64. № 1. С. 77–83.

25. *Созинова И.М.*, *Знаменская И.И.*, *Александров Ю.И.* Нравственное отношение к “чужому” у детей 3–11 лет. Решение моральных дилемм: предубеждения и предпочтения // Теоретическая и экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 1. С. 44–57.

26. *Солдатова Г.У.*, *Рассказова Е.И.* Многозадачность как одновременное выполнение и как переключение между заданиями: подходы к диагностике медиамногозадачности у детей и подростков // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 4. С. 88–101.

27. *Черниговская Т.В.* Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013.

28. *Швырков В.Б.* Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики // Швырков В.Б. Избранные труды / Под ред. Ю.И. Александрова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006.

29. *Юревич А.В.* Психология социальных явлений. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2014.

30. *Юревич А.В.* Исследовательская и практическая психология: еще раз о схизисе // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 127–136.

31. *Alexandrov Yu.I.*, *Sozinov A.A.*, *Svarnik O.E.*, *Gorkin A.G.*, *Kuzina E.A.*, *Gavrilov V.V.* Neuronal Bases of Systemic Organization of Behavior // Cheung-Hoi Yu A., Li L. (eds). Systems Neuroscience // Advances in Neurobiology. 2018. V. 21. P. 1–33.

32. *Alexandrov Yu.I.*, *Grinchenko Yu.V.*, *Shevchenko D.G.*, *Averkin R.G.*, *Matz V.N.*, *Laukka S.*, *Korpusova A.V.* A subset of cingulate cortical neurons is specifically activated during alcohol-acquisition behaviour // Acta Physiol. Scand. 2001. V. 171. P. 87–97.

33. *Ansari D.*, *Coch D.* Diversity of approaches: science of learning and education // Trends in Cognitive Sciences. 2006. V. 4. № 10. P. 146–151.

34. *Apanovich V.V.*, *Bezdenezhnykh B.N.*, *Sams M.*, *Jaaskelainen I.P.*, *Alexandrov Yu.I.* Event-related potentials during individual, cooperative, and competitive task performance differ in subjects with analytic vs. holistic thinking // International Journal of Psychophysiology. 2018. V. 123. P. 136–142.

35. *Apanovich V.V.*, *Tischenko A.G.*, *Arutyunova K.R.*, *Znakov V.V.*, *Alexandrov Yu.I.* Complementarity of holistic and analytical mentalities and task type as factors of cooperative problem solving // Восьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 18–21 октября 2018 г. / Отв. ред. А.К. Крылов, В.Д. Соловьев. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018.

36. *Arutyunova K.R.*, *Alexandrov Yu.I.*, *Hauser M.D.* Sociocultural influences on moral judgments: East-West, male-female and young-old // Frontiers in Psychology. 2016. V. 7. Art. 1334.

37. *Bakhchina A.V.*, *Arutyunova K.R.*, *Sozinov A.A.*, *Demidovsky A.V.*, *Alexandrov Yu.I.* Sample entropy of the heart rate reflects properties of the system organization of behaviour // Entropy. 2018. V. 20. № 6. Article 449.

38. *Bulava A.I.*, *Alexandrov Yu.I.* Reconsolidation and Cognitive Novelty // Advances in Intelligent Systems and Computing / Velichkovsky B.M., Balaban P.M., Ushakov V.L. (eds). Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics. Springer, Cham. 2021. V. 1358. P. 504–509.

39. *Cameron L.*, *Rutland A.* Extended contact through story reading in school: Reducing children’s prejudice toward the disabled // Journal of Social Issues. 2006. V. 62. № 3. P. 469–488.

40. *Carew T.J.*, *Magsamen S.H.* Neuroscience and education: An ideal partnership for producing evidence-based solutions to guide 21st century learning // Neuron. 2010. V. 67. № 5. P. 685–688.

41. *Fu F.L.*, *Wu Y.L.*, *Ho H.C.* An investigation of coopetitive pedagogic design for knowledge creation in Web-based learning // Computers & Education. 2009. V. 53. № 3. P. 550–562.

42. *Goswami U.* Neuroscience and education: from research to practice? // Nature Reviews Neuroscience. 2006. V. 7. P. 406–413.

43. *Greving S.*, *Richter T.* Examining the Testing Effect in University Teaching: Retrievability and Question Format Matter // Frontiers in Psychology. 2018. V. 9. Art. 2412.

44. *Hartung F.*, *Burke M.*, *Hagoort P.*, *Willems R.M.* Taking perspective: personal pronouns affect experiential aspects of literary reading // PLoS One. 2016. V. 11. № 5. Art. e0154732.

45. *Howard-Jones P.A.* Neuroscience and education: myths and messages // Nature Reviews Neuroscience. 2014. V. 15. № 12. P. 817–824.

46. *Im S.H.*, *Cho J.Y.*, *Dubinsky J.M.*, *Varma S.* Taking an educational psychology course improves neuroscience literacy but does not reduce belief in neuromyths // PloS One. 2018. V. 13. № 2. Art. e0192163.

47. *Joëls M.*, *Guillen F.*, *Benno R.* Stress and emotional memory: a matter of timing // Trends in Cognitive Sciences. 2011. V. 15. № 6. P. 280–288.

48. *Kolbeneva M.G.*, *Alexandrov Yu.I.* Mental reactivation and pleasantness judgment of experience related to vision, hearing, skin sensations, taste and olfaction // PLoS ONE. 2016. V. 11. № 7. Art. e0159036.

49. *Meltzoff A.N.*, *Kuhl P.K.*, *Movellan J.*, *Sejnowski T.J.* Foundations for a new science of learning // Science. 2009. V. 325. № 5938. P. 284–288.

50. *Pexman P.M.* The role of embodiment in conceptual development // Language, Cognition and Neuroscience. 2019. Vol. 34. № 10. P. 1274–1283.

51. *Simon D.A.*, *Lee T.D.*, *Cullen J.D.* Win-shift, lose-stay: contingent switching and contextual interference in motor learning // Perceptual and motor skills. 2008. V. 107. № 2. P. 407–418.

52. *Sozinov A.A.*, *Bakhchina A.V.*, *Alexandrov Yu.I.* The way of learning preserved in the structure of individual experience shapes task-switching: Implications for neuroscience and education // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2021. V. 9. № 2. P. 291–299.

53. *Weimer W.B.* Science as a rhetorical transaction: Toward a nonjustificational conception of rhetoric // Philosophy and Rhetoric. 1977. V. 10. P. 1–29.

54. *Whiting S.B.*, *Wass S.V.*, *Green S.*, *Thomas M.S.C.* Stress and learning in pupils: Neuroscience evidence and its relevance for teachers // Mind, Brain, and Education. 2021. V. 15. № 2. P. 177–188.

55. *Zhang L.F.* Thinking styles and modes of thinking: Implications for education and research // The Journal of Psychology. 2002. V. 136. № 3. P. 245–261.

FUNDAMENTAL SCIENCE AND PRACTICE: FROM A MULTIDISCIPLINARY ANALYSIS OF LEARNING, MEMORY AND MORAL JUDGEMENTS TO APPLIED METHODS OF EDUCATION[2]

Yu. I. Alexandrov*, A. A. Sozinov, O. E. Svarnik***, I. M. Sozinova****, A. I. Bulava*****, M. G. Kolbeneva******, V. V. Apanovich*******, E. A. Sukhino-Homenko********, K. R. Arutyunova*********, A. V. Bakhchina**********, K. I. Ananyeva**********, V. V. Znakov***********, V. N. Nosulenko***********, Yu. V. Postylyakova************

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.
**Corresponding Member of RAE, ScD (Psychology), Professor,*
Head of Shvyrkov's Laboratory of Psychophysiology.
E-mail: yuraalexandrov@yandex.ru
***PhD (Psychology), Researcher, Shvyrkov's Laboratory of Psychophysiology.*
E-mail: alesozinov@yandex.ru
****PhD (Psychology), Senior Researcher, Shvyrkov's Laboratory of Psychophysiology*
E-mail: olgaesvarnik@yandex.ru
*****PhD (Psychology), Researcher, Shvyrkov's Laboratory of Psychophysiology*
E-mail: eiole@yandex.ru
******Junior Researcher, Shvyrkov's Laboratory of Psychophysiology. E-mail: ai.bulava@mail.ru*
*******PhD (Psychology), Researcher, Shvyrkov's Laboratory of Psychophysiology.*
E-mail: kolbenevamarina@mail.ru
********PhD (Psychology), Researcher, Shvyrkov's Laboratory of Psychophysiology.*
E-mail: apanovitschvv@yandex.ru
*********Graduate Student, Institute of Psychology. E-mail: e.sukhino@gmail.com*
**********PhD (Psychology), Associate Researcher Shvyrkov's Laboratory of Psychophysiology*
E-mail: arutyunova@inbox.ru
***********PhD (Psychology), Researcher, Shvyrkov's Laboratory of Psychophysiology*
E-mail: nastya18–90@mail.ru
************PhD (Psychology), Researcher, Laboratory of cognitive processes and mathematical psychology*
E-mail: hristinka.84@gmail.com
*************ScD (Psychology), Professor, Principal Scientific Officer, Laboratory of Psychology of Development of Subject under Normal and Post-traumatic States*
E-mail: znakov50@yandex.ru
**************ScD (Psychology), Principal Scientific Officer, Laboratory of cognitive processes and mathematical psychology. E-mail: valery.nosulenko@gmail.com*
***************PhD (Psychology), Researcher, Laboratory of Labor Psychology, Ergonomics, Engineering and Organizational Psychology. E-mail: PostylyakovaJV@ipran.ru*

Received 04.02.2022

Abstract. Analysis of new results from psychology (including psychophysiology, cross-cultural psychology, moral psychology) and neuroscience obtained by us and other authors in experimental studies of learning, memory, and moral judgements allows us to identify areas of research, the development of which can be useful for improving methods of teaching and bringing up. We discuss the problems of the direct transfer of principles revealed in fundamental science to practice, as well as problems of formulation of new teaching methods based on these principles. We reason that the transition from fundamental knowledge to the practice of education is effective when mediated by a special intermediate stage of applied research. The statements based on fundamental research are formulated along with the results of corresponding applied studies that we carried out in cooperation with teachers from schools in different regions. We offer versions of practical

[2] The research was supported by the Foundation for New Forms of Education Development (agreement dated October 28, 2019 No. RUOM1019). Part of the fundamental research, preparation of the publication and additional data analysis were carried out within the framework of the state order of the Ministry of Education and Science No. 0138-2022-0002.

recommendations arising from the results of these studies. In conclusion, the significance of tactical and strategic research for the achievement of practice-oriented results is compared to the scientific, "internal" goals of fundamental science per se.

Keywords: fundamental science, practice, education, neuroscience, psychology, moral, learning, memory, subjective experience, system, stress, mentality, teaching methods, upbringing methods, consolidation and reconsolidation of memory, embodied cognition, task switching.

REFERENCES

1. *Alexandrov Yu.I.* V.B. Shvyrkov: formirovanie novoj paradigmy v psihologii i smezhnyh naukah. Vydajushhiesja uchenye Instituta psihologii RAN. Ed. A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2020. P. 218–255. (In Russian)
2. *Alexandrov Yu.I.* Vstupitel'naja stat'ja. T. Jarvilehto. Mozg i psihika. Ed. Alexandrov Yu.I. Moscow: Progress, 1992. P. 5–18. (In Russian)
3. *Alexandrov Yu.I.* Psikhofiziologicheskie zakonomernosti nauchenija i metody obuchenija. Psikhologicheskii zhurnal. 2012. V. 33. № 6. P. 5–19. (In Russian)
4. *Alexandrov Yu.I.* Ot fundamental'nogo znanija k praktiko-orientirovannym issledovanijam nauchenija i pamjati. Materialy dokladov na Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "O perspektivah issledovanij v sfere nauk ob obrazovanii" 6–7 dec. 2021. In press. (In Russian)
5. *Alexandrov Yu.I.*, *Alexandrova N.L.* Komplementarnost' kul'turo-specifichnyh tipov poznanija. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psihologija. 2010. № 3. P. 18–34. (In Russian)
6. *Alexandrov Yu.I.*, *Svarnik O.E.*, *Znamenskaya I.I.*, *Kolbeneva M.G.*, *Arutjunova K.R.*, *Krylov A.K.*, *Bulava A.I.* Regressija kak jetap razvitija. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2017. (In Russian)
7. *Anokhin P.K.* Izbrannye trudy. Filosofskie aspekty teorii funkcional'noj sistemy. Moscow: Nauka, 1978. (In Russian)
8. *Apanovich V.V.*, *Alexandrov Yu.I.* Sistemnoe znachenie mezh- i vnutrikul'turnyh mental'nyh variacij. Vestnik psihofiziologii. 2021. № 1. P. 24–35. (In Russian)
9. *Apanovich V.V.*, *Aramjan Je.A.*, *Dol'nikova M.S.*, *Alexandrov Yu.I.* Razlichija mozgovogo obespechenija reshenija analiticheskih i holisticheskih zadach. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 2. P. 45–60. (In Russian)
10. *Apanovich V.V.*, *Znakov V.V.*, *Alexandrov Yu.I.* Aprobacija shkaly analitichnosti-holistichnosti na rossijskoj vyborke. Psikhologicheskii zhurnal. 2017. V. 38. № 5. P. 80–96. (In Russian)
11. *Apanovich V.V.*, *Tishchenko A.G.*, *Arutyunova K.R.*, *Alexandrov Yu.I.* Sposoby reshenija analiticheskih i holisticheskih zadach. Jeksperimental'naja psihologija. 2020. V. 13. № 4. P. 52–71. (In Russian)
12. *Bezrukih M.M.*, *Ivanov V.V.*, *Orlov K.V.* Dissonans mezhdu predstavlenijami o razvitii mozga v sovremennoj nejrobiologii i znanijami pedagogov. Science for Education Today. 2021. V. 11. № 1. P. 125–150. (In Russian)
13. *Gavrilov V.V.* Sootnoshenie impul'snoj aktivnosti nejronov s medlennymi potencialami mozga v povedenii: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Moscow, 1992. (In Russian)
14. *Zhuravlev A.L.*, *Ushakov D.V.* Fundamental'naja psihologija i praktika: problemy i tendencii vzaimodejstvija. Psikhologicheskii zhurnal. 2011. V. 32. № 3. P. 5–16. (In Russian)
15. *Zhuravlev A.L.*, *Ushakov D.V.* Teorija i praktika: vzgljady s raznyh storon (otvet na kommentarii). Psikhologicheskii zhurnal. 2012. V. 33. № 2. P. 127–132. (In Russian)
16. *Kapica P.L.* Pis'mo N.S. Hrushhevu 12 aprelja 1954. Pis'ma o nauke. 1930–1980. Moscow: Moskovskij rabochij, 1989. (In Russian)
17. *Nosulenko V.N.*, *Terehin V.A.* Peredacha znanij: obzor osnovnyh modelej i tehnologij. Jeksperimental'naja psihologija. 2017. V. 10. № 4. P. 96–115. (In Russian)
18. *Podd'jakov A.N.* Komplikologija: sozdanie razvivajushhih, diagnostirujushhih i destruktivnyh trudnostej. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2014. (In Russian)
19. *Polani M.* Lichnostnoe znanie. Moscow: Progress, 1985. (In Russian)
20. *Ponomarev Ja.A.* Metodologicheskoe vvedenie v psihologiju. Moscow: Nauka, 1980. (In Russian)
21. *Postyljakova Ju.V.* Individual'naja i akademicheskaja zhiznesposobnost' studentov. Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2018. V. XV. Vyp. 4. P. 147–152. (In Russian)
22. *Postyljakova Ju.V.* Individual'naja zhiznesposobnost' i individual'no-psihologicheskie resursy studentov s raznoj akademicheskoj uspevaemost'ju. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaja psihologija i psihologija truda. 2020. V. 5. № 1. P. 61–80. (In Russian)
23. *Samojlenko E.S.*, *Bogdanova I.V.* Sovremennye predstavlenija o tipah znanija i opyta v psihologicheskih issledovanijah problemy ih kapitalizacii. Jeksperimental'naja psihologija. 2017. V. 10. № 4. P. 74–95. (In Russian)
24. *Svarnik O.E.*, *Anohin K.V.*, *Alexandrov Yu.I.* Opyt pervogo, "vibrissnogo", navyka vlijaet na indukciju jekspressii c-fos v nejronah bochonkovogo polja somatosensornoj kory krys pri obuchenii vtoromu, "nevibrissnomu",

navyku. Zhurnal vysshej nervnoj dejatel'nosti im. I.P. Pavlova. 2014. V. 64. № 1. P. 77–83. (In Russian)

25. *Sozinova I.M.*, *Znamenskaya I.I.*, *Alexandrov Yu.I.* Nravstvennoe otnoshenie k "chuzhomu" u detej 3–11 let. Reshenie moral'nyh dilemm: predubezhdenija i predpochtenija. Teoreticheskaja i jeksperimental'naja psihologija. 2013. V. 6. № 1. P. 44–57. (In Russian)
26. *Soldatova G.U.*, *Rasskazova E.I.* Mnogozadachnost' kak odnovremennoe vypolnenie i kak perekljuchenie mezhdu zadanijami: podhody k diagnostike mediamnogozadachnosti u detej i podrostkov. Jeksperimental'naja psihologija. 2020. V. 13. № 4. P. 88–101. (In Russian)
27. *Chernigovskaja T.V.* Cheshirskaja ulybka kota Shredingera: jazyk i soznanie. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2013. (In Russian)
28. *Shvyrkov V.B.* Vvedenie v ob'ektivnuju psihologiju. Nejronal'nye osnovy psihiki. Shvyrkov V.B. Izbrannye trudy. Pod red. Yu.I. Alexandrova. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2006. (In Russian)
29. *Jurevich A.V.* Psihologija social'nyh javlenij. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2014. (In Russian)
30. *Jurevich A.V.* Issledovatel'skaja i prakticheskaja psihologija: eshhe raz o shizise. Psikhologicheskii zhurnal. 2012. V. 33. № 1. P. 127–136. (In Russian)
31. *Alexandrov Yu.I.*, *Sozinov A.A.*, *Svarnik O.E.*, *Gorkin A.G.*, *Kuzina E.A.*, *Gavrilov V.V.* Neuronal Bases of Systemic Organization of Behavior. Cheung-Hoi Yu A., Li L. (eds). Systems Neuroscience. Advances in Neurobiology. 2018. V. 21. P. 1–33.
32. *Alexandrov Yu.I.*, *Grinchenko Yu.V.*, *Shevchenko D.G.*, *Averkin R.G.*, *Matz V.N.*, *Laukka S.*, *Korpusova A.V.* A subset of cingulate cortical neurons is specifically activated during alcohol-acquisition behaviour. Acta Physiol. Scand. 2001. V. 171. P. 87–97.
33. *Ansari D.*, *Coch D.* Diversity of approaches: science of learning and education. Trends in Cognitive Sciences. 2006. V. 4. № 10. P. 146–151.
34. *Apanovich V.V.*, *Bezdenezhnykh B.N.*, *Sams M.*, *Jaaskelainen I.P.*, *Alexandrov Yu.I.* Event-related potentials during individual, cooperative, and competitive task performance differ in subjects with analytic vs. holistic thinking. International Journal of Psychophysiology. 2018. V. 123. P. 136–142.
35. *Apanovich V.V.*, *Tischenko A.G.*, *Arutyunova K.R.*, *Znakov V.V.*, *Alexandrov Yu.I.* Complementarity of holistic and analytical mentalities and task type as factors of cooperative problem solving. Vos'maya mezhdunarodnaya konferenciya po kognitivnoj nauke: Tezisy dokladov. Svetlogorsk, 18–21 oktyabrya 2018 g. Otv. red. A.K. Krylov, V.D. Solov'ev. M.: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018.
36. *Arutyunova K.R.*, *Alexandrov Yu.I.*, *Hauser M.D.* Sociocultural influences on moral judgments: East-West, male-female and young-old. Frontiers in Psychology. 2016. V. 7. Art. 1334.
37. *Bakhchina A.V.*, *Arutyunova K.R.*, *Sozinov A.A.*, *Demidovsky A.V.*, *Alexandrov Yu.I.* Sample entropy of the heart rate reflects properties of the system organization of behaviour. Entropy. 2018. V. 20. № 6. Art. 449.
38. *Bulava A.I.*, *Alexandrov Yu.I.* Reconsolidation and Cognitive Novelty. Advances in Intelligent Systems and Computing. Velichkovsky B.M., Balaban P.M., Ushakov V.L. (eds). Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics. Springer, Cham. 2021. V. 1358. P. 504–509.
39. *Cameron L.*, *Rutland A.* Extended contact through story reading in school: Reducing children's prejudice toward the disabled. Journal of Social Issues. 2006. V. 62. № 3. P. 469–488.
40. *Carew T.J.*, *Magsamen S.H.* Neuroscience and education: An ideal partnership for producing evidence-based solutions to guide 21st century learning. Neuron. 2010. V. 67. № 5. P. 685–688.
41. *Fu F.L.*, *Wu Y.L.*, *Ho H.C.* An investigation of coopetitive pedagogic design for knowledge creation in Web-based learning. Computers & Education. 2009. V. 53. № 3. P. 550–562.
42. *Goswami U.* Neuroscience and education: from research to practice? Nature Reviews Neuroscience. 2006. V. 7. P. 406–413.
43. *Greving S.*, *Richter T.* Examining the Testing Effect in University Teaching: Retrievability and Question Format Matter. Frontiers in Psychology. 2018. V. 9. Art. 2412.
44. *Hartung F.*, *Burke M.*, *Hagoort P.*, *Willems R.M.* Taking perspective: personal pronouns affect experiential aspects of literary reading. PLoS One. 2016. V. 11. № 5. Art. e0154732.
45. *Howard-Jones P.A.* Neuroscience and education: myths and messages. Nature Reviews Neuroscience. 2014. V. 15. № 12. P. 817–824.
46. *Im S.H.*, *Cho J.Y.*, *Dubinsky J.M.*, *Varma S.* Taking an educational psychology course improves neuroscience literacy but does not reduce belief in neuromyths. PloS One. 2018. V. 13. № 2. Art. e0192163.
47. *Joëls M.*, *Guillen F.*, *Benno R.* Stress and emotional memory: a matter of timing. Trends in Cognitive Sciences. 2011. V. 15. № 6. P. 280–288.
48. *Kolbeneva M.G.*, *Alexandrov Yu.I.* Mental reactivation and pleasantness judgment of experience related to vision, hearing, skin sensations, taste and olfaction. PLoS One. 2016. V. 11. № 7. Art. e0159036.
49. *Meltzoff A.N.*, *Kuhl P.K.*, *Movellan J.*, *Sejnowski T.J.* Foundations for a new science of learning. Science. 2009. V. 325. № 5938. P. 284–288.
50. *Pexman P.M.* The role of embodiment in conceptual development. Language, Cognition and Neuroscience. 2019. V. 34. № 10. P. 1274–1283.

51. *Simon D.A.*, *Lee T.D.*, *Cullen J.D.* Win-shift, lose-stay: contingent switching and contextual interference in motor learning. Perceptual and motor skills. 2008. V. 107. № 2. P. 407–418.

52. *Sozinov A.A.*, *Bakhchina A.V.*, *Alexandrov Yu.I.* The way of learning preserved in the structure of individual experience shapes task-switching: Implications for neuroscience and education. International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2021. V. 9. № 2. P. 291–299.

53. *Weimer W.B.* Science as a rhetorical transaction: Toward a nonjustificational conception of rhetoric. Philosophy and Rhetoric. 1977. V. 10. P. 1–29.

54. *Whiting S.B.*, *Wass S.V.*, *Green S.*, *Thomas M.S.C.* Stress and learning in pupils: Neuroscience evidence and its relevance for teachers. Mind, Brain, and Education. 2021. V. 15. № 2. P. 177–188.

55. *Zhang L.F.* Thinking styles and modes of thinking: Implications for education and research. The Journal of Psychology. 2002. V. 136. № 3. P. 245–261.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 2, с. 20–29

К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН И 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Ф. ЛОМОВА

УДК 159.9:93/.99

ДИСКУРС ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2022 г. Н. Д. Павлова

ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.
Доктор психологических наук, зав. лабораторией психологии речи и психолингвистики.
E-mail: pavlovand@ipran.ru

Поступила 01.10.2021

Аннотация. Обсуждаются исследования психологической структуры дискурса в условиях развития информационных технологий, проводимые в лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН. Дается характеристика дискурсивного подхода, рассматриваются актуальные направления психологических исследований, связанные с различными аспектами дискурса и его функционированием в социуме. Описываются закономерности обсуждения событий интернет-пользователями и специфика постсобытийного дискурса, сопряженная с тематикой, ведущей функцией, интенциями собеседников. Представлен подход к изучению субъектности сетевых сообществ по дискурсивным показателям, который раскрывает ее как динамическое свойство, непосредственно связанное с организацией и уровнем развития сетевого дискурса. Анализируются результаты изучения потенциала воздействия видов дискурса, которые получают распространение. Особое внимание уделяется данным изучения дискурса социальных медиа в условиях пандемии COVID-19, касающимся оценки психологического состояния коммуникантов и их актуальных интенций, а также способов повышения эффективности информационно-психологических кампаний. Характеризуются оригинальные методические подходы интент- и контент-анализа, растущую значимость которых определяет перспектива разработки технологий автоматической обработки медиаконтента.

Ключевые слова: интернет-дискурс, социальные медиа, обсуждение событий интернет-пользователями, сетевое сообщество, субъектность сообщества, воздействие дискурса, методы анализа медиаконтента.

DOI: 10.31857/S020595920019409-5

Развитие цифровых технологий приводит к тому, что жизнедеятельность человека осуществляется в новой среде, где огромную роль играет не только моментальное распространение информации, но и включенность в коммуникативные процессы миллионов людей, выступающих источниками сообщений и дающих отклики на актуальные события. Значимость такой активности с развитием информационного общества неуклонно возрастает. В этих условиях кардинальную роль приобретают виды дискурса, связанные с информационными технологиями, образованием социальных сетей и интернет-сообществ (мессенджеры, блоги, персональные видеоканалы и др.). Именно такие дискурсивные практики, приспосабливающиеся к решению встающих задач, особенно важны для понимания закономерностей формирования и детерминации дискурса, сопряженных с его функционированием индивидуальных и социальных эффектов. Вместе с тем в условиях усиливающейся медиатизации современной жизни подходы к описанию механизмов формирования дискурса и эмпирическое изучение дискурсивной реальности приобретают исключительную значимость для оценки динамики сетевых процессов, решения вопросов, связанных с формированием образа мира в сознании, таргетированного воздействия, противодействия угрозам информационно-психологической безопасности.

Цель настоящей статьи — представление результатов исследований психологической структуры дискурса в условиях развития информационных технологий, проведенных в лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН.

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ

Формирование дискурсивной парадигмы относят к концу XX в. За истекшие годы исследования дискурса стали междисциплинарными, отразив не только взаимовлияние различных областей психологии, но и достижения языкознания, социологии, философии, современной когнитивной науки (А.А. Кибрик, Н.Д. Павлова, T. van Dijk, J. Potter и др.). При этом произошло существенное расширение парадигмы исследований, определяющееся усиливающимся вниманием к многообразию социальных контекстов и коммуникативных ситуаций, а также психологическим характеристикам субъектов общения и процессу взаимодействия [16; 26].

Новый этап развития дискурсивного подхода обозначился в связи с современными информационными технологиями и включением в рассмотрение видов дискурса, получающих широкое распространение. Если в предшествующий период во многом упускалось из виду, что дискурс, опосредуя взаимодействие людей, конституирует сообщества и совместную деятельность их членов, то с образованием социальных сетей и интернет-сообществ данный аспект вышел на первый план [3; 22; 24; 27]. Мощный толчок к дальнейшей разработке получила концепция речевой интенциональности, которая в противоположность реактивным моделям коммуникации выявляет определяющую роль в организации дискурса интенций субъектов общения, связанных с целями их деятельности, желаниями, нуждами [5; 16; 17; 26]. Дальнейшую конкретизацию получил и принцип эвристичности, акцентирующий внимание на способности дискурса пластично подстраиваться под требования ситуации, разнообразных коммуникативных стратегиях и тактиках [5; 16; 26]. В целом сложившиеся исследовательские установки позволяют говорить о реализации на новом методологическом уровне выдвинутых Б.Ф. Ломовым принципов общения и системности, необходимость которых в психологии дискурса особенно очевидна в эпоху превращения Интернета едва ли не в основной канал коммуникации между людьми.

В настоящее время в разноаспектных исследованиях получили распространение термины “виртуальное общение”, “виртуальное пространство”, которые акцентируют роль современных информационных технологий, но входят в противоречие с далеко не виртуальным влиянием Интернета в мире и очевидной реальностью самого процесса общения пользователей. С позиций дискурсивного подхода Интернет выступает как глобальный дискурс, который, создавая условия для новых форм социального взаимодействия, транслирует представления о мире, ценности, отношения, установки, задает модели поведения и способы говорения [16]. В этой связи есть все основания говорить о *дискурсивной реальности Интернета* как феномена, конституируемого активностью и переживаниями интернет-пользователей [6]. При этом важно подчеркнуть, что в коммуникации людей, заходящих в Интернет для достижения самых разнообразных целей, формируется дискурс, который на основе сходства мнений, коммуникативных позиций и пр., нередко оказывается вовлеченным в более крупный дискурс, причем в его организации могут присутствовать как текстовые, так и аудиовизуальные и графические составляющие. Накопленные в отечественной и мировой литературе данные позволяют выделить наиболее значимые характеристики дискурса, опосредующего взаимодействие в Интернете, в числе которых вариативность отображения событий, коммуникативная и социокультурная контекстность, интерактивность, мультимодальность [6].

Изучение дискурсивной реальности Интернета стало важным направлением работы лаборатории, которое активно развивается, стимулируя подготовку новых научных проектов. Анализ некоторых линий научного поиска в обозначенной области отражают представленные ниже эмпирические исследования.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОБСУЖДЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ

Обсуждение событий, в котором все большую роль играет Интернет, составляет важную часть жизни современного человека. В этой связи закономерен интерес к постсобытийному интернет-дискурсу, возникающему как отклик на сообщение, новость, событие и приобретающему первостепенную значимость в осмыслении опыта и формировании образа мира в сознании. В серии исследований, проведенных на материале дискуссий на популярных интернет-площадках, выявлялись *универсальные и видоизменяющиеся характеристики постсобытийного дискурса* различной тематики. В качестве основного применялся интент-анализ — экспертный метод оценки психологического содержания речи, служащий определению речевых интенций субъектов общения и сопряженных с ними референциальных объектов, риторических приемов и пр. [25].

Было установлено, что в процессе обсуждения событий происходит значительная модификация референциальных объектов и интенционального состава дискурса относительно сообщений, инициировавших дискуссию [19; 21]. Появляются дополнительные объекты, соотносящиеся с обсуждаемой темой, а также объекты, связанные с процессом взаимодействия (“Собеседник”, “Я”); значение референциальных объектов размывается. Многократно возрастает и число категорий интенций, причем могут добавляться как нейтральные аналитические интенции, так и эмоционально окрашенные. Тем самым смещается фокус проблемной ситуации и провоцируются отклики определенной тональности. Такая дискурсивная практика формирует образ ситуации и может рассматриваться как регулярно воспроизводящийся в дискурсе способ концептуализации действительности. Этот результат имеет не только теоретическую, но и высокую практическую значимость в контексте проблемы дискурсивного воздействия и информационно-психологической безопасности.

Вместе с тем проведенные исследования выявляют взаимосвязь представления события в инициирующем посте и последующего обсуждения. Это позволяет описать структуру постсобытийного дискурса и обосновать вывод о необходимости его изучения как целостного феномена, тогда как до сих пор внимание исследователей было сконцентрировано преимущественно на комментариях в Интернете как таковых. Выделены типовые для постсобытийного дискурса категории интенций, определено соотношение между интенциями коммуникантов и используемыми приемами убеждения и эмоционального воздействия [19; 23].

Наряду с типовыми установлены и такие характеристики постсобытийного дискурса, которые видоизменяются в связи с тематикой и условиями распространения [5; 19; 21]. В их числе: специфические для обсуждаемой темы референциальные объекты, своеобразные интенции субъектов общения, не проявляющиеся в других контекстах, доминирование интенций определенной окрашенности и др. В качестве важнейшего фактора дифференциации дискурсных форм выделены различия в коммуникативной структуре: дискуссия может развиваться преимущественно за счет направленности участников на комментарии собеседников и обмен мнениями или же на исходное сообщение, представление собственного опыта и впечатлений [19].

В целом важно отметить, что сопоставительный анализ дискурса на различных интернет-площадках наметил перспективу разработки *типологии постсобытийного дискурса*, который до последнего времени как особый вид дискурса систематически не исследовался. Обнаруживается и другой актуальный аспект дальнейших разработок — сравнительное изучение однотипных обсуждений в рунете и других сегментах Интернета и *выявление социокультурной специфики дискурсивных практик*, получающих распространение. Негативная оценочность в российском интернет-дискурсе установлена не только для обсуждений политических событий в стране, но и в отношении далеких от граждан информационных поводов. Так, в откликах на скандал в британской королевской семье, связанный с так называемым “Мегзитом”, обращают внимание интенции дистанцирования и дискредитации, тогда как зарубежные исследования отмечают в этой связи вариативность медиаконтента [20].

Особый интерес представляют результаты изучения дискурса социальных медиа *в условиях пандемии COVID-19* [18; 28]. Подтверждая описанные выше закономерности, в этом исследовании были обнаружены показательные примеры метафорических замен, обобщений и пр., происходящих в ходе обсуждений в отношении таких многократно упоминаемых в сетевом контенте объектов, как “Коронавирус”, “Вакцина”, “Врачи”. Получены данные об актуальных интенциях коммуникантов, среди которых, наряду с эмоционально окрашенными, в том числе резко негативными, интенциями, значительное место занимает направленность на представление и соотнесение позиций, что говорит о потребности в совместном осмыслении проблемной ситуации. Проанализированы возможности мониторинга сетевого контента для оценки психологического состояния людей и повышения эффективности коммуникации во время эпидемической ситуации [8].

Проведен *анализ патриотического дискурса социальных медиа*, и описана дискурсивная практика апологизации образа России [7]. Согласно полученным результатам, консолидация членов политического сообщества вокруг разделяемой враждебности по отношению к “чужим” является основой патриотического дискурса, определяющей его структуру. В качестве важной тенденции, сопряженной с ростом влияния социальных сетей, выделено формирование так называемых “дискурсивных сообществ”: политических, гражданских, научных и пр., как общности коммуникантов, занимающих единую позицию в отношении индивидуально значимых объектов реальности, использующих общую площадку взаимодействия и разделяющих определенные правила интерпретации событий.

ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ

Интернет все активнее выступает средством, способствующим возникновению новых социальных групп, которые неразрывно связаны с информационным обменом в социальной среде и имеют дискурсивную природу. Дискурс сообщества опосредует взаимодействие его членов, транслирует представления о мире, ценности, отношения, установки, задает модели поведения и способы говорения, составляет основу развертывания групповых социально-психологических процессов. Трансформируясь в соответствии с разделяемыми правилами интерпретации и коммуникативными нормами, он объединяет пользователей для обмена знаниями, обучения, взаимной поддержки, предоставления услуг и др. Изучение сетевого дискурса необходимо не только для понимания механизмов формирования сообществ, но и для создания новых инструментов анализа социальных медиа и прогнозирования группового поведения в интернет-среде.

В серии проведенных исследований решалась задача разработки *дискурсивного подхода к оценке субъектности сетевых сообществ* как их основополагающего свойства, отражающего способность группы к самоорганизации и совместным формам активности [3; 4; 24]. Феномен субъектности на уровне групп раскрывается в целом ряде фундаментальных работ (А.В. Брушлинского, А.Л. Журавлева, К.М. Гайдара, В.В. Рубцова и др.), однако дискурсивные механизмы, поддерживающие субъектность сетевого сообщества, остаются неизученными. На основании психолингвистической экспертизы и функционально-семантического анализа корпуса текстов, отобранных в ходе мониторинга социальных сетей, выделено 63 дискурсивных характеристики, релевантные различным критериям коллективной субъектности, по А.Л. Журавлеву. Было установлено, что субъектность сообщества широко проявляется как на уровне отдельных комментариев и их цепочек, так и на уровне дискурса в целом. При этом выделенные дискурсивные характеристики могут быть отнесены к трем категориям: лексическо-грамматические показатели (лексика совместности и др.), процессуальные (нарастание сходства тем и т.п.) и семантические (способность следовать организационным и управляющим воздействиям и пр.) [24].

Этот результат наметил перспективу *сравнительного изучения интернет-сообществ*. Было показано, что степень выраженности дискурсивных показателей субъектности и их сочетание друг с другом позволяют дифференцировать сообщества и ставить вопрос о различных формах коллективной субъектности. Наметилась также возможность разработки на основе развиваемого подхода психологической типологии сетевых сообществ [24]. Вместе с тем субъективное шкалирование выявленных дискурсивных характеристик позволило установить, что субъектность сетевых сообществ по ряду компонентов аналогична субъектности реальных социальных групп и включает “Планирование деятельности”, “Групповые нормы и ценности”, “Языковую и понятийную идентификацию” и др. В то же время она имеет специфику: в структуре субъектности сетевых сообществ представлены “Позитивная поддержка коммуникации в группе”, «Идентификация и поддержка “своих”», «Отстранение “других”», из которых первая компонента отчетливо выражена во всех сообществах и выступает базовой [3; 24].

В Интернете, обеспечивающем легкость включения в общение и обратную связь с другими членами группы, создаются оптимальные условия для самоорганизации и саморегуляции сообщества, что дает основания рассматривать *субъектность как динамическое свойство* и говорить об изменчивости ее проявлений в разные моменты жизни сообщества. С целью изучения дискурсивных механизмов формирования сообществ проведено исследование, в котором на основе дискурсивных характеристик оценивались *изменения субъектности сетевых сообществ в процессе функционирования* [22]. Дискурсивный подход позволил установить, что подверженность отдельных компонентов субъектности изменениям неодинакова. По числу значимых преобразований выделяется “Планирование и результаты совместных действий”, тогда как самой устойчивой компонентой субъектности выступает “Языковая и понятийная идентификация”. Наиболее выражена динамика субъектности сообщества при решении участниками офлайн-проблемы: ее обсуждение меняет дискурс сообщества и структуру его субъектности.

Оценивая полученные результаты, стоит отметить, что разработанный подход к изучению субъектности сетевых сообществ по дискурсивным показателям актуален не только в плане описания нового вида социальной группы, но и в плане развития самой концепции коллективного субъекта. Субъектность сетевых сообществ раскрывается как динамическое свойство, непосредственно связанное с организацией и уровнем развития дискурса, что позволяет характеризовать ее проявления на различных этапах жизни сообщества.

Потенциал дискурсивного подхода раскрывает и *исследование жизнеспособности сообществ*

в Интернете, которая определяет продолжительность “жизни” и устойчивость функционирования группы перед лицом внешних и внутренних негативных воздействий [4]. Выявленные дискурсивные характеристики позволили описать компоненты структуры жизнеспособности сетевых сообществ, из которых наиболее значимыми являются “Мониторинг изменений”, “Антихрупкость” и “Обнаружение и компенсация нежелательных тенденций”. Показано, что установленные при анализе дискурса компоненты жизнеспособности сетевых сообществ так или иначе представлены и в жизнедеятельности реальных социальных групп.

ФЕНОМЕНЫ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ДИСКУРСИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Развитие информационных технологий вызывает постоянную модификацию форм оказания воздействия, причем создаваемая в дискурсе картина мира все больше определяет видение людьми окружающей реальности. В этих условиях обращенные к психологии запросы общества концентрируются на вопросах результативности воздействия, его социальных эффектах, возможностях противостояния негативным влияниям. Неудивительно, что важнейшим вектором исследований лаборатории становится изучение потенциала воздействия видов дискурса, которые получают распространение. Актуальность и новизну проводимых исследований обусловливает при этом не только расширение проблемной области психологии воздействия, сопряженное с прогрессом информационных технологий; получает развитие интегративный подход к описанию процессов воздействия, реализуются научно-практические разработки, относящиеся к социально значимым аспектам темы.

Большой массив накопленных данных ставит задачу системного анализа дискурсивного воздействия как многоуровневого, сложно детерминированного феномена. Важным шагом в этом направлении выступает *разработка интегративной модели психологического воздействия в социальных сетях*, учитывающей как общие закономерности, так и их частные варианты, зависящие от конкретных особенностей субъектов, объектов и ситуации воздействия [14]. Оперируя пятью основными элементами (субъект воздействия, объект воздействия, средства, эффект и контекст воздействия), модель позволяет установить, насколько сильно те или иные факторы определяют эффективность воздействия в социальных медиа. Создание подобной модели может рассматриваться как подготовительный этап для проведения агент-ориентированного моделирования, которое в последние годы начинает применяться для анализа эффективности различных стратегий воздействия как при “спонтанной” коммуникации в Интернете, так и в условиях специально организованных пропагандистских кампаний.

С развитием алгоритмов прогнозирования психологических характеристик человека по его цифровым следам обозначились новые возможности применения *персонализированного воздействия*, предполагающего учет индивидуальных особенностей объекта воздействия в целях повышения результативности [15]. Актуальность данной тематики стимулировала *исследование влияния социально-психологической адаптированности*, *макиавеллизма*, *субъективного экономического благополучия человека на эффективность воздействия* [12]. Были обнаружены многообразные взаимосвязи приемов воздействия, характеристик объекта воздействия и эффективности воздействия. Так, социально-психологическая адаптация человека — объекта воздействия оказалась важным фактором эффективности воздействия: чем выше ее уровень, тем слабее действуют приемы оказания воздействия. В отношении макиавеллизма установлена селективность действия приемов воздействия: одни приемы более эффективны в отношении лиц с высоким макиавеллизмом, другие — с низким. В целом стоит оговорить: смещение акцента на характеристики объекта воздействия отвечает современной тенденции в изучении психологического воздействия, которая сопряжена с признанием активности человека в выборе тактики реагирования и глубине обработки поступающих сообщений.

Информационные технологии усиливают погруженность людей в сферу массмедиа, где значительное место принадлежит кино. В этом контексте неслучайно обращение к изучению *кинодискурса* как “диалога” кино и зрителя, в котором находит отражение развернутый во времени процесс осмысления фильма [9]. Важным результатом данного направления исследований выступает анализ теоретико-методологических аспектов проблемы кинодискурса, а также современного состояния и перспектив развития научной области. Несомненный теоретический и практический интерес представляют установленные *закономерности выбора*, *восприятия и воздействия кинофильмов*. Выявлены взаимосвязи между кинопредпочтениями зрителей и их личностными чертами (нейротизмом, экстраверсией, открытостью опыту и др.), а также уровнем интеллекта и верой в справедливый мир. Обнаружены общие характеристики киножанров, предпочитаемых зрителем, что говорит

о его избирательности при обращении к фильмам [10]. Описаны различия в характеристиках фильмов, выбираемых в различных ситуациях просмотра, а также психологические эффекты воздействия фильма непосредственно после просмотра [11; 29].

Актуальный социально значимый аспект темы психологического воздействия дискурса раскрыло *исследование возможностей и ограничений информационно-психологических кампаний в условиях пандемии COVID-19* [8]. Анализ тактик воздействия, используемых для формирования адекватных представлений о пандемии и мотивирования людей к выполнению профилактических рекомендаций, позволил установить наибольшую эффективность тактик, основанных на активации чувств эмпатии и социальной ответственности. При этом, согласно полученным данным, на результативность воздействия оказывают влияние такие переменные, как этап развития пандемии, социально-демографические и индивидуально-психологические характеристики людей — объектов воздействия. Рассмотрены факторы, учет которых необходим для повышения эффективности информационных кампаний, обоснован вывод о целесообразности использования потенциала социальных сетей для их выявления.

Актуальность и практическая востребованность отличают и *исследование распространения недостоверной информации* как неизбежного явления в кризисной ситуации. Проведен анализ психологических механизмов влияния такой информации на сознание и поведение людей, и выделены особенности фейковых сообщений, способствующие их широкому распространению. Оценена эффективность различных стратегий противодействия и выделены индивидуально-психологические, ситуативные и другие факторы, способствующие успеху в борьбе с недостоверной информацией [13].

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА

Характеризуя результаты проведенных исследований, невозможно обойти вниманием методические разработки. Активный методический поиск, отличающий рассматриваемую научную область, ознаменован многими новыми идеями, однако преимущественное развитие получили подходы, тесно связанные с предшествующими исследованиями коллектива и в то же время с задачами создания инструментов автоматической обработки речевых материалов.

В комплексе методов изучения дискурса особое место занимает *интент-анализ*, который позволяет выявлять интенции субъектов общения, неразрывно связанные с мотивационными, перцептивно-когнитивными процессами и вместе с тем с практической деятельностью. Со времени первых работ, в которых был предложен интент-анализ, проведены многочисленные исследования, позволившие на новом уровне знания рассмотреть *теоретические основания интент-анализа и методические вопросы*, встающие при изучении дискурса [25]. Показана специфика метода по сравнению с другими подходами, такими как контент-анализ, дискурс-анализ, теория речевых актов и др., поэтапно охарактеризована процедура интент-аналитического исследования. Рассмотрены также результаты изучения интенциональных параметров дискурса в различных сферах коммуникативной практики, которые могут использоваться при решении научных и научно-практических задач в области институционального и повседневного общения, психотерапии, психологической экспертизы и др.

В настоящее время в русле интент-анализа предложен ряд проектов, ориентированных на создание новых инструментов изучения дискурсивного пространства Интернета. Определение психологических особенностей речи до последнего времени опиралось в основном на субъективную оценку, что сталкивалось с влиянием индивидуально-личностных свойств привлекаемых экспертов. Развитие подходов к объективной оценке модальности речи и реконструкции субъективных смыслов, в том числе интенций говорящего, сдерживалось трудностями получения больших массивов контекстно однородных данных. В связи с бурным развитием социальных медиа стала реальной задача обнаружения маркеров речевых интенций субъектов общения и разработка на этой основе метода их эмпирической оценки. В сопоставлении с подходами сентимент-анализа это открывает перспективу получения более дифференцированной информации о предметах обсуждения и отношении к ним коммуникантов. Намечается также разработка технологии оценки интенциональных характеристик речи на основе методологии экспертного интент-анализа и математических методов анализа естественного языка.

Вместе с тем детально проанализированы методические *вопросы применения контент-анализа в психологическом исследовании* [2]. Рассмотрены отношения между контент-аналитическими и опросниковыми методиками, применение статистических методов. В качестве важного методического

результата выступает обобщение опыта экспериментально-теоретического изучения психологических технологий диагностики мотивации личности с помощью методов психолингвистики и регистрации направленности взора. По результатам проведенных исследований предложены методика и валидизированные шкалы контент-анализа проективных тестов, а также диагностически значимые окуломоторные маркеры мотивации личности.

Сформулированы требования к автоматизированной системе контент-анализа для нужд психологических исследований [1]. Показано, что для задачи применения контент-анализа в изучении речевых проявлений свойств личности и психических состояний решающее значение имеет разметка текстов по устойчивой, психологически валидной системе категорий. Ставится вопрос применения программных средств и машинного обучения для поддержки принятия решений кодировщика контент-анализа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Становление информационного общества создает принципиально новые возможности общения и совместной деятельности людей, получающих доступ к медиаконтенту и онлайн-взаимодействию с самыми отдаленными точками земного шара. Претерпевают изменения традиционные контексты и структуры общения, появляются новые формы и способы оказания воздействия. Как многоуровневое психосоциальное явление, дискурс отражает все многообразие жизни, открывая путь к комплексному исследованию личности и социально-психологических процессов. Методики, построенные на его анализе, не только обладают большой диагностической ценностью, дополняют, а иногда и превосходят тестовые шкалы, но и способствуют созданию инструментов автоматической обработки речевых материалов. Востребованность исследований и постоянное расширение их тематики определяются также осознанием специалистами различных областей науки и практики исключительной значимости изучения дискурсивной реальности для оценки рисков, связанных с развитием новых технологий, и информационно-психологической безопасности.

Вариативность формирующихся видов дискурсивной практики, закономерности обсуждения событий интернет-пользователями, дискурсивная природа сетевых сообществ, оказываемое дискурсом психологическое воздействие — эти и другие вопросы, встающие сегодня в исследованиях дискурса, рассматривались в цикле работ, выполненных в лаборатории психологии речи и психолингвистики. В данной статье мы смогли представить лишь часть проведенных исследований. Однако и в кратком изложении итогов работы видно, что исследования охватывают широкое поле фундаментальных и прикладных задач, принципиально важных в условиях стремительно изменяющегося информационного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алмаев Н.А.* Проблема автоматизации контент-анализа // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 1782–1788.
2. *Алмаев Н.А.*, *Бесссонова Ю.В.*, *Мурашева О.В.* Текст. Взгляд. Мотивация. Методические вопросы. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020.
3. *Воронин А.Н.*, *Павлова Н.Д.*, *Кубрак Т.А.*, *Ковалева Ю.В.*, *Гребенщикова Т.А.*, *Нестик Т.А.* Субъектность и жизнеспособность сетевых сообществ в дискурсивном пространстве интернета. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020.
4. *Воронин А.Н.*, *Кубрак Т.А.*, *Ковалева Ю.В.*, *Нестик Т.А.* Изучение жизнеспособности сетевых сообществ по дискурсивным маркерам // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 3 (19). С. 31–56.
5. *Гребенщикова Т.А.* Интенциональное пространство дискурса интернет-форума // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 1796–1802.
6. *Гребенщикова Т.А.*, *Кубрак Т.А.*, *Павлова Н.Д.* Дискурсивная реальность интернета // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки. 2020. № 1. С. 92–100.
7. *Гребенщикова Т.А.*, *Павлова Н.Д.* Патриотический дискурс в политическом интернет-сообществе // Вопросы психолингвистики. 2019. № 42. С. 34–49.
8. *Кубрак Т.А.*, *Латынов В.В.* Возможности и ограничения информационно-психологического воздействия в ситуации пандемии коронавируса // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 84–114.
9. *Кубрак Т.А.*, *Латынов В.В.* Психология кинодискурса: факторы выбора, восприятие, воздействие. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019.
10. *Кубрак Т.А.*, *Гребенщикова Т.А.*, *Павлова Н.Д.* Психологический портрет современного кинозрителя: структура и связи кинопредпочтений // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 4. С. 5–25.

11. *Кубрак Т.А.*, *Павлова Н.Д.*, *Гребенщикова Т.А.* Организация современного кинодискурса: влияние ситуации просмотра на предпочтения зрителей // Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований / Отв. ред. В.А. Барабанщиков. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. С. 724–729.

12. *Латынов В.В.* Влияние психологических особенностей объекта воздействия на эффективность воздействия // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Познание. 2020. № 4. С. 69–73.

13. *Латынов В.В.* Психологические аспекты защиты личности от воздействия недостоверной информации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Познание. 2020. № 12. С. 75–79.

14. *Латынов В.В.* Эффекты и закономерности психологического воздействия в сетевых сообществах // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2019. Т. 4. № 4. С. 198–220.

15. *Латынов В.В.*, *Овсянникова В.В.* Прогнозирование психологических характеристик человека на основании его цифровых следов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 1. С. 166–180.

16. *Павлова Н.Д.* Дискурс: актуальные направления и перспективы психолингвистических исследований // Психологический журнал. 2018. № 6. С. 16–26.

17. *Павлова Н.Д.* “Интенция” как психологическая и психолингвистическая категория // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 445–460.

18. *Павлова Н.Д.*, *Афиногенова В.А.*, *Кубрак Т.А.*, *Зачесова И.А.* Дискурс социальных медиа в условиях пандемии COVID-19 // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 3. С. 152–167.

19. *Павлова Н.Д.*, *Гребенщикова Т.А.*, *Афиногенова В.А.*, *Зачесова И.А.*, *Кубрак Т.А.* Интенциональное пространство постсобытийного дискурса на различных интернет-площадках // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 3. С. 78–91.

20. *Павлова Н.Д.*, *Афиногенова В.А.*, *Гребенщикова Т.А.*, *Зачесова И.А.*, *Кубрак Т.А.* Закономерности обсуждения актуальных событий интернет-пользователями на площадках Рунета // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 3. С. 504–520.

21. *Павлова Н.Д.*, *Гребенщикова Т.А.*, *Афиногенова В.А.*, *Зачесова И.А.*, *Кубрак Т.А.* Постсобытийный интернет-дискурс и особенности интенциональной организации различных его видов // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / Под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2020. С. 304–308.

22. *Павлова Н.Д.*, *Кубрак Т.А.*, *Гребенщикова Т.А.* Исследование динамики субъектности сетевых сообществ по ее проявлению в дискурсе // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2020. Т. 13. № 70. С.5.

23. *Павлова Н.Д.*, *Гребенщикова Т.А.* Постсобытийный дискурс в интернет-сообществах: интенциональная структура и приемы воздействия // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 1. С. 138–148.

24. *Павлова Н.Д.*, *Воронин А.Н.*, *Гребенщикова Т.А.*, *Кубрак Т.А.* Разработка подхода к типологии сетевых сообществ на основе дискурсивных признаков коллективной субъектности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Психология и педагогика. 2019. № 17 (3). С. 134–143.

25. *Павлова Н.Д.*, *Гребенщикова Т.А.* Интент-анализ. Основания, процедура, опыт использования. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2017.

26. Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. С. 201–219.

27. *Voronin A.N.*, *Grebenschikova T.A.*, *Kubrak T.A.*, *Nestik T.A.*, *Pavlova N.D.* The Study of Network Community Capacity to be a Subject: Digital Discursive Footprints // Behavioral Sciences. 2019. V. 9. № 12. P. 119.

28. *Pavlova N.D.*, *Kubrak T.A.*, *Kochkina O.M.* Post-Event Internet Discourse and Its Peculiarities in the Context of COVID-19 Pandemic // Journal of Psycholinguistics. 2021. № 1 (47). P. 62–75.

29. *Kubrak T.* Impact of Films: Changes in Young People’s Attitudes after Watching a Movie // Behavioral Sciences. 2020. № 10 (5). P. 86.

DISCOURSE OF THE INFORMATION SOCIETY: RESULTS AND PROSPECTS OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH

N. D. Pavlova

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.
ScD (Psychology), Head of Laboratory of Speech Psychology and Psycholinguistics
Institute of Psychology RAS, Moscow.
E-mail: pavlovand@ipran.ru

Received 01.10.2021

Abstract. The article deals with the researches of the psychological structure of discourse in conditions of the development of information technologies, which are conducted in the Laboratory of speech psychology and psycholinguistics of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Science. The characteristics of discourse approach is given, the current directions of research connected with various aspects of discourse and its functioning in society are described. The patterns of event discussions by Internet users and post-event discourse specifics, associated with the topic, the leading function, the interlocutors' intentions, are considered. The approach to the study the subjectness of network communities by discursive indicators is presented, which reveals the subjectness of communities as a dynamic property directly related to the organization and level of development of network discourse. The results of study of the impact potential of the types of discourse, that are spreading, are analyzed. Particular attention is paid to the data of study of the social media discourse in the context of the COVID-19 pandemic, concerning the assessment of the psychological state of communicants and their current intentions, as well as ways to increase the effectiveness of information and psychological campaigns. Original methodological approaches of intent- analysis and content analysis are characterized, the growing importance of which is determined by the prospect of developing technologies for automatic processing of media content.

Keywords: internet discourse, Social Media, discussion of events by Internet users, internet (networked) community, community subjectness, discursive impact, methods of media content analysis.

REFERENCES

1. *Almaev N.A.* Problema avtomatizacii kontent-analiza. Psihologiya cheloveka kak sub"ekta poznaniya, obshcheniya i deyatel'nosti. Eds. V.V. Znakov, A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. P. 1782–1788. (In Russian)
2. *Almaev N.A.*, *Besssonova Yu.V.*, *Murasheva O.V.* Tekst. Vzglyad. Motivaciya. Metodicheskie voprosy. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2020. (In Russian)
3. *Voronin A.N.*, *Pavlova N.D.*, *Kubrak T.A.*, *Kovaleva Yu.V.*, *Grebenshchikova T.A.*, *Nestik T.A.* Sub"ektnost' i zhiznesposobnost' setevyh soobshchestv v diskursivnom prostranstve interneta. Moscow, 2020. (In Russian)
4. *Voronin A.N.*, *Kubrak T.A.*, *Kovaleva Yu.V.*, *Nestik T.A.* Izuchenie zhiznesposobnosti setevyh soobshchestv po diskursivnym markeram. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2020. V. 5. № 3 (19). P. 31–56. (In Russian)
5. *Grebenshchikova T.A.* Intencional'noe prostranstvo diskursa internet-foruma. Psihologiya cheloveka kak sub"ekta poznaniya, obshcheniya i deyatel'nosti. Eds. V.V. Znakov, A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. P. 1796–1802. (In Russian)
6. *Grebenshchikova T.A.*, *Kubrak T.A.*, *Pavlova N.D.* Diskursivnaya real'nost' internet. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Psihologicheskie nauki. 2020. № 1. P. 92–100. (In Russian)
7. *Grebenshchikova T.A.*, *Pavlova N.D.* Patrioticheskij diskurs v politicheskom internet-soobshchestve. Voprosy psiholingvistiki. 2019. № 42. P. 34–49. (In Russian)
8. *Kubrak T.A.*, *Latynov V.V.* Vozmozhnosti i ogranicheniya informacionno-psihologicheskogo vozdejstviya v situacii pandemii koronavirusa. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2020. V. 5. № 2 (18). P. 84–114. (In Russian)
9. *Kubrak T.A.*, *Latynov V.V.* Psihologiya kinodiskursa: faktory vybora, vospriyatie, vozdejstvie. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2019. (In Russian)
10. *Kubrak T.A.*, *Grebenshchikova T.A.*, *Pavlova N.D.* Psihologicheskij portret sovremennogo kinozritelya: struktura i svyazi kinopredpochtenij. Eksperimental'naya psihologiya. 2017. V. 10. № 4. P. 5–25. (In Russian)
11. *Kubrak T.A.*, *Pavlova N.D.*, *Grebenshchikova T.A.* Organizaciya sovremennogo kinodiskursa: vliyanie situacii prosmotra na predpochteniya zritelej. Procedury i metody eksperimental'no-psihologicheskih issledovanij. Ed.

V.A. Barabanshchikov. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2016. P. 724–729. (In Russian)

12. *Latynov V.V.* Vliyanie psihologicheskih osobennostej ob’ekta vozdejstviya na effektivnost’ vozdejstviya. Sovremennaya nauka: aktual’nye problemy teorii i praktiki. Seriya Poznanie. 2020. № 4. P. 69–73. (In Russian)
13. *Latynov V.V.* Psihologicheskie aspekty zashchity lichnosti ot vozdejstviya nedostovernoj informacii. Sovremennaya nauka: aktual’nye problemy teorii i praktiki. Seriya Poznanie. 2020. № 12. P. 75–79. (In Russian)
14. *Latynov V.V.* Effekty i zakonomernosti psihologicheskogo vozdejstviya v setevyh soobshchestvah. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda. 2019. V. 4. № 4. P. 198–220. (In Russian)
15. *Latynov V.V.*, *Ovsyannikova V.V.* Prognozirovanie psihologicheskih harakteristik cheloveka na osnovanii ego cifrovyh sledov. Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2020. V. 17. № 1. P. 166–180. (In Russian)
16. *Pavlova N.D.* Diskurs: aktual’nye napravleniya i perspektivy psiholingvisticheskih issledovanij. Psikhologicheskii zhurnal. 2018. № 6. P. 16–26. (In Russian)
17. *Pavlova N.D.* “Intenciya” kak psihologicheskaya i psiholingvisticheskaya kategoriya. Razrabotka ponyatij sovremennoj psihologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2018. P. 445–460. (In Russian)
18. *Pavlova N.D.*, *Afinogenova V.A.*, *Kubrak T.A.*, *Zachesova I.A.* Diskurs social’nyh media v usloviyah pandemii COVID-19. Eksperimental’naya psihologiya. 2021. V. 14. № 3. P. 152–167. (In Russian)
19. *Pavlova N.D.*, *Grebenshchikova T.A.*, *Afinogenova V.A.*, *Zachesova I.A.*, *Kubrak T.A.* Intencional’noe prostranstvo postsobytijnogo diskursa na razlichnyh internet-ploshchadkah. Psikhologicheskii zhurnal. 2020. V. 41. № 3. P. 78–91. (In Russian)
20. *Pavlova N.D.*, *Afinogenova V.A.*, *Grebenshchikova T.A.*, *Zachesova I.A.*, *Kubrak T.A.* Zakonomernosti obsuzhdeniya aktual’nyh sobytij internet-pol’zovatelyami na ploshchadkah Runeta. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika. 2020. V. 17. № 3. P. 504–520. (In Russian)
21. *Pavlova N.D.*, *Grebenshchikova T.A.*, *Afinogenova V.A.*, *Zachesova I.A.*, *Kubrak T.A.* Postsobytijnyj internet-diskurs i osobennosti intencional’noj organizacii razlichnyh ego vidov // Cifrovoe obshchestvo kak kul’turno-istoricheskij kontekst razvitiya cheloveka: sbornik nauchnyh statej. Ed. R.V. Ershova. Kolomna: Gosudarstvennyj social’no-gumanitarnyj universitet, 2020. P. 304–308. (In Russian)
22. *Pavlova N.D.*, *Kubrak T.A.*, *Grebenshchikova T.A.* Issledovanie dinamiki sub”ektnosti setevyh soobshchestv po ee proyavleniyu v diskurse. Psihologicheskie issledovaniya: elektronnyj nauchnyj zhurnal. 2020. V. 13. № 70. P. 5. (In Russian)
23. *Pavlova N.D.*, *Grebenshchikova T.A.* Postsobytijnyj diskurs v internet-soobshchestvah: intencional’naya struktura i priemy vozdejstviya. Eksperimental’naya psihologiya. 2020. V. 13. № 1. P. 138–148. (In Russian)
24. *Pavlova N.D.*, *Voronin A.N.*, *Grebenshchikova T.A.*, *Kubrak T.A.* Razrabotka podhoda k tipologii setevyh soobshchestv na osnove diskursivnyh priznakov kollektivnoj sub”ektnosti. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Psihologiya i pedagogika. 2019. № 17 (3). P. 134–143. (In Russian)
25. *Pavlova N.D.*, *Grebenshchikova T.A.* Intent-analiz. Osnovaniya, procedura, opyt ispol’zovaniya. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2017. (In Russian)
26. Psihologiya diskursa: problemy determinacii, vozdejstviya, bezopasnosti. Eds. A.L. Zhuravlev, N.D. Pavlova, I.A. Zachesova. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2016. P. 201–219. (In Russian)
27. *Voronin A.N.*, *Grebenschikova T.A.*, *Kubrak T.A.*, *Nestik T.A.*, *Pavlova N.D.* The Study of Network Community Capacity to be a Subject: Digital Discursive Footprints. Behavioral Sciences. 2019. V. 9. № 12. P. 119.
28. *Pavlova N.D.*, *Kubrak T.A.*, *Kochkina O.M.* Post-Event Internet Discourse and Its Peculiarities in the Context of COVID-19 Pandemic. Journal of Psycholinguistics. 2021. № 1 (47). P. 62–75.
29. *Kubrak T.* Impact of Films: Changes in Young People’s Attitudes after Watching a Movie. Behavioral Sciences. 2020. № 10 (5). P. 86.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 2, с. 30–40

К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН И 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Ф. ЛОМОВА

УДК 159.9(091)

ПОДВИГ И ГЕРОИЗМ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

© 2022 г. Т. П. Войтенко

ГАОУ ДПО "Калужский государственный институт развития образования", 248000, г. Калуга, ул. Гагарина, д. 1, стр. 1, Россия.
Кандидат психологических наук, доцент, заместитель директора.
E-mail: TatianaVoyt@rambler.ru

Поступила 07.07.2020

Аннотация. Целью работы является выявление различия и сходства феноменов подвига и героизма. Показывается связь феноменов с двумя разными культурами — западноевропейской и русской (православной), что обусловило их отличия на социальном и индивидуально-психологическом уровнях. Автор акцентирует внимание на феномене подвига, раскрывая его как важнейшее условие героизма. Выдвигается гипотеза о психологической сущности подвига как сдвиге в мотивационно-потребностной сфере. Отмечается, что в свете православной культурной традиции такой сдвиг выступает в формате заданности (нормы) психического онтогенеза.

Ключевые слова: героизм, подвиг, подвижничество, сдвиг в мотивационно-потребностной сфере, субъект свободы и ответственности.

DOI: 10.31857/S020595920019416-3

Подвигу народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. посвящается

Феномены подвига и героизма с древнейших времен являлись высшими ценностями, формируя мировоззрение подрастающего поколения, определяя во многом историю народов и судьбы людей. В последние десятилетия стала происходить утрата ценностного отношения к данным феноменам. Это негативное явление имеет место во всех государствах, но особенно болезненно оно ощущается в нашей стране с ее уникальной героической историей.

Обсуждаемые феномены давно являются предметом специальной рефлексии. Особенно активно исследуется феномен героизма. Его осмыслению посвящены труды выдающихся философов прошлого — Дж. Бруно, Т. Карлейля, Дж. Вико, Г. Гегеля и др., а также многих современных отечественных и зарубежных ученых. С конца XX в. отмечается оживление научных дискуссий, затрагивающих не только академическую науку, но и сферу практических действий, ставящую своей задачей формирование у подрастающего поколения готовности к героическим поступкам. В начале XXI в. стала оформляться сфера междисциплинарных исследований — "Наука о героизме" (Heroism Science), основателями которой считаются американские психологи З. Франко, Ф. Зимбардо, К. Блау, предложившие систему ее базовых понятий [30] и разработавшие специальную программу обучения героизму [31], находящую немало последователей в разных странах, в том числе и в России.

Феномен подвига предметом научной рефлексии является заметно реже; при этом понятие "подвиг" часто не различается с понятием "героический поступок".

Феномены подвига и героизма действительно достаточно близки, но вовсе не тождественны. Различие легче всего обнаруживается в их культурных истоках. Зарождение и эволюция феномена героизма связаны с культурным пространством Западной Европы. Феномен подвига обладает особенной значимостью в русском культурном пространстве. Слово "героизм" для русской культуры является иностранным, слово "подвиг", напротив, считается национально-специфическим. Именно о национально-исторической специфичности понятия "подвиг" говорит Д.С. Лихачев в работе "Заметки о русском", замечая, что к словам, заимствованным другими языками из русского, «следовало бы добавить еще одно слово — непереводимое,

многозначительное русское слово “подвиг”» [17, с. 10].

На наш взгляд, недостаточное различение феноменов подвига и героизма является серьезным препятствием к преодолению проблемы их обесценивания и формированию готовности к геройским поступкам у подрастающего поколения.

Цель работы — выявить различие и сходство феноменов подвига и героизма, актуализировать значимость теоретического осмысления этих феноменов для психологической науки и привлечь к ним внимание отечественных ученых.

Для достижения данной цели видится необходимым рассмотреть обсуждаемые феномены в культурно-исторической ретроспективе, а также на индивидуально-психологическом уровне.

ПОДВИГ И ГЕРОИЗМ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ

Отмечается большая изменчивость содержания понятий “подвиг” и “героизм” в культурно-историческом плане. Каждая новая эпоха вносила в них свои смысловые акценты. Следуя хронологической последовательности, рассмотрим вначале феномен героизма.

Историческая динамика феномена героизма. Первые герои и культ их почитания появились в период античности, в VIII–VII вв. до н.э. Как отмечает Т. Карлейль, почитание героев — это “великий отличительный признак в системах древней мысли” [10, с. 17].

Согласно поэме Гесиода “Труды и дни” (цит. по: [15, с. 88]), первоначально для древних греков героями были духи умерших, которые, по их верованиям, влияли на жизнь живых. Поэтому культ героев был связан с могилами, на которых приносились жертвы. Позднее героями стали считаться полубоги — мифологические существа, выступающие посредниками между людьми и богами Олимпа. Гесиод впервые назвал полубогов героями; впоследствии многие античные авторы Древней Греции и Древнего Рима посвящали героям-полубогам свои поэмы. Герои, обладавшие сверхъестественной силой, выступали защитниками людей, основателями городов и государств. Таким образом, феномен героизма изначально имел исключительное *социальное значение*. Античный культ героя освящал отвагу, сформировав в качестве архетипического образа героя — героя-воина.

В ранние и средние века в качестве героев стали выступать реальные исторические личности. Идея сверхъестественной природы героизма сохранялась, раскрываясь в представлении о том, что герой — это “человек, вдохновленный Богом” [10, с. 47]. Социальное значение героизма стало видеться в его *консолидирующей функции*, способности героя объединять вокруг себя людей. Для этого герой должен был обладать не только отвагой, но и проницательным умом. Стремление героической личности к познанию истины раскрывается в работе Дж. Бруно “О героическом энтузиазме” [3].

Эпоха Просвещения упрочила значение интеллектуальных качеств героя. Социальное измерение феномена героизма стало связываться со способностью героя не просто объединять вокруг себя людей, но и вести их за собой. Тип героя-вождя занимает центральное место в книге Т. Карлейля “Герои, почитание героев и героическое в истории”, вышедшей в свет в 1841 г. и знаменующей собой оформление теоретической модели героя как “великого человека”. По мысли философа, такой человек “научает людей своему образу мышления, бросает отражение своего лика на целые периоды мировой истории” [10, с. 39].

Герой-вождь завершает плеяду героических типов у Т. Карлейля. Еще с середины XVIII в. в Западной Европе стало складываться представление об исторической природе героизма. Дж. Вико рассматривал героизм как феномен лишь определенного этапа в развитии человечества — так называемого “века героев”, предшествующего “веку людей”. В “век людей” функцию консолидации общества выполняет государство, “героизм... по самой природе гражданственности невозможен... И хотя героя... народы жаждут, философы изучают, поэты воображают, но гражданская природа... не знает такого рода благодеяний” [5, с. 295].

На волне сожаления об уходе в прошлое “века героев” феномен героизма стал превращаться в сконструированное явление. Эта тенденция зародилась еще в эпоху Просвещения, идеализировавшую героев-вождей. Называя героев “общественными сановниками”, Т. Карлейль замечал, что они “точно банковские билеты, представляют золото, но, увы, среди них всегда находится немало поддельных...” [10, с. 18]. По мнению Й. Хейзинга, немалую роль в превращении героизма в сконструированное явление сыграла популяризация идей Ф. Ницше среди широких народных масс, приведшая к тому, что “героическое потеряло свое сакральное, глубинное содержание” и вышло на уровень “лозунга и программы”; на роль героя теперь мог претендовать кто угодно [26, с. 108–109].

Конструктивный подход был активно использован марксизмом, провозгласившим о возникновении “новой исторической формы героизма” — “массовом героизме” [18, с. 120]. Критикуя противопоставление героя народу, марксизм пытался доказать историческую необходимость массового героизма: “Быть в эпоху массового революционного движения эстетом индивидуальных героических усилий самопожертвования — значит разойтись с действительностью...” [7, с. 474].

“Новая историческая форма героизма” была сконструирована не только как массовое, но и будничное явление. По мысли марксистов, победа революции “ни в коем случае не может быть решена героизмом отдельного порыва, а требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и *будничной* работы” [16, с. 17–18]. Феномен героизма полностью утратил свое сакральное содержание и экстраординарность.

В XX столетии героизм окончательно превратился в искусственный конструкт. Право быть героем стало во многом зависеть от удачного попадания в “фокус” господствующей идеологии. Герой должен был быть символом этой идеологии. Активное использование для конструирования героических образов средств массовой информации привело к подмене героического величия феноменом селебрити. Поклонение героям сменилось культом “звезд”...

Такова в самых общих чертах историческая динамика феномена героизма в культурном пространстве Западной Европы.

В отечественной культуре этот феномен появился лишь в XVIII в. В то время как Европа сожалела об уходящей “эпохе героев”, в русской общественной мысли идея героизма только начала пробивать почву, получив свой импульс в связи с задачей выработки образа революционера-борца. Однако иностранный феномен героизма оказался в резком противоречии с традиционным для русской культуры феноменом подвига. Перейдем к рассмотрению этого вопроса.

Историческая динамика феномена подвига. Слово “подвиг” (представляющее собой отглагольное имя существительное (*по-двиг*) и восходящее к словам “подвигнуться”, “подвижничество”, означающим движение вверх, подъем [6]) появилось в русской культуре вместе с принятием христианства. Согласно книгам Священного Писания, подвиг (подвижничество) — это деятельность, направленная на достижение нравственного совершенства, это движение к Богу (Лук. 13:24; 1 Кор. 9:25; 1 Тим. 6:12; Евр. 12:4).

Таким образом, феномен подвига изначально возник как *индивидуально-психологический*. Как и феномен героизма, он имел сакральную составляющую — хотя и иного характера: через подвижничество *человек восходил* к Богу — герой олицетворял собой *нисшедшую к человеку* божественную силу. Осмыслению феномена подвижничества посвящено немало философско-религиозных трудов. В контексте нашей темы особое значение имеют работы В.А. Кожевникова “О значении христианского подвижничества в прошлом и настоящем” (1909 г.) и С.Н. Булгакова “Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции)” (1909) [4; 11; 12].

Практика подвижничества особенно активно развивалась в период становления монашества, оформившись в целую духовную науку — аскетику. При этом подвижничество и аскетический уклад жизни распространялись далеко за пределы обителей. Весь русский народ воспитывался “в духе христианско-подвижническом”, причем такое воспитание “велось последовательно, настойчиво и авторитетно: в храме, в школе и в домашнем быту” [12, с. 1400]. Подвижничество было массовым явлением, определяя собой *исконные черты русского народа*. В.А. Кожевников отмечает, что, хотя аскетический идеал имел немалое значение и для народов Западной Европы, но они не вобрали его в себя так глубоко, как Древняя Русь, которая даже не знала другого религиозно-нравственного идеала. У нее “не было иного образовательного и воспитательного начала, какое было дано для Запада в лице античной греко-римской культуры” [12, с. 1394].

Несмотря на то что феномен подвига связывался с внутренним устроением личности человека, он проявлялся и во внешнем, социальном плане: “В нравственно-аскетическом идеале, поднятом на всю высоту его благодатной силы в лице истинных праведников, осязательно проявлялась способность и возможность благотворно влиять на весь мир” [11, с. 1278]. Как свидетельствует история, русское монашество отличалось и на ратном поле; князья-воины, преуспевавшие на полях сражений, принимали монашеский постриг: Илья Муромец, Александр Невский, Пересвет и Ослябя, Дмитрий Донской... Сегодня мы говорим о них как о “русских национальных героях”, раньше их называли “святыми подвижниками”. К XIV–XV вв. понятие “подвиг” стало связываться со словами “мужество”, “храбрость” [6].

Святоотеческая аскетика [14, с. 616–620] говорит о различных ступенях подвижнической деятельности. Выделяются следующие виды подвигов:

начальный — телесный (деятельное подвижничество), следующий за ним — душевный (созерцательное подвижничество), высший — духовный (исихазм). Находясь в миру, человек, как правило, имеет возможность только для деятельного подвижничества, но оно рассматривается как обязательное условие его повседневной жизни. "Подвижничество совместимо со всякой внешней деятельностью", — говорит С.Н. Булгаков [4, с. 57] и далее комментирует: "Это понятие может быть распространено за пределы монастыря и применено ко всякой работе... Врач и инженер, профессор и политический деятель, фабрикант и его рабочий одинаково при исполнении своих обязанностей могут руководствоваться... совестью, велениями долга" [Там же, с. 58]. Представление о совместимости подвижничества "со всякой внешней деятельностью" в XVII–XVIII вв. дало понятию "подвиг" еще одно его значение: "проявлять себя в той или иной области деятельности, добросовестно, самоотверженно трудиться" [6].

В XVIII в., как уже отмечалось, в русской культуре появились понятия "герой" и "героизм", связанные с началом революционного движения в среде интеллигенции и обозначавшие феномены, глубоко чуждые практике подвижничества.

Противопоставление феноменов подвига и революционного героизма ярко показано С.Н. Булгаковым. Если для подвижничества характерно "верное исполнение своего долга" перед Богом и людьми, то отличительной чертой революционного героизма является "героическое самоутверждение", "искание великих деяний": "героический интеллигент не довольствуется ролью скромного работника, его мечта — быть спасителем человечества" [4, с. 40–52]. "Поставление себя вместо Бога" проявляется не только в целях и планах, но также "путях и средствах их осуществления". Революционный герой ради осуществления своей идеи "освобождает себя от уз обычной морали, разрешает себе право... на жизнь и смерть других людей" [Там же, с. 49]. Показывая, что героическое самоутверждение "несет в себе разъединяющее начало", С.Н. Булгаков называет его "лже-героизмом" [Там же, с. 44–49]. В основе настоящего героизма лежит подвижничество: "при наличности соответствующих исторических обстоятельств... подвижники осуществляют деяния, именуемые героическими"; при этом такие деяния они совершают "не во имя свое, а во имя Божие, не героически, но подвижнически" [Там же, с. 58].

Главная цель работы С.Н. Булгакова состояла в призыве русской интеллигенции стать на путь подвижничества и остановить развитие революционного героизма. Однако события разворачивались в другую сторону. Революционный героизм русской интеллигенции сменился "массовым героизмом революционного пролетариата". А понятие "подвиг" стало употребляться с ироничным оттенком — в значении "пустое, глупое, бессмысленное занятие" [6, с. 479].

Сближение понятий "подвиг" и "героизм", образование устойчивого речевого конструкта "героический подвиг", по-видимому, произошло в годы Великой Отечественной войны. Тогда же было прервано обесценивание феноменов подвига и подвижничества, осознание их значения как культурно-исторических феноменов. Одно из оснований для такого предположения мы усматриваем в многочисленных памятниках героическим событиям Великой Отечественной войны. Среди них — огромное количество безымянных: Неизвестному солдату, Труженикам тыла, Медицинским сестрам... Это памятники не "неизвестным героям" (герои всегда известны), это памятники *подвигу народа*. "Имя твое неизвестно, *подвиг* (выделено нами. — Т.В.) твой бессмертен", — таковы строки эпитафии на Общенациональном мемориале воинской славы у стен Московского Кремля[1].

Феномен подвига в годы Великой Отечественной войны вновь стал массовым и повседневным. Истоки этого — в формировавшемся веками подвижническом складе русского характера: "неослабной самодисциплине, выдержке, терпении и выносливости... верном исполнении своего долга" [4, с. 58]. Именно к подвижническому настрою народа апеллировала идеологическая пропаганда времен Великой Отечественной войны, обращаясь к глубокой истории нашей страны [13, с. 48].

ПОДВИГ И ГЕРОИЗМ КАК ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ

Феномену героизма, как уже отмечалось, посвящены работы многих зарубежных и отечественных психологов. Феномен подвига, напротив, практически не исследовался учеными; здесь имеется множество богословских трудов, отличающихся высоким психологическим дискурсом. Рассмотрим вначале феномен героизма.

Психологические исследования феномена героизма. Обзор начнем с современных зарубежных исследований, строящихся в основном на изучении мнений и представлений о героях. Учеными фиксируется

[1] Автором эпитафии считается С. Михалков.

крайняя неоднородность представлений. Так, например, по данным Аллисона и Гетелса, среди определяемых как “герои” фигурируют: политические деятели прошлого и настоящего (3%), известные медийные личности (4%), духовные учителя и пророки (6%), родственники опрашиваемых (32%), персонажи популярных книг и мультфильмов (34%) [27, с. 26]. Однако, несмотря на пестроту “пантеона современных героев”, базовое понятие “героизма” сохраняет свое архетипическое содержание. Героями считаются отважные, умные, самоотверженные и вдохновляющие лидеры [32].

Многие современные зарубежные исследования в облике героя подчеркивают нравственные черты (склонность к сопереживанию, доброта, альтруизм) и высокий уровень волевых качеств: готовность преодолевать серьезные испытания и даже жертвовать своей жизнью [27–28; 30; 33–34]. При этом героями считаются не только те, кто “совершает экстраординарные поступки”, но “и те, кто просто борется с болезнью или смертельным недугом”, “справляясь с этими общими для всех людей проблемами с необычайным мужеством и достоинством” [27, с. 28–29].

Несмотря на то что существенной характеристикой героизма является признание в обществе, героический поступок может быть никак не связан с желанием славы; он выступает воплощением высших духовных потребностей человека [32].

Однако связь героизма с современным культом селебрити раскрывает его индивидуально-психологический план и с другой стороны. Мотив славы, желание обеспечить себе высокий социальный статус нередко являются ключевыми в героическом поступке [35]. Социальная значимость героического поступка может отходить на второй план, уступая место “зрелищности” и риску. Этот аспект выступает даже основанием для построения типологии героизма. Так, Ф. Фарли выделяет “героизм с большой буквы”, сопряженный со значительным риском, возможностью серьезной травмы и даже смерти, и “героизм с маленькой буквы”, не предполагающий большого риска и негативных последствий [29].

Наибольшую ценность в исследовании феномена героизма, на наш взгляд, имеют работы отечественных ученых, выполненные в годы Великой Отечественной войны. В основе этих работ лежат не мнения и представления о героях, а непосредственное участие в героических событиях.

Среди научных трудов военного времени, посвященных феномену героизма, прежде всего следует отметить работы М.М. Рубинштейна “Рождение героя (психологический очерк)” (1943) и Д.И. Рамишвили “Психологическая сущность героического поступка и типология героев” (1943). В этих работах была предпринята попытка психологического анализа героического поступка; в центре внимания ученых оказалась мотивационно-волевая сфера личности.

В формировании мотивационной стороны героического поведения большое значение придавалось актуализации нравственного эталона. Виделось важным подчеркнуть историческую преемственность русского и советского народа: несокрушимость духа и любовь к Родине раскрыть как *исконные* черты, уходящие корнями в глубины исторической памяти. Нравственный эталон героического поведения раскрывался в статье Н.М. Коробкова “Национальные черты русского военного искусства” (1943), книгах К.В. Пигарева “Солдат — полководец: Очерки о Суворове” (1943) и А.Ю. Кривицкого “Традиции русского офицерства” (1945).

Среди исследований, посвященных волевому компоненту героического поведения, нельзя не отметить труды Б.М. Теплова “Ум и воля военнослужащего” (1943), Н.Д. Левитова “Воля и характер бойца” (1944), М.П. Феофанова “Воспитание смелости и мужества” (1941), Г.А. Фортунатова “Страх и его преодоление” (1942), Л.Н. Мосиава “Стойкость бойца и психологические основы ее воспитания” (1943) и др.

В ряду психологических работ времен Великой Отечественной войны особое место, на наш взгляд, занимает подготовка С.Л. Рубинштейном 2-го издания фундаментального труда “Основы общей психологии”. В этой книге автор поднимает вопрос о *внутренних истоках героического поведения* и раскрывает геройский поступок как **волевой акт**, *мотивированный чувством* **долга**.

Рассматривая конкретные эпизоды Великой Отечественной войны[2], С.Л. Рубинштейн комментирует: «Вот человек: жизнь уже покидает его, обескровленный мозг затухает; сознание его мутнеет, он не осознает уже самых элементарных вещей... — но одна мысль, единственная освещенная точка среди все уже заволакивающей тьмы, держится несокрушимо до самого конца: “Разрешил ли я возложенную на меня задачу? Выполнил ли я свой долг?!” И на этой мысли — силой исходящего от нее напряжения — держится и с нею кончается жизнь». Ученый заключает: мысль о долге, об ответственности — самая прочная мысль

[2] В книге приводятся эпизоды Сталинградской битвы по материалам газеты “Правда”.

в сознании, с нею оно пробуждается и гаснет [20, с. 440–441].

Основу героического поведения С.Л. Рубинштейн усматривает в установлении особых отношений между двумя компонентами воли: *влечениями и долженствованиями*[3]. У одних людей, говорит автор, дóлжное не является значимым, "нравственное содержание не входит в мотивы и не детерминирует как таковое воли". У других — дóлжное осознается как значимое, но переживается как чуждая внешняя сила, противостоящая личному; воля в таком случае "расщеплена на внешние друг другу компоненты — влечения и долженствования и поглощена разрешением их постоянно возобновляющегося конфликта". У третьих дóлжное выступает как "кровное, личное"; воля в таком случае становится "цельной, монолитной" [20, с. 593].

Становясь личностно-значимым, общественно-значимое "порождает в человеке динамические тенденции долженствования более мощные, чем любые личностные влечения". Ученый пишет: "Действенная сила тенденций долженствования... проявилась с изумительной мощью в несметных героических делах советских людей на фронтах Великой Отечественной войны" [20, с. 440]. Перечисляя героев — Н. Гастелло, 28 панфиловцев, 16 гвардейцев во главе с В.Д. Кочетковым, 12 краснофлотцев во главе с Трушкиным..., он заключает: "подвиги этих людей войдут в историю", "станут легендарными" [Там же].

Размышляя об истоках героического поведения, С.Л. Рубинштейн (скорее всего, даже незаметно для самого себя) переходит к использованию понятия "подвиг". Такой переход, на наш взгляд, не случаен. Представления С.Л. Рубинштейна об истоках героического поведения во многом созвучны святоотеческому учению о подвижничестве. Перейдем к его рассмотрению.

Святоотеческое учение о подвиге: индивидуально-психологическая сторона. Феномен подвига, как уже отмечалось, изначально был связан с задачей нравственного совершенствования человека. Такая задача встала перед человеком вследствие грехопадения, разрушевшего всю изначальную гармонию его бытия.

Одной из самых поврежденных оказалась потребностная сфера. Ее состояние стало противоестественным и противоречивым: "Не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю..." [Римл. 7: 15]. Согласно святоотеческому учению, базовыми потребностями человека являются *духовные потребности*. Святитель Феофан Затворник говорит: "По первоначальному своему устройству, человек должен бы жить в духе, и им определяем быть в своей деятельности" [23, с. 44]. В акте творения в природу человека также были заложены потребности, которые в психологической науке называются *социальными потребностями*. Библия повествует: "И сказал Господь Бог: не хорошо человеку быть одному; сотворим ему помощника, соответственного ему" [Быт. 2:18].

Что касается телесных (*органических*) потребностей, то они практически отсутствовали у первозданных людей. Святитель Иоанн Златоуст говорит: "Человек жил на земле, как ангел какой; был в теле, но не имел телесных нужд" [9, с. 107].

Грехопадение изменило людей: телесные потребности стали резко разрастаться, превратившись в *страсть самоугождения*. Социальные и духовные потребности сдвинулись на "задний план" — человек отдалился от Бога и других людей и *замкнулся на самом себе*, что привело к образованию полного разлада в его существовании: "Плоть желает противного духу, а дух — противного плоти, и оба они друг другу противятся" [Гал. 5:17].

Подвижничество имеет своей ближайшей задачей упорядочение потребностей человека по принципу иерархического подчинения. Решение этой задачи связывается с **волей**. Обладая **свободой воли**, человек может управлять своими потребностями. Аскетика настраивает человека прежде всего на самоограничение своих телесных потребностей. Это напряженная и многотрудная работа над собой, требующая **волевой борьбы**.

Согласно святоотеческому учению, воля — это сила, исходящая из влечений человека и проходящая через суд его совести [14, с. 443]. В текстах Священного Писания [Мф. 5:25; Осия 5:11] совесть именуется "Соперником". Совесть *повелевает* человеку делать то, что дóлжно — но его воля, будучи связана с влечениями, противится Сопернику. "Влечения" вступают в борьбу с "долженствованиями" — святоотеческое учение называет этот процесс "невидимой бранью".

"Невидимая брань" часто заканчивается уступкой влечениям. Голос совести становится не слышным для человека, *чувство долга атрофируется*: "Соодоле Ефрем соперника своего, попра суд..." [Осия 5:11]. Победа над Соперником, однако, оборачивается для человека поражением: *воля теряет свободу* — попадает в "плен самоугождения влечениям".

[3] Источником влечений у С.Л. Рубинштейна являются органические, телесные потребности человека. Дóлжное — у него — это общественное, общественно значимое.

У подвижника невидимая брань идет всю жизнь. Он постоянно принуждает свою волю к исполнению велений совести, “настраивая свои силы на то, к чему у них нет расположения” [25, с. 7].

Результат подвижничества — возвращение первозданной иерархии потребностей и радикальное изменение всего мировосприятия человека: смещение (*по-двиг*) центра с самого себя. Самоугождение влечениям сменяется духовной жизнью, любовью — к людям, ближним и дальним, к Богу. Человек начинает “жить в духе, духу подчинять и духом проникать все душевное, а тем паче телесное, а за ним и все свое внешнее. Се — норма!” [24, с. 46].

Завершая рассмотрение феноменов подвига и героизма на индивидуально-психологическом уровне, отметим ряд пересечений святоотеческой мысли и научного психологического знания, позволяющих не только лучше понять сущность обсуждаемых феноменов, но и увидеть их принципиальное значение для психологической науки.

Во-первых, нельзя не заметить созвучие представлений С.Л. Рубинштейна и святоотеческой мысли о волевой динамике, обеспечивающей осуществление героического поступка/подвига: противоречие (борьба) “влечений” и “долженствований” снимается доминированием “долженствований”. Имеется, правда, расхождение в понимании характера противоречия, проистекающего из разной интерпретации источника долженствований. У С.Л. Рубинштейна до́лжное — это общественное; противоречие влечений и долженствований выступает как противоречие *внутреннего* и *внешнего*. Для святоотеческой мысли до́лжное — это веления совести; противоречие выступает как *внутреннее*. Современная психология редко обращается к исследованиям совести, ее роли в осуществлении волевого акта. Но еще в начале XX в. У. Джемс включил совесть в схему волевого действия; подчеркивая драматизм этапа борьбы мотивов, ученый сравнивал его с битвой Давида и Голиафа (цит. по: [8, с. 460]). Заметим также, что включение совести в схему волевого действия и, соответственно, перевод конфликта “влечений” и “долженствований” во *внутренний план* полностью совпадает с современным пониманием процесса психического развития человека — как обусловленного *внутренними противоречиями* [1, с. 462].

Во-вторых, обращает на себя внимание тот факт, что и научная, и святоотеческая мысль указывают на связь воли с потребностной сферой. Ученые говорят об этой связи как о сложной и даже противоречивой. Так, С.Л. Рубинштейн, с одной стороны, отмечает зарождение воли в потребностях, а с другой — раскрывает волевой акт как процесс преодоления природных влечений [20, с. 589]. Созвучное мнение высказывает и В.И. Слободчиков, замечая, что связь воли с потребностной сферой — не столько данность, сколько **заданность** [21, с. 262].

Как известно, научные классификации потребностей в основу кладут телесно-органические. Одной из самых популярных является “пирамида потребностей” А. Маслоу, согласно которой “включение” потребностей каждого вышележащего уровня возможно *только при удовлетворении всей иерархии нижележащих потребностей* (витально-органических, в безопасности, в привязанности и т.д.) [19, с. 108–117]. Однако героические поступки и подвижнический опыт свидетельствуют об обратном: о способности человека *переступать* через свои витально-органические потребности, *преодолевать* страх за свою жизнь и даже чувство привязанности к родным и близким. Воля, собранная “долженствованиями”, способна **сдвигать** эти потребности на “задний план”. Святоотеческая мысль такой сдвиг (**по-двиг**) рассматривает в аспекте **заданности**, связывая его с **ответственностью** человека **за свободу воли**. Опираясь на это представление, можно предположить, что через этот сдвиг и раскрывается действительная связь воли с потребностной сферой.

В-третьих, нельзя не отметить пересечений святоотеческого учения о подвиге с теорией доминанты А.А. Ухтомского (и ее развитием в современной психологической практике), а также трудами Ж. Пиаже, Л.С. Выготского, А.В. Запорожца и др., раскрывающими онтогенетическую динамику как процесс *децентрации*.

Открыв в работе нервной системы “*специфически человеческую доминанту*” — “на Другого”, А.А. Ухтомский говорил, что человек *призван* воспитать ее в себе, “преодолевая самого себя и свой индивидуализм” [22, с. 437]. В развитие учения “О доминанте” огромный вклад внесли М.М. Бахтин и Т.А. Флоренская, заложив основы психологической практики, помогающей человеку услышать “голос совести”, укрепить способность жить по чувству долга.

Следствием процесса децентрации является расширение сознания, смещение его фокуса — “на Другого”. Такое расширение свойственно и герою, и подвижнику. Нетрудно, однако, увидеть различие между ними в локализации доминанты “на Другом”. В первом случае доминанта находится в *социальном* измерении (“Другой” — это те или иные общности людей). Во втором случае доминанта выходит в *метафизическое* измерение

(“Другой” — это Бог). Здесь нам видится прямая связь с теорией уровней сознания Б.С. Братуся [2].

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ

Целью настоящей работы, актуализированной проблемой обесценивания феноменов подвига и героизма, являлось выявление сходства и различия данных феноменов, а также привлечение к ним внимания отечественных психологов. Исходными посылками к проведению дифференциации являлись разные культурно-исторические “корни” феноменов подвига и героизма.

Обобщая итоги проделанной работы, резюмируем.

1. Разные культурно-исторические “корни” феноменов подвига и героизма обусловливают различия в проявлении их сущности. В феномене героизма, возникновение и развитие которого связаны с западно-европейской культурой, доминирует предметно-результативная сторона, раскрывающаяся во внешнем, социальном плане. Герой — это человек, сумевший в исключительных обстоятельствах проявить мужество и мудрость во благо других и заслужить общественное признание. “Почитание героя” — неотъемлемая черта феномена героизма. Герой выполняет функции консолидации общества и его культурной символики.

В феномене подвига, возникновение и развитие которого происходило на почве русской (православной) культуры, доминирует процессуально-динамическая сторона, раскрывающаяся во внутреннем, индивидуально-психологическом плане. Феномен подвига неразрывно связан с подвижничеством, особым видом православной духовной практики. Подвиг — это не одномоментный акт, требующий волевого порыва, но длительный процесс духовной работы, имеющий своей целью нравственное совершенствование. Подвижничество являлось нормой будничной жизни всякого человека.

2. Несмотря на наличие различий, противопоставление феноменов подвига и героизма является некорректным. Подвижничество представляет собой основу, важнейшее условие готовности к героическому поступку. Именно в силу такого характера связи обсуждаемых феноменов оказалось возможным их смешивание, а также “заимствование” героизмом исконных отличительных черт феномена подвига (“массовость” и “повседневность”).

3. Проблема обесценивания феноменов подвига и героизма не может быть решена через конструктивные технологии. Конструктивизм приводит к вырождению героизма в лже-героизм в самых разнообразных вариантах: от “массового революционного героизма” конца XIX — начала XX вв. — до современного культа селебрити.

4. Проблема обесценивания феноменов подвига и героизма — следствие духовно-нравственной деградации общественной жизни. Важно не столько культивировать героизм, сколько возрождать идею подвига и практику подвижничества. Наши зарубежные коллеги, разрабатывающие специальные программы обучения героизму, к сожалению, ничего не знают (или знают лишь понаслышке) об уникальном русском феномене подвига. Решающее слово в этом вопросе — за отечественными психологами.

Результаты, полученные в настоящей работе, на наш взгляд, касаются не только практикоориентированных направлений психологической науки, для которых проблема обесценивания феноменов подвига и героизма имеет непосредственную актуальность, но и сугубо академических исследований, связанных с решением теоретико-методологических проблем. Круг этих проблем (далеко не полный) мы попытались обозначить. Он включает в себя вопросы нравственной регуляции волевого акта и его механизмов, связи воли с мотивационно-потребностной сферой, преодоления эгоцентризма как нормы психического онтогенеза человека, овладения человеком свободой воли и его субъектности...

Выход на фундаментальные проблемы психологической науки через феномены подвига и героизма обусловлен их исключительной значимостью для понимания природы психического и процессов психического развития человека. Вовсе не случайной является подмеченная В.А. Кольцовой и Ю.А. Олейником отличительная особенность исследований отечественных психологов времен Великой Отечественной войны: будучи нацеленными на решение конкретных практических задач, они часто приобретали “глубоко фундаментальное звучание” [13, с. 46].

Нельзя не вспомнить и о том, что массовые подвиги нашего народа и небывалый героизм в годы Великой Отечественной войны побудили С.Л. Рубинштейна к подготовке *2-го издания* фундаментального труда “Основы общей психологии”, к постановке *новых методологических задач*. Завершая этот труд в мае 1945 г., он писал, что “в свете всего происшедшего и пережитого... необходимо с новой остротой и значительностью поставить вопрос о человеке, о мотивах его поведения и задачах его деятельности, о его сознании” [20, с. 7].

Хочется надеяться, что вопросы, поднятые в настоящей статье, не оставят равнодушными отечественных психологов и привлекут их внимание к исследованиям феноменов подвига и героизма — как в практическом, так и в теоретико-методологическом аспектах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. СПб., 2007.
2. *Братусь Б.С.* Личностные смыслы по А.Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. М., 1999. С. 284–298.
3. *Бруно Дж.* О героическом энтузиазме. М., 1953.
4. *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 27–73.
5. *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций. М., 1994.
6. *Виноградов В.В.* История слов. М.: РАН, 1999.
7. *Воровский В.В.* А.И. Куприн // Хрестоматия критических материалов: русская литература рубежа XIX–XX веков. М., 1999. С. 466–475.
8. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982.
9. *Иоанн Златоуст*, *святитель*. Беседы на книгу Бытия. М., 1993.
10. *Карлейль Т.* Герои, почитание героев и героическое в истории. М., 2008.
11. *Кожевников В.А.* О значении христианского подвижничества в прошлом и настоящем // Архив журнала “Христианское чтение” 1909. СПб.: СПбПДА, 2009. Ч. I. № 8–9. С. 1059–1088. URL: http://www.xpa-spb.ru/libr/Kozhevnikov-VA/o-znachenii-podvizhnichestva-8-9.pdf (дата обращения: 08.06.2020); Ч. II–III. № 10. С. 1260–1288. URL: http://www.xpa-spb.ru/libr/Kozhevnikov-VA/o-znachenii-podvizhnichestva-10.pdf (дата обращения: 08.06.2020).
12. *Кожевников В.А.* О значении христианского подвижничества в прошлом и настоящем. Ч. IV // Архив журнала “Христианское чтение” 1909. № 11. С. 1394–1419. СПб.: СПбПДА, 2009. URL: http://www.xpa-spb.ru/libr/Kozhevnikov-VA/o-znachenii-podvizhnichestva-11.pdf (дата обращения: 08.06.2020).
13. *Кольцова В.А.*, *Олейник Ю.И.* Психологи в годы войны: подвиг на века // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 40–51.
14. *Коржевский В.*, *свящ.* Пропедевтика аскетики: компендиум по православной святоотеческой психологии. М., 2004.
15. Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима / Сост. А.А. Нейхардт. М., 1987.
16. *Ленин В.И.* Великий почин / Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1970. Т. 39. С. 9–29.
17. *Лихачев Д.С.* Заметки о русском. М., 1981.
18. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 8. М.: Политиздат, 1957.
19. *Маслоу А.* Самоактуализация // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 108–117.
20. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб., 2000.
21. *Слободчиков В.И.*, *Исаев Е.А.* Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. М., 1995.
22. *Ухтомский А.А.* Заслуженный собеседник. Рыбинск, 1997.
23. *Феофан Затворник*, *святитель*. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. Л., 1991.
24. *Феофан Затворник*, *святитель*. Внутренняя жизнь. М., 1993.
25. *Феофан Затворник*, *святитель*. Путь ко спасению. Краткий очерк аскетики. М., 1994.
26. *Хейзинга Й.* Тени завтрашнего дня: Диагноз духовного недуга нашего времени // Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб., 2010. С. 17–158.
27. *Allison S.T.*, *Goethals G.R.* Heroes: What they do and why we need them. N.Y.: Oxford University Press, 2011.
28. *Allison S.T.*, *Goethals G.R.* Heroic leadership: An influence taxonomy of 100 exceptional individuals. N.Y.: Routledge, 2013.
29. *Farley F.* The Real Heroes of “The Dark Knight” // Psychology Today. July 27. 2012.
30. *Franco Z.E.*, *Blau K.*, *Zimbardo P.G.* Heroism: A conceptual analysis and differentiation between heroic action and altruism // Review of General Psychology. 2011. № 15 (2). P. 99–113.
31. *Franco Z.E.*, *Zimbardo P.G.* The banality of heroism // Greater Good. 2006. № 3 (2). P. 30–35.
32. *Kinsella E.L.*, *Ritchie T.D.*, *Igou E.R.* Lay perspectives on the social and psychological functions of heroes // Frontiers in Psychology. 2015. № 6. P. 1–12.
33. *Kohen A.* Untangling heroism: Classical philosophy and the concept of the hero. N.Y.: Routledge, 2015.
34. *Walker L.J.* Moral personality, motivation, and identity // Eds. M. Killen, J.G. Smetana / Handbook of moral development. N.Y.: Psychology Press, 2014. P. 497–519.
35. *Ward P.* Gods Behaving Badly: Media, Religion, and Celebrity Culture. L.: SCM Press, 2011.

FEAT AND HEROISM AS CULTURAL AND HISTORICAL PHENOMENA AND THEIR SIGNIFICANCE FOR PSYCHOLOGICAL SCIENCE

T. P. Voytenko

Kaluga State Institute of Education Development,
248000, *Kaluga*, *Gagarina str.*, *1*, *bldn. 1*, *Russia*.
PhD (*Psychology*), *Associate Professor*, *Deputy Director*.
E-mail: *TatianaVoyt@rambler.ru*

Received 07.07.2020

Abstract. The purpose of the work is to identify the difference and similarity of the phenomena of feat and heroism. The connection of phenomena with two different cultures is shown — Western European and Russian (Orthodox), which led to their differences at the social and individual psychological levels. The author focuses on the phenomenon of feat, revealing it as the most important condition of heroism. The hypothesis is put forward about the psychological essence of the feat as a shift in the motivational-need sphere. It is noted that in the light of the Orthodox cultural tradition, such a shift appears in the format of the task (norm) of mental ontogenesis.

Keywords: heroism, feat, mobility, shift in motivation-need sphere, subject of freedom and responsibility.

REFERENCES

1. Bol'shoj psihologicheskij slovar'.Eds. B.G. Meshcheryakov, V.P. Zinchenko. SaintPetersburg, 2007. (In Russian)
2. *Bratus' B.S.* Lichnostnye smysly po A.N. Leont'evu i problema vertikali soznaniya. Tradicii i perspektivy deyatel'nostnogo podhoda v psihologii. Moscow, 1999. P. 284–298. (In Russian)
3. *Bruno Dzh*. O geroicheskom entuziazme. Moscow, 1953. (In Russian)
4. *Bulgakov S.N*. Geroizm i podvizhnichestvo (Iz razmyshlenij o religioznoj prirode russkoj intelligencii). Vekhi. Sbornik statej o russkoj intelligencii. Moscow, 1909. P. 27–73. (In Russian)
5. *Viko Dzh*. Osnovaniya novoj nauki ob obshchej prirode nacij. Moscow, 1994. (In Russian)
6. *Vinogradov V.V*. Istoriya slov. Moscow: RAN, 1999. (In Russian)
7. *Vorovskij V.V*. A.I. Kuprin. Hrestomatiya kriticheskih materialov: russkaya literatura rubezha XIX–XX vekov. Moscow, 1999. P. 466–475. (In Russian)
8. *Vygotskij L.S*. Sobranie sochinenij: V 6 t. T. 2. Problemy obshchej psihologii. Ed. V.V. Davydov. Moscow: Pedagogika, 1982. (In Russian)
9. *Ioann Zlatoust*, *svyatitel'*. Besedy na knigu Bytiya. Moscow, 1993. (In Russian)
10. *Karlejl' T*. Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii. Moscow, 2008. (In Russian)
11. *Kozhevnikov V.A*. O znachenii hristianskogo podvizhnichestva v proshlom i nastoyashchem. Arhiv zhurnala "Hristianskoe chtenie" 1909. Saint Petersburg: SPbPDA, 2009. Ch. I. № 8–9. P. 1059–1088. URL: http://www.xpa-spb.ru/libr/Kozhevnikov-VA/o-znachenii-podvizhnichestva-8-9.pdf (data obrashcheniya: 08.06.2020); Ch. II–III. № 10. P. 1260–1288. URL: http://www.xpa-spb.ru/libr/Kozhevnikov-VA/o-znachenii-podvizhnichestva-10.pdf (data obrashcheniya: 08.06.2020). (In Russian)
12. *Kozhevnikov V.A*. O znachenii hristianskogo podvizhnichestva v proshlom i nastoyashchem. Ch. IV // Arhiv zhurnala "Hristianskoe chtenie" 1909. № 11. P. 1394–1419. SaintPetersburg: SPbPDA, 2009. URL: http://www.xpa-spb.ru/libr/Kozhevnikov-VA/o-znachenii-podvizhnichestva-11.pdf (data obrashcheniya: 08.06.2020). (In Russian)
13. *Kol'cova V.A.*, *Olejnik Yu.I*. Psihologi v gody vojny: podvig na veka. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2005. № 2. P. 40–51. (In Russian)
14. *Korzhevskij V.*, *svyashch*. Propedevtika asketiki: kompendium po pravoslavnoj svyatootecheskoj psihologii. Moscow, 2004. (In Russian)
15. Legendy i skazaniya Drevnej Grecii i Drevnego Rimaю Sost. A.A. Nejhardt. Moscow, 1987. (In Russian)
16. *Lenin V.I*. Velikij pochin. Polnoe sobranie sochinenij. Moscow: Politizdat. 1970.T. 39. P. 9–29. (In Russian)
17. *Lihachev D.S*. Zametki o russkom. Moscow, 1981. (In Russian)
18. *Marks K. i Engel's F*. Soch. 2-e izd. Moscow: Politizdat, 1957. T. 8. (In Russian)
19. *Maslou A*. Samoaktualizaciya. Psihologiya lichnosti. Teksty. Moscow, 1982. P. 108–117. (In Russian)
20. *Rubinshtejn S.L*. Osnovy obshchej psihologii. Saint Petersburg, 2000. (In Russian)

21. *Slobodchikov V.I.*, *Isaev E.A.* Osnovy psihologicheskoj antropologii. Psihologiya cheloveka: Vvedenie v psihologiyu sub"ektivnosti. Moscow, 1995. (In Russian)

22. *Uhtomskij A.A.* Zasluzhennyj sobesednik. Rybinsk, 1997. (In Russian)

23. *Feofan Zatvornik*, *svyatitel'*. Chto est' duhovnaya zhizn' i kak na nee nastroit'sya. Leningrad, 1991. (In Russian)

24. *Feofan Zatvornik*, *svyatitel'*. Vnutrennyaya zhizn'. Moscow, 1993. (In Russian)

25. *Feofan Zatvornik*, *svyatitel'*. Put' ko spaseniyu. Kratkij ocherk asketiki. Moscow, 1994. (In Russian)

26. *Hyojzinga J.* Teni zavtrashnego dnya: Diagnoz duhovnogo neduga nashego vremeni. Hejzinga J. Teni zavtrashnego dnya. Chelovek i kul'tura. Zatemnennyj mir. Saint Petersburg, 2010. P. 17–158. (In Russian)

27. *Allison S.T.*, *Goethals G.R.* Heroes: What they do and why we need them. New York: Oxford University Press, 2011.

28. *Allison S.T.*, *Goethals G.R.* Heroic leadership: An influence taxonomy of 100 exceptional individuals. New York: Routledge, 2013.

29. *Farley F.* The Real Heroes of "The Dark Knight".Psychology Today. July 27. 2012.

30. *Franco Z.E.*, *Blau K.*, *Zimbardo P.G.* Heroism: A conceptual analysis and differentiation between heroic action and altruism. Review of General Psychology. 2011. № 15 (2). P. 99–113.

31. *Franco Z.E.*, *Zimbardo P.G.* The banality of heroism. Greater Good. 2006. № 3 (2). P. 30–35.

32. *Kinsella E.L.*, *Ritchie T.D.*, *Igou E.R.* Lay perspectives on the social and psychological functions of heroes. Frontiers in Psychology. 2015. № 6. P. 1–12.

33. *Kohen A.* Untangling heroism: Classical philosophy and the concept of the hero. New York: Routledge, 2015.

34. *Walker L.J.* Moral personality, motivation, and identity // M. Killen and J.G. Smetana (Eds). Handbook of moral development. New York: Psychology Press, 2014. P. 497–519.

35. *Ward P.* Gods Behaving Badly: Media, Religion, and Celebrity Culture. London: SCM Press, 2011.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 2, с. 41–50

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9(091)

КУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЯНА ВАЛЬСИНЕРА. ЧАСТЬ II. ШКОЛА ДИНАМИЧЕСКОГО СЕМИОЗИСА[1]

© 2022 г. И. А. Мироненко[1,*], А. Л. Журавлев[2,]**

[1]ФГБУОУВО Санкт-Петербургский государственный университет;
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Россия.
[2]ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.
[*]Доктор психологических наук, профессор факультета психологии.
E-mail: mironenko.irina1@gmail.com
[**]Академик РАН, профессор, научный руководитель ФГБУН Института психологии РАН.
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Поступила 02.06.2021

Аннотация. Во второй части статьи, являющейся продолжением ранее опубликованного материала (см. И.А. Мироненко, А.Л. Журавлев. Культурная психология Яана Вальсинера. Часть I. В дискурсе глобальной науки // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 6. С. 65–73), раскрываются теория и методология, развиваемые в русле культурной психологии Яана Вальсинера. Рассматриваются общенаучные и философские основания, конкретно-научные теории и принципы данного подхода, а также новые, введенные в дискурс психологии понятия. Показывается, что культурная психология позиционируется Я. Вальсинером как новая общепсихологическая теория, где важнейшую роль играет принцип целостности, т.е. единства методологии для всех уровней психологического анализа, от отдельных психических процессов до личности в ее отношениях с миром. А также что важнейшим аксиоматическим основанием подхода Вальсинера является понимание психики как открытой системы, находящейся в постоянном взаимодействии со средой. При этом, в отличие от традиционного понимания характеристик среды обитания как контекста жизни субъекта, постановка вопроса, предлагаемая Вальсинером, позволяет рассматривать данный феномен как подсистему и непосредственную границу самого субъекта, где и происходит его взаимодействие со средой. Раскрывается значение для культурной психологии теории и методов семиотики, изложенных прежде всего в работах Ч. Пирса. Вальсинер широко использует центральное для Пирса понятие “семиозис”, под которым понимается познание субъектом объекта через процесс интерпретации индуцируемых и проявляемых объектом смыслов, т.е. его “знаков”. Применительно к человеку, психика которого культурно (знаково) обусловлена, Вальсинер делает вывод о том, что в процессе самонаблюдения, результаты которого подвергаются интерпретации как знаки (в ходе семиозиса), субъект фактически создает, конструирует самого себя и свой мир. Обосновывается (как отмечалось в первой части статьи), что культурная психология продолжает традицию культурно-исторических подходов к анализу психических явлений, характерных и для истории отечественной психологической науки, а также что содержание принципа единства методологии психологического анализа для всех уровней и типов психических явлений, от психических процессов до личности, созвучно российской психологической традиции. Примеры такого целостного подхода находятся в психологических концепциях незаслуженно забытого М.И. Владиславлева, а также таких известных ученых, как С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, К.К. Платонов.

Ключевые слова: культурная психология, Я. Вальсинер, методология психологии, открытая система, невозвратность времени, контекстуальный подход, семиотика, семиозис, идеографический подход.

DOI: 10.31857/S020595920019411-8

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-013-00260.

Как уже отмечалось в первой части статьи, важную роль в “самопрезентации” культурной психологии Яана Вальсинера играет противопоставление ее другим существующим подходам и направлениям, прежде всего сложившемуся западноцентристскому (прежде всего американскому) мейнстриму.

Во-первых, культурная психология позиционируется как *целостный подход* к анализу психики во всем многообразии ее уровней и проявлений и в этом плане противопоставляется принципу “набора” разрозненных с позиции методологии разделов, сложившемуся в современной общей психологии. Свою монографию “Общая психология человека” [21] Вальсинер открывает словами: “Эта книга призвана возродить саму идею общей психологии как центра психологической науки. Начиная с 1930-х годов, центральное место здесь было утрачено ею” [21, с. 4]. В качестве примера Вальсинер сравнивает учебник В. Штерна [11], где были изложены общие принципы и идеи целостного анализа психической жизни человека, с современными учебниками, которые характеризуются им как «наборы глав, содержащих обзоры исследований по направлениям, которые включены в учебные программы по курсу “Общей психологии”» [21, с. 4]. Культурная психология Вальсинера прежде всего заявлена как попытка изложить “идеи, общие для различных разделов и отраслей психологии” [Там же]. В этом смысле она представляется им как возвращение к доминировавшей в мировой науке до военного времени “немецкой” традиции [12; 15], противопоставляемой “американской”, доминирующей со времени Второй мировой войны: “...сложные целостные явления нельзя разложить на сумму простых составляющих, не утратив при этом сущности целого. Тем не менее идея простоты — сведения целого к сумме его элементов — превратилось в кредо психологической науки” [17, с. 1].

Во-вторых, культурная психология противопоставлена уверенно доминирующим в мировой науке “статическим”, “in vitro”, бихевиористскому и когнитивистскому подходам: “Мышление психологов сфокусировано на поиске статических душевных состояний, в то время как души и тела людей пребывают в непрерывном изменении... Результатом стал вывернутый наизнанку образ человеческой психики: пассивной, реактивной по отношению к внешним воздействиям, предсказуемой и контролируемой” [22, с. 302]. Новая психологическая наука, по мнению Вальсинера, должна строиться на прямо противоположных аксиоматических основаниях: “Непредсказуемость человеческого поведения — не ошибка, но преимущество пре-адаптации к непрерывно изменяющимся условиям” [Там же].

В-третьих, в своем обращении к высшим сложным целостным психическим функциям и проявлениям, культурная психология не является «ни новой версией гуманистической психологии, ни следованием моде на “позитивную психологию”» [21, с. 4]. Последние характеризуются им как основанные на принципах западной культуры, при этом претендующие на ложную универсальность, игнорирующие относительную условность любой культуры, а также как игнорирующие и даже отрицающие человеческую деструктивность, которая является неотъемлемой стороной человеческой психики: “Разделяя ценности гуманизма со всеми учеными, для которых войны, грабежи и геноцид — предмет глубоких сожалений, я не могу исключить эту темную сторону человеческой натуры из целостной картины человеческой психики...” [21, с. 4–5].

Людям свойственно не только созидание себя и своего мира, но и разрушение, также являющееся неотъемлемой стороной человеческого бытия.

ФИЛОСОФСКАЯ И ОБЩЕНАУЧНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПСИХОЛОГИИ ЯАНА ВАЛЬСИНЕРА

По собственному признанию Вальсинера, важнейшими и общенаучными положениями, которые он развивает в психологической науке, являются, во-первых, идея невозвратности времени, т.е. понимание того, что реальность представляет собой реализацию одного из множества потенциально возможных, но не свершившихся и потому уже невозможных вариантов развития. “Переиграть” свершившееся нельзя, но потенциальный выбор на начальном этапе показывает очевидность и возможность множества вариантов развития из настоящего в будущее: “Разработка этой идеи в философии (Анри Бергсон) и в физической химии (Илья Пригожин), как представляется, может послужить достаточной основой для использования ее в качестве основания психологической науки” [22, с. 459].

Во-вторых, Вальсинеру представляется перспективным предложение о замене концепта причинности концептом катализа. Он пишет, что это его “заимствование из химии, где эта идея развивается, начиная с 1830-х гг.” [22, с. 460]. Эта вторая идея может рассматриваться как своеобразная экспликация последствий применения идеи невозвратности времени. Происходящее не является

следствием каких-либо “причин”, т.е. обстоятельств, существовавших в предшествующий событию период времени. То, что происходит, — всегда результат своего рода катализа, т.е. возникновения новой сущности из взаимодействия различных “субстанций”, ни одна из которых не несла в себе проект совершившегося, не служила его “причиной”. Поэтому совершающееся всегда уникально. По мнению Вальсинера, имеющиеся в мейнстриме, как и в целом в психологической науке, попытки воплощения этих фундаментальных идей недостаточны. “Как я могу судить по современной ситуации в психологии, мои попытки привнести сюда эти идеи не увенчались успехом”, — иронично замечает Вальсинер [Там же]. Он заключает, что подлинное внедрение этих идей в психологию означало бы необходимость полного пересмотра методов сбора эмпирических данных. Прежде всего положение об уникальности каждого психологического явления делает невозможным применение статистических процедур, требует применения преимущественно идеографического подхода в психологии.

В культурной психологии Вальсинера настойчиво подвергается критике сложившаяся традиция использования статистики, применение которой основано на предположении об эргодичности[2] описываемых функций. Аргументом принципиальной некорректности статистического подхода в психологии считается то, что большинство сложных целостных психических явлений не являются эргодичными. Иными словами, можно принять статистические расчеты характеристик элементарных психических функций, таких как время сенсомоторной реакции на свет, объем кратковременной памяти и прочие подобные, основываясь на том, что здесь действует закон нормального распределения, т.е. среди людей встречаются значения искомого показателя во всем диапазоне и больше всего средних значений, что и описывает кривая нормального распределения. Например, глаза у людей устроены сходным образом, и на основе множества измерений можно вычислить средние показатели абсолютных и дифференциальных порогов зрения. Однако в отношении тех сложных целостных культурно обусловленных явлений, которые в фокусе интереса культурной психологии, предположение об эргодичности не имеет оснований. Люди качественным образом различаются по своим взглядам, верованиям, устремлениям, представлениям о добре и зле. Реагировать на какие-либо события люди могут по-разному, в том числе и прямо противоположным образом [14, с. 16].

При таком подходе предлагается фокус исследования сосредоточить не на усредненной статистике выборок, а на, как уже говорилось выше, анализе индивидуальных случаев, который является основой для обобщений, что и аргументируется методологически. Для этого используется понятие *абдукции*, введенное Ч. Пирсом в триаде “абдукция — индукция — дедукция”, в качестве познавательной процедуры для принятия правдоподобных гипотез на основе интуиции. Согласно Пирсу, процесс научного познания осуществляется как взаимодействие: 1) абдукции, осуществляющей принятие правдоподобных объяснительных гипотез на основе “абдукционного инстинкта”; 2) индукции, реализующей эмпирическое тестирование выдвинутых гипотез; 3) дедукции, посредством которой из принятых гипотез выводятся следствия. Моментом творчества, порождающего *новое* научное знание, является именно абдукция.

Цель любой науки — обобщение, в виде которого и формулируются научные законы. Возможно ли обобщение на основе исследования единичных случаев? Каким образом оно возможно, без усреднения на больших выборках, на основе предположения об уникальности каждого отдельного случая? Культурная психология утверждает, что в силу индивидуально неповторимого характера протекания психических явлений только такое обобщение и возможно. Оно основывается на выявлении общих по своей природе закономерностей, индивидуально-неповторимое проявление которых наблюдается в каждом случае. Вальсинер уместно цитирует Л.С. Выготского об И.П. Павлове: “И.П. Павлов изучает фактически деятельность *слюнной железы у собаки*. Что дает ему право назвать свой опыт изучением высшей нервной деятельности *животных*? Быть может, он должен был проверить свои опыты на коне, вороне и т.д. — на всех или, по крайней мере, на большинстве животных, чтобы иметь право сделать выводы? Или, может быть, он должен был свой опыт назвать *так*: изучение слюноотделения у собаки? Но именно слюноотделения собаки *как такового* Павлов и не изучал, и его опыт ни на йоту не увеличил наших знаний о собаке как таковой и насчет слюноотделения как такового. Он в собаке изучал

[2] Для эргодических систем действует закон неразрывности функции, т.е. в любой точке континуума математическое ожидание по временным рядам должно совпадать с математическим ожиданием по пространственным рядам. Таким образом, для определения параметров системы можно долго наблюдать за поведением одного ее элемента, а можно за очень короткое время рассмотреть все ее элементы (или достаточно много элементов). Если система обладает свойством эргодичности, то в обоих случаях получатся одинаковые результаты. Для эргодических систем корректно использование статистики.

не собаку, а *животное вообще*, в слюноотделении — *рефлекс вообще*, т.е. у этого животного и в этом явлении он выделил то, что есть общего у них со всеми однородными явлениями. Поэтому его выводы не только касаются всех животных, но и всей биологии: установленный факт выделения слюны у данных павловских собак на данные Павловым сигналы прямо становится общебиологическим принципом — превращения наследственного опыта в личный. Это оказалось возможным, потому что Павлов *максимально абстрагировал* изучаемое явление от специфических условий единичного явления, он гениально *увидел в единичном общность*" [2, с. 404].

Важнейшим аксиоматическим основанием подхода Вальсинера является понимание психики как открытой системы, жизнедеятельность которой осуществляется через посредство постоянного взаимодействия со средой: "Открытые системы существуют только при условии непрерывного взаимодействия и обмена со средой (контекстом их жизни) — эти две части отдельны, но в то же время, включают друг друга — что позволяет сделать предметом изучения не онтологическую природу, бытие, каждой из частей в отдельности, но динамику процесса взаимодействия, поддержание стабильного его состояния или возможные трансформации (развитие)" [18, с. 6]. Такая постановка вопроса позволяет предложить понимание *контекста жизни* субъекта, в том числе культурного, отличного от традиционного: «Контекст принадлежит феномену в качестве непосредственной границы последнего. Для живой клетки, мембрана является контекстом по отношению ко всему, что она в себе заключает. Для организма контекстом является кожа... Затем, кожа "заключена" в оболочку одежды, одетый человек — погружен в социально нормативный контекст деятельности, в которой он участвует, и так далее» [Там же, с. 7]. Ребенок, перемещающийся из дома в школу и обратно, не переходит из одного контекста в другой, но изменяет свою позицию в единстве и взаимодействии с динамичным и целостным контекстом своей жизни. "Прерывание контекста означало бы конец жизни субъекта" [18, с. 6].

КОНКРЕТНО-НАУЧНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

Научными теориями, которые Яан Вальсинер полагает важнейшими для культурной психологии в целом, во всех ее вариантах, и к аппарату которых постоянно обращается, являются прежде всего: теория Диалогического Я (DST — Хьюберт Херманс), теория социальных представлений (SRT — Серж Московичи) и культурная психология семиотической динамики (CPSD). Они связываются между собой в аппарате проводимых исследований конкретных феноменов различного уровня [16; 20; 21].

Вальсинер часто обращается к теории и методам семиотики, прежде всего к работам Ч. Пирса. Часто используется центральное для Пирса понятие *семиозис*, т.е. познание объекта субъектом через индуцируемые объектом смыслы — как процесс интерпретации субъектом проявлений объекта — его "знаков". Идея семиозиса выражает суть отношений между знаком и внешним миром — объект репрезентации существует, но он удален и непосредственно недосягаем (идея опосредованности непосредственного познания культурой). Познание объекта возможно лишь через исследование порожденных им знаков. Культурная традиция — это динамический процесс интерпретации знака, способ его функционирования. Знак служит средством передачи информации от одного субъекта к другому. Однако его значение, содержание, передаваемое от одного субъекта другому, в процессе этой передачи неизбежно трансформируется. То, что *понимает* воспринимающий сообщение, никогда полностью не исчерпывает то, что хотел *сообщить* его автор, и никогда не сводится к тому, что было автором сообщения заложено. Таким образом, в процессе передачи информации через посредство знака возникает новая информация, т.е. происходит семиозис. Интерпретация знака порождает новое значение. Таким образом, применительно к человеку, психика которого культурно (знаково) обусловлена, Вальсинер делает вывод о том, что в процессе самонаблюдения, результаты которого подвергаются интерпретации как знаки (в ходе семиозиса), субъект фактически создает, конструирует себя: "активный субъект создает самого себя через посредство семиозиса как механизма восприятия и понимания информации о самом себе" [21, с. 294]. Следовательно, интроспекция становится главным методом психологического исследования [17; 21].

Основополагающими в общепсихологической теории и методологии культурной психологии являются принципы *нормативности*, *лиминальности* и *сопротивления*. Данные три принципа заявлены как культурные по своим корням и природе, при этом универсальные, актуальные для любой культуры, и потому им придается характер общепсихологических: "...три универсальных принципа — нормативность, лиминальность, сопротивление — предлагаются в качестве оснований для общей

психологии человека — это главный вклад культурной психологии в науку" [18, с.1]; "...сочетания этих трех базовых принципов... достаточно, чтобы культурная психология стала общей психологией. Личностно-центрированной наукой о человеке в системе социальных связей" [Там же, с. 24].

Принцип нормативности. Значимость социальных норм в человеческом поведении и психике давно признана социальной психологией, однако учет этих норм, нормативности человеческого поведения и психики не стал до сих пор универсальным принципом в общей психологии. Человек, взаимодействуя с другими людьми в общей среде обитания, создает эти нормы как культурные орудия, которые опосредуют индивидуальное и коллективное бытие, переход из настоящего в ближайшее будущее. Социальные нормы должны быть рассмотрены с позиции психологии развития и в перспективе конструкционизма. Нормативность отличает психику человека от всех прочих открытых живых систем. Нормативность индивидуальной психики производна от макросоциальной нормативности, но не изоморфна последней. Нормативность проявляется как "общий процесс стремления личности к обретению смысла через установление и поддержание ограничений, накладываемых на чувства, мысли и поведение" [Там же, с. 10]. Нормы, в том числе и прежде всего моральные, существуют как "границы между тем, что должно произойти, и что не должно произойти" [Там же, с. 10].

Представляется, что принцип нормативности в такой трактовке очень верно отражает и продолжает дух и букву российской советской психологии, где социально-культурное понималось и трактовалось именно как фактор ограничений, которые накладываются на непосредственные инстинктивные реакции и поведение [7; 9]. Следует отметить, что в целом для западной психологии такое глубокое понимание диалектического, в определенном смысле парадоксального, характера культурно-исторической детерминации психического нетипично[3].

Принцип лиминальности. Открытые системы никогда не находятся в сколько-нибудь "окончательном", установившемся состоянии, но непрерывно пребывают в изменении, становлении, состоянии перехода из одного статуса в другой, между одним моментом бытия и следующим, одной ситуацией и другой. Такое понимание человека (и открытой системы в целом) делает необходимым фокусироваться на *границах*. Границы, к каким относятся, например, мембраны для живых клеток, играют роль промежуточных структур, которые соединяют разрозненные части целого. «Мы всегда находимся на границе и никак иначе — между двумя бесконечностями ("внутри–вовне" и "прошлое–будущее") — мы перемещаемся в лиминальной зоне» [18, с. 11].

Принцип лиминальности, на наш взгляд, созвучен идеям современных работ российских авторов [3; 5].

Обращение к идее *границы* позволило в русле школы динамического семиозиса осуществить целый ряд эмпирических исследований (см. подробнее [18; 19; 23]), охватывающих широкое предметное поле: от физиологических реакций кожи до восприятия различных видов искусства и хода политических процессов. В этих исследованиях был предложен ряд теоретических моделей, допускающих эмпирическую проверку. Последнее представляется очень важным, так как демонстрирует возможности развития культурной психологии в русле *психологической науки*, в то время как современные гуманитарные дискуссии нередко могут обходиться без опоры на результаты конкретных эмпирических исследований.

Принцип сопротивления. Сопротивление — общий принцип, действующий во всей природе, начиная с физических процессов столкновения тел. Один бильярдный шар ударяется о другой и приводит последний в движение, сопротивление же последнего заставляет первый откатиться назад. В мире биологических организмов, начиная с уровня вирусов, действует другой механизм сопротивления. Вирус может проникнуть в тело организма, но его движение останавливает иммунная система. Второй сценарий предполагает границы, первый — барьеры. Барьеры — это препятствия, которые может преодолеть активный агент и которые не содержат в себе специальных механизмов сопротивления. Границы являются барьерами с присущей им самим противодействующей воздействию силой и функциями. Принцип сопротивления возможен при условии понимания изучаемой системы как целеустремленной, находящейся в движении, развитии. Предполагается, что постановка новых целей системой при этом неизбежно порождает и мотивационные движения противоположной направленности. В человеческой психике сопротивление

[3] «...Культурно-историческую концепцию Выготского мог создать только человек, живший в эпоху революционных перемен, атеист, свято веривший в возможность "формирования нового человека" в рамках марксистской психологии, т.е. исповедовавший иудейско-христианскую идею мессианства в ее новой сайентистской форме» (Петренко В.Ф. Школа Леонтьева: проблемы общей психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып.4. С. 138–156. С. 141).

запускает процессы воображения, эмпирическим исследованиям которых уделяется большое внимание в русле школы динамического семиозиса. Когда два импульса движения сталкиваются на *границе*, возникает новое направление движения, которое взрывает оппозицию мотивационного состояния здесь-и-сейчас, раскрывая новые бесконечные горизонты возможного: “наша жизнь локальна[4], но мы существуем и обладаем свободой в неограниченной ничем вселенной нашей души” [18, с. 14].

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ КУЛЬТУРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В качестве “авторских” новообразований в понятийном аппарате психологии Вальсинер называет понятия “плероматизация” и “гипер-генерализация” (“гипер-обобщение”) [22]. Плерома — термин в греческой философии (“наполнение, полнота, множество”), позднее в гностицизме (“божественная полнота”, “полнота абсолютного бытия”). Проявления плероматизации Вальсинер усматривает в искусстве Ренессанса “...где под видом реалистических изображений людей на фоне изобилующих деталями пейзажей представлены знаки и смыслы” [22, с. 460]. Использование в качестве фона богатых деталями альпийских и городских пейзажей позволяет художнику показать «глубинные взаимосвязи между “близким” и “далеким” — еще не понятые психологией» [Там же].

Плероматизация представляет собой процесс аффективного обобщения семиотики фона, идущий параллельно с процессом категоризации в отношении того, что находится в фокусе картины. В противоположность категоризации (образования категорий путем абстрагирования), где обобщение носит относительно устойчивый и вербально определенный характер, плероматизация порождает текучие, основанные на интуиции и прямо невербализуемые обобщения в форме сравнений и метафор. Процесс обобщения продолжается, выходя за пределы как плероматизации, так и категоризации, и в продолжении его происходит *слияние* плероматизации и категоризации, которое называется ученым гипер-генерализацией (гиперобобщением). Гипер-генерализация является основным механизмом функционирования человеческой психики, основой отношения человека к миру.

В своих психологических работах Вальсинер часто обращается к искусству. В авторских текстах он приводит примеры воплощения психологических закономерностей и механизмов в образах искусства, а его книги изобилуют иллюстрациями, несущими изображения картин, скульптур, архитектурных объектов: “Их последовательность в объемном тексте — в книге — заключает в себе собственную историю, которая передается читателю в процессе гипер-генерализации, когда он рассматривает иллюстрации” [Там же, с. 458].

Представляется, что концепция гипер-генерализации отчасти созвучна трехкомпонентной модели сознания по А.Н. Леонтьеву [6]. Однако если в модели Леонтьева чувственная ткань изначально взаимодействует и с полем смыслов, и с полем значений, что и обеспечивает возможность формирования образа предметного мира, единого в трех означенных им планах, то по Вальсинеру, “чувственная ткань” выступает в единстве с аффективно насыщенным полем смыслов. Именно в отношении плероматизации Вальсинер говорит об исходной роли ощущений и сенсорики, а также “аффективном начале психологических явлений — от ощущений и выше” [22, с. 460]. Взаимосвязь же чувственной ткани с категориями, в понимании Вальсинера (их можно соотнести с полем “значений” по А.Н. Леонтьеву), отнесена к этапу завершающегося синтеза, гипер-генерализации. Таким образом, взаимодействие компонентов в формировании образа представляется по-иному.

Важнейшей особенностью методологии Яана Вальсинера в целом является провозглашаемое требование непрерывного обновления и развития методов, запрет на выбор метода по принципу “социальной желательности” или “общественного признания” приводит к его фиксации в уже сложившейся форме. Любая традиция жива до тех пор, пока она обновляется: “Продолжать существующие традиции в психологии невозможно иначе как постоянно обновляя их” [13, с. 109]. По этому принципу культурная психология также противопоставляется “мейнстриму”, озабоченному “правильностью” используемого метода: «...психологию можно считать “Пуританской наукой”, где основной вопрос обычно “какой метод правильно здесь использовать?”, а не “на какой вопрос должно ответить исследование и как подобрать для этого адекватный метод?”» [Там же, с. 110]. Фиксация на “правильности” метода приводит к тому, что исследовательские вопросы подбираются под метод, а не наоборот, что становится препятствием в развитии психологического знания. «Нормативная чистота “научного метода”, освобождающая его

[4] В пространстве и времени.

от богатства феноменологии реальности обеднила нашу науку»[5] [Там же, с. 111].

В дискурсе культурной психологии популярное понятие “toolbox of methods”, обозначающее определенный и ограниченный в своей определенности набор применяемых методов, используется как ярлык методологической и методической ограниченности, блокирующей развитие психологии и прогресс психологического познания. Здесь, напротив, допускается и приветствуется широкая палитра методов сбора, обработки и интерпретации эмпирических данных: “Когда метод рассматривается как инструмент, выбираемый из некоторого готового набора, это подрывает саму природу научного исследования. Каждый вопрос, который ставит исследователь на основе теоретических соображений или феноменологии предмета, требует конструирования собственного конкретного исследовательского метода” [17, с. 1].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культурная психология Яана Вальсинера — заметное явление в современном мировом дискурсе. Она воплощает актуальные тенденции мирового развития. Анализ ее истоков, причин возникновения и факторов зарождения, а также ориентиров развития поможет расширить и дополнить, а возможно, и качественно обновить наши представления о современном этапе развития мировой психологической науки в целом в контексте глобальных процессов ее изменения [4].

Культурная психология продолжает традицию культурно-исторических подходов к анализу психических явлений, характерных и для истории отечественной психологической науки, как уже было отмечено в первой части статьи. Представляется, что идея *целостного подхода* к построению психологической теории, объединяющего все уровни психологического анализа, от отдельных психических процессов до личности в ее отношениях с миром, также созвучна российской традиции. Примеры такого подхода мы находим в концепциях незаслуженно забытого М.И. Владиславлева [1], а также С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, Б.Ф. Ломова, К.К. Платонова. К сожалению, в работах современных исследователей стремление к такому методологическому синтезу находит недостаточное выражение, что дает основание А.В. Юревичу говорить о том, что сегодня “самая заветная мечта и одновременно главная методологическая проблема психологической науки — это объединение различных уровней проявления и детерминации психического” [10, с. 148].

Предметная область психологии имеет множество аспектов, а исследования различных сторон психического требуют применения разных, часто несовместимых методологических принципов и подходов. Поэтому всю историю становления нашей науки пронизывает тенденция дифференциации и разделения науки как целого на части, устремленные к самостоятельному и независимому развитию естественнонаучную и гуманитарную психологию, объяснительную и описательную, когнитивную и поведенческую, теоретическую и практическую и др. В то же время на первый взгляд парадоксально то, что вопреки логике своего развития в сторону дифференциации психология как наука сохраняет свое единство. Более того, при всей дифференцированности теоретико-методологических подходов, “империи” и парадигмы все больше взаимодействуют, соотносятся друг с другом, что стало необходимым в первую очередь в сфере психологического образования со становлением психологии как массовой профессии, для чего необходимы общие стандарты подготовки. То же можно сказать и о происходящем в сфере психологической практики преодоления так называемого схизиса, разрыва психологической практики и теории. Эти тенденции к сближению отвечают требованиям реалий жизни, вызваны и порождены этими требованиями. Можно констатировать, что наряду с тенденцией к дифференциации есть и сила, обеспечивающая интегративную тенденцию в развитии психологии.

На наш взгляд, психология остается единой потому, что сам предмет оказывается утраченным при любых попытках “урезания”, отбрасывания за рамки рассмотрения любых его аспектов. Обосновывая актуальность проблемы вертикальной интеграции, мы опираемся на представление о радикальности происходящих на рубеже XX — XXI вв. изменений в жизни человечества, масштаб которых требует пересмотра контента и аппарата, традиционно относимых к так называемой биосоциальной проблеме [7; 9]. Изменения, происходящие на современном этапе цивилизационного развития в области биологии человека, а также в социально-культурных аспектах его жизнедеятельности, носят радикальный и сущностный характер. Особенность происходящих изменений состоит в том, что в сфере биологического основной и важнейшей причиной их появления и детерминантой их протекания являются социально-культурные факторы. Успехи медицины вывели человека за рамки закона естественного отбора. Современные технологии, новые

[5] В оригинале наука как Wissenschaft.

орудия, опосредующие не только сенсомоторную сферу человека, но и его интеллектуальную деятельность, обусловливают и ускоряют биологическую эволюцию homo sapiens. В то же время происходящие изменения биологии человека, новые возникающие возможности и ограничения в этом аспекте, в числе которых можно назвать расширение категорий и рост числа людей с особыми потребностями, решающим образом воздействуют на социально-культурные изменения. Процессы биологической эволюции человека и культурно-исторического развития социума на рубеже XX–XXI вв. достигли скорости, когда они переходят на новый уровень интеграции, порождая процессы взаимодействия по типу катализа. Понимание происходящих изменений и их продуктов невозможно в рамках отдельно взятой естественнонаучной или гуманитарной психологии и требует интеграции психологических исследований "по вертикали". Примером движения в сторону подобной интеграции представляется подход Яана Вальсинера.

Культурная психология Яана Вальсинера, в контексте которой Л.С. Выготский является одним из самых цитируемых авторов, где хорошо известен субъектный подход С.Л. Рубинштейна, может представлять интерес для российских авторов, развивающих исследования в области культуры, как с целью развертывания дискуссии на ведущих мировых публикационных площадках, так и как средство рефлексии собственной научной позиции через сравнительный анализ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Владиславлев М.И.* Психология: исследования основных явлений душевной жизни: В 2 т. СПб.: Типография В. Безобразова, 1881.
2. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 291–436.
3. *Гусельцева М.С.* Психология повседневности в свете методологии латентных изменений. М.: Акрополь, 2019.
4. *Журавлев А.Л.*, *Мироненко И.А.*, *Юревич А.В.* Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 58–71.
5. *Знаков В.В.* Психология возможного: Новое направление исследований понимания. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2020.
6. *Леонтьев А.Н.* Лекции 14–18 // Лекции по общей психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М.: Academia: Смысл, 2010. С. 93–138.
7. *Мироненко И.А.* Биосоциальная проблема и становление глобальной психологии. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2019.
8. *Мироненко И.А.* О методологическом разнообразии психологического знания // Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2021. С. 28–45.
9. *Мироненко И.А.*, *Журавлев А.Л.* Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической науки: об универсальных характеристиках человека // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 6. С. 87–98.
10. *Юревич А.В.* Методология и социология психологии. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2010.
11. *Stern W.* General psychology from a personalistic standpoint. N.Y.: Macmillan,1938.
12. *Toomela A.*, *Valsiner J.* (eds). Methodological thinking in psychology: 60 years gone astray? Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2010.
13. *Valsiner J.* Cultural psychology today — personal introduction to the Ritsumeikan Symposium // Ritsumeikan Bulletin. 2004. № 3. P. 108–118.
14. *Valsiner J.* Integrating Psychology within the Globalizing World: A Requiem to the Post-Modernist Experiment with Wissenschaft // Integr. Psych.Behav. 2009. № 43. P. 1–21.
15. *Valsiner J.* A guided science: history of psychology in the mirror of its making. New Brunswick: Transaction Publishers, 2012.
16. *Valsiner J.* An invitation to cultural psychology. SAGE Publications, 2014.
17. *Valsiner J.* From Methodology to Methods in Human Psychology. Springer VS (Springer Briefs in Psychology), 2017.
18. *Valsiner J.* The Sixth Niels Bohr Lectures on Cultural Psychology. Lecture I. February 26, 2018. URL: https://www.ccp.aau.dk/digitalAssets/361/361109_valsiner-lecture-one-feb-26-2018.pdf.
19. *Valsiner J.* The Sixth Niels Bohr Lecture on Cultural Psychology. Lecture II. February 27, 2018. URL: https://www.ccp.aau.dk/digitalAssets/370/370573_valsiner-lecture-two-feb-27-2018.pdf.
20. *Valsiner J.* Culture & Psychology: 25 Constructive years // Culture and Psychology. 2019. № 25 (4). P. 429–469.
21. *Valsiner J.* General human psychology: Foundations for a Science. Springer VS, 2021.
22. *Valsiner J.* My Confession // Culture as Process. A Tribute to JaanValsiner / Eds. B. Wagoner, C. Demuth, B.A. Christensen. Springer Nature Switzerland AG, 2021. P. 457–563.
23. *Valsiner J.*, *Marsico P.*, *Chaudhary N.*, *Sato T.*, *Dazzani V.* (eds). Psychology as the science of human being: The Yokohama Manifesto. Springer. Annals of Theoretical Psychology, 2016. V. 13. DOI: 10.1007/978-3-319-21094-0

JAAN VALSINER'S CULTURAL PSYCHOLOGY. PART II. SCHOOL OF DYNAMIC SEMIOSIS[6]

I. A. Mironenko[1,*], A. L. Zhuravlev[2,]**

[1]St. Petersburg State University;
199034, St. Petersburg, Universitetskaya emb., 7–9, Russia.
[2]Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.
[*]Doctor of Psychology, Professor of the Faculty of Psychology.
E-mail: mironenko.irina1@gmail.com
[**]Academician of RAS, Professor, Scientific Supervisor of Institute of Psychology RAS.
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Received 02.06.2021

Abstract. The second part of the paper on the cultural psychology of JaanValsiner reveals the theory and methodology developed in the mainstream of this trend. The paper assesses general scientific and philosophical foundations of the approach, highlightes specific scientific theories and principles used in cultural psychology, defines new concepts introduced into the discourse. JaanValsiner positions cultural psychology as a new general psychology, realizing the principle of integrity, practicing the unity of methodology for all levels of psychological analysis, from psychic processes to the human personality in its relations with the world. The most important axiomatic basis for Valsiner's approach is that psyche is considered as an open system in constant interaction with the environment. This assumption allows to offer a different from the traditional definition of the lifecontext of the Subjeckt: not as his/her environment, but as a subsystem of the Subjekt itself, as the immediate border of the latter, where, in fact, the Subjekt interacts with the environment. The paper reveals significance of the theory and methods of semioticsin cultural psychology, first of all, the works of Charles Peirce. Valsiner makes extensive use of the concept of semiosis, central to Peirce, that is, the cognition of an object through the meanings that it generates. With regard to human whose psyche is culturally (symbolically) conditioned, Valsiner concludes that in the process of self-observation, the results of which are interpreted as signs (in the course of semiosis), the subject actually creates, constructs himself and his world. It is shown that cultural psychology continues the tradition of cultural and historical approaches to the analysis of mental phenomena that are also characteristic of the history of Russian psychological science, as has been already noted in the first part of the article, and also that the idea of the principle unity of methodology of psychological analysis for all levels and types of mental phenomena, from mental processes to personality, is consonant with the Russian psychological tradition. We find examples of this holistic approach in the works of the undeservedly forgotten M.I. Vladislavlev, S.L. Rubinstein, B.G. Ananjev, B.F. Lomov, K.K. Platonov.

Keywords: cultural psychology, J. Valsiner, methodology of psychology, open system, irreversibility of time, contextual approach, semiotics, semiosis, ideographic approach.

REFERENCES

1. *Vladislavlev M.I.* Psihologija: issledovanija osnovnyh javlenij dushevnoj zhizni. V 2 t. St. Petersburg: Tipografija V. Bezobrazova, 1881. (In Russian)
2. *Vygotskij L.S.* Istoricheskij smysl psihologicheskogo krizisa. Vygotskij L.S. Sobr. soch. V 6 t. T. 1. Moscow: Pedagogika, 1982. P. 291–436. (In Russian)
3. *Gusel'ceva M.*S. Psihologija povsednevnosti v svete metodologii latentnyh izmenenij. Moscow: Akropol', 2019. (In Russian)
4. *Zhuravlev A.L.*, *Mironenko I.A.*, *Jurevich A.V.* Psihologicheskaja nauka v global'nom mire: vyzovy i perspektivy. Psikhologicheskii zhurnal. 2018. V. 39. № 2. P. 58–71. (In Russian)
5. *Znakov V.V.* Psihologija vozmozhnogo: Novoe napravlenie issledovanij ponimanija. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2020. (In Russian)
6. *Leont'ev A.N.* Lekcii 14–18. Lekcii po obshhej psihologii. Ed. D.A. Leont'ev, E.E. Sokolova. Moscow: Academia, Smysl, 2010. P. 93–138. (In Russian)
7. *Mironenko I.A.* Biosocial'naja problema i stanovlenie global'noj psihologii. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2019. (In Russian)
8. *Mironenko I.A.* O metodologicheskom raznoobrazii psihologicheskogo znanija. Psihologicheskoe znanie: vidy, istochniki, puti postroenija. Eds. A.L. Zhuravlev,

[6] This work was supported by RFBR, grant № 20-013-00260.

A.V. Jurevich. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2021. P. 28–45. (In Russian)

9. *Mironenko I.A.*, *Zhuravlev A.L.* Biosocial’naja problema v kontekste global’noj psihologicheskoj nauki: ob universal’nyh harakteristikah cheloveka. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 6. P. 87–98. (In Russian)
10. *Jurevich A.V.* Metodologija i sociologija psihologii. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2010. (In Russian)
11. *Stern W.* General psychology from a personalistic standpoint. New York: Macmillan,1938.
12. *Toomela A.*, *Valsiner J.* (eds). Methodological thinking in psychology: 60 years gone astray? Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2010.
13. *Valsiner J.* Cultural psychology today — personal introduction to the Ritsumeikan Symposium. Ritsumeikan Bulletin. 2004. № 3. P. 108–118.
14. *Valsiner J.* Integrating Psychology within the Globalizing World: A Requiem to the Post-Modernist Experiment with Wissenschaft. Integr. Psych.Behav. 2009. № 43. P. 1–21.
15. *Valsiner J.* A guided science: history of psychology in the mirror of its making. New Brunswick: Transaction Publishers, 2012.
16. *Valsiner J.* An invitation to cultural psychology. SAGE Publications, 2014.
17. *Valsiner J.* From Methodology to Methods in Human Psychology. Springer VS (Springer Briefs in Psychology), 2017.
18. *Valsiner J.* The Sixth Niels Bohr Lectures on Cultural Psychology. Lecture I. February 26, 2018. URL: https://www.ccp.aau.dk/digitalAssets/361/361109_valsiner-lecture-one-feb-26–2018.pdf.
19. *ValsinerJ.* The Sixth Niels Bohr Lecture on Cultural Psychology. Lecture II. February 27, 2018. URL: https://www.ccp.aau.dk/digitalAssets/370/370573_valsiner-lecture-two-feb-27-2018.pdf.
20. *Valsiner J.* Culture & Psychology: 25 Constructive years. Culture and Psychology. 2019. № 25 (4). P. 429–469.
21. *Valsiner J.* General human psychology: Foundations for a Science. Springer VS, 2021.
22. *Valsiner J.* My Confession. Culture as Process. A Tribute to Jaan Valsiner. Eds. B. Wagoner, C. Demuth, B.A. Christensen. Springer Nature Switzerland AG, 2021. P. 457–563.
23. *Valsiner J.*, *Marsico P.*, *Chaudhary N.*, *Sato T.*, *Dazzani V.* (eds). Psychology as the science of human being: The Yokohama Manifesto. Springer. Annals of Theoretical Psychology. 2016. V. 13. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-21094-0.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 2, с. 51–60

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.99

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОДЕЛЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

© 2022 г. Д. Е. Николаев

Исследовательский центр "Аналитик";
620219, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 38а, Россия.
Заместитель директора.
E-mail: nde@bk.ru

Поступила 09.02.2021

Аннотация. Психологическое воздействие является неотъемлемой составляющей общественной жизни. Цель данной работы — выявление теоретико-методологических оснований существующих и возможных перспективных моделей психологического воздействия. В результате проведенного анализа выявлено, что разработанные модели психологического воздействия, как правило, описывают процесс изменения только одной из реальностей человеческого бытия (эмпирической, социокультурной или экзистенциальной), поскольку опираются преимущественно на типы регуляции активности, связанные с конкретной реальностью. Соответствующая реальность, в свою очередь, определяет тип детерминации психологического воздействия в рамках модели. В работе представлены образы человека, которые лежат в основе моделей воздействия, опирающихся на каждый из типов регуляции активности человека. Показано, что различные типы регуляции формируют целостную многомерную регуляцию активности человека в мире, демонстрируя не только возможность одновременного сосуществования, но и взаимовлияние. Указывается на необходимость учета многомерности регуляции активности человека в моделях психологического воздействия, описывающих все три реальности бытия и опирающихся на многомерный, сложный образ человека.

Ключевые слова: психологическое воздействие, регуляция активности, мотивация, детерминация, реальности человеческого бытия.

DOI: 10.31857/S020595920019412-9

Феномен психологического воздействия, с одной стороны, традиционно привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных психологов [6; 11; 20], с другой — вызывает справедливые вопросы об этичности исследований, результаты которых могут быть использованы для оказания воздействия на людей [21, с. 29–30]. Вслед за Р. Чалдини, осознавая, что в практическом плане психологическое воздействие представляет собой своего рода "двойные технологии", которые теоретически могут применяться во вред кому-либо [Там же], отметим, что задачей исследователя является не игнорирование этого феномена, а гуманизация технологий воздействия, обоснование того, почему максимально неманипулятивный, наиболее "экологичный" его вариант в подавляющем большинстве случаев является и наиболее эффективным.

Актуальность исследования явления психологического воздействия определяется тем, что оно выступает неотъемлемой и, более того, ключевой составляющей большинства сфер жизни — воспитания и педагогики, психотерапии и психологического консультирования, управленческой деятельности, пропаганды спорта и т.п. Опыт пандемии COVID-19 показал, насколько актуальна проблема такого специфического воздействия на людей, которое побуждало бы их соблюдать требования медиков по профилактике заражения в сложной эпидемиологической ситуации, в том числе и за счет определенного ограничения своих свобод. Кроме того, проблема разработки технологий эффективного противодействия манипулятивным и деструктивным влияниям вряд ли может быть удовлетворительно решена без понимания содержания самих воздействий.

Исследователями предложен целый ряд моделей психологического воздействия, разработанных в рамках различных научных парадигм и, соответственно, построенных на различных теоретических и методологических основаниях [5; 10; 20].

Неоднократно предпринимались попытки систематизировать разнообразные взгляды на понятие психологического воздействия [9; 10]. Их обобщение позволяет предложить в качестве рабочего определения следующее. Психологическое воздействие — это изменение психологических регуляторов активности человека или группы людей в результате их собственного поведения или поведения другого человека (группы лиц).

В связи с тем что психологическое воздействие предполагает изменение регуляторов активности человека, теоретические и методологические основания моделей воздействия включают в себя вполне конкретные представления о детерминантах человеческой активности. Цель данной статьи — выделить базовые теоретико-методологические основания, которые лежат в основе уже существующих моделей психологического воздействия, а также те, которые могут использоваться для создания новых моделей. Для достижения поставленной цели, во-первых, модели психологического воздействия будут классифицированы в зависимости от типа регуляторов активности, изменения которых предполагает соответствующая модель; во-вторых, модели с конкретными реальностями человеческого бытия (эмпирической, социокультурной или экзистенциальной) будут соотнесены с типами детерминации психологического воздействия (“необходимое”, “вероятное”, “невозможное”).

Для оценки парадигмальных координат различных моделей автором используется представление о типах регуляции активности человека, разработанное в рамках теории самодетерминации.

ТИПЫ РЕГУЛЯЦИИ АКТИВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Теория самодетерминации Р. Райана и Э. Деси, продолжающая развиваться уже более 40 лет, к настоящему времени превратилась в доминирующий подход в психологии мотивации (и шире — в психологии личности), в наиболее авторитетную и самую экспериментально обоснованную теорию. Р. Райан, Э. Деси и их коллеги предложили выделять пять типов регуляции активности — внешнюю, интроецированную, идентифицированную, интегративную и внутреннюю [31]. При внутренней регуляции активность осуществляется ради самой активности, соответствующие мотивы в отечественной психологии принято называть смыслообразующими [12, с. 212]. Такая активность признается исследователями наиболее продуктивной, она может сопровождаться специфическими — аутелическими — переживаниями [22]. Четыре других вида регуляции имеют кардинально иное содержание. Они описывают континуум внешней мотивации, которая может быть в разной степени принята человеком посредством интернализации. Внешняя регуляция описывает внешнюю мотивацию, зависящую исключительно от внешнего же контроля; интроецированная регуляция описывает внешнюю мотивацию, основанную на внутреннем контроле с задействованием контингенций аффектов и самооценки; регуляция через идентификацию описывает внешнюю мотивацию, которая была принята человеком как личная и важная; интегрированная регуляция описывает внешнюю мотивацию, которая полностью самоподдерживается и хорошо ассимилирована с другими идентификациями, ценностями и потребностями человека [32, с. 191–192]. Эти четыре типа регуляции предполагают отчужденность от деятельности ее смысла [13, с. 198–199], соответствующие мотивы носят характер мотивов-стимулов [12, с. 212].

Уход при рассмотрении детерминант активности человека от дихотомичной классификации “внешнее—внутреннее”, введение в рассмотрение континуума регуляции, в рамках которого *“внешнее” может становиться в различной степени “внутренним”*, *и наоборот*, существенно отличает позицию Р. Райана и Э. Деси от взглядов предшественников. Описанный подход к рассмотрению источников активности, по мнению автора, можно рассматривать как задание своеобразной координатной оси детерминант регуляции активности, на которой каждой из моделей психологического воздействия соответствует определенная “координата” в континууме “внешнее—внутреннее”.

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ С ВНЕШНЕЙ РЕГУЛЯЦИЕЙ АКТИВНОСТИ

В рамках таких моделей воздействие осуществляется за счет использования подкрепления, внешнего по отношению к психике лица — объекта воздействия. Именно положительное или отрицательное внешнее подкрепление вызывает изменение его активности. При этом человек понимает, что его поведение неавтономно; оно контролируется и управляется воздействующим. Если речь идет о воздействии, развернутом во времени, то такая регуляция превращается в систему поощрений и наказаний. Это наблюдается в сферах воспитания (например, родительские поощрения и наказания за получаемые в школе оценки), управления персоналом (премии и бонусы по результатам

работы), в общественной жизни (штрафы за отсутствие маски в транспорте и учреждениях торговли в период пандемии) и т.п.

Соответствующие модели психологического воздействия строятся на механистическом образе человека ("человек реагирующий"), активность которого целиком и полностью определяется внешними условиями [33].

Такие модели отказывают в праве на существование не только феноменам самодетерминации и саморегуляции, но и феномену интернализации как явлению, позволяющему сделать поведение независимым от внешних обстоятельств, которые изначально могли являться причинами его возникновения [32, с. 184].

Примерами моделей психологического воздействия с внешней регуляцией активности могут выступать *модели оперантного и респондентного поведения* (*научения*). Модель респондентного научения (классического обусловливания) предполагает, что определенное поведение закрепляется благодаря формированию условных рефлексов. В модели оперантного поведения детерминация носит характер так называемого "отбора по последствиям" (идея из эволюционной теории Ч. Дарвина), что вроде бы формально предполагает влияние активности человека на детерминацию его поведения. Но влияние это непрямое, опосредованное средой, т.е. человеческое поведение управляется исключительно внешними (нементальными) условиями, которые в результате предшествующей активности индивида могут претерпевать изменения. Возможность интрапсихической регуляции активности отрицается совершенно [33, с. 258–259], несмотря на введение в рассмотрение концепции персональных (личных) событий.

В психотерапии и психологическом консультировании эти модели воздействия реализуются в рамках *поведенческого направления*, ставящего своей целью изменение актуальных симптомов и наибольшее внимание уделяющего их проявлению в поведении в виде поддающихся наблюдению реакций [15].

Также допускает исключительно внешнюю регуляцию активности модель воздействия, лежащая в основе *классических подходов к материальному и нематериальному стимулированию персонала* [17]. Опираясь на образ активности человека как восхождения к заранее заданной, предустановленной цели (постулат сообразности в одном из трех его вариантов [19, с. 20–40]), эти подходы предполагают, что вызвать у сотрудника организации мотивацию к трудовой деятельности возможно с помощью мотивов-стимулов, организовав положительное подкрепление "правильного" поведения сотрудника и отрицательное подкрепление поведения "неправильного".

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ С ИНТРОЕЦИРОВАННОЙ РЕГУЛЯЦИЕЙ АКТИВНОСТИ

Интроецированная регуляция — это внутриличностная форма регуляции, при которой поведение осуществляется, чтобы избежать чувства вины, беспокойства или "подпитать" эго. Она является более устойчивой формой мотивации, чем внешняя регуляция [31, с. 72].

Под интроекцией понимается такой вид интернализации, при котором происходит лишь частичная и неполная трансформация или ассимиляция принимаемого содержания [32, с. 185]. Интроект воспринимается как требующая и контролирующая сила, чувство, что человек "должен" поступить определенным образом или ему придется столкнуться с тревогой и самоуничижением [Там же]. При этом внутренне управляемое, интроецированное поведение по-прежнему имеет внешнее воспринимаемый локус причинности [24], т.е. не воспринимается человеком как подлинно собственное.

Р. Райан и Э. Деси указывают, что интроецированная регуляция тесно связана с проекцией и частично основана на ней. Так, осуществляя регуляцию своей активности через интроекцию, человек проецирует собственное отношение к себе на других, воображая, что эти другие будут одобрять или не одобрять его как личность вследствие того или иного поведения [32, с. 186]. Именно критическая самооценка, стремление достичь одобрения и избежать порицания создают у человека чувство, что он "должен" действовать определенным образом.

В сфере воспитания воздействие на интроекты проявляется, когда, например, родители "научают" ребенка испытывать вину за проступки. Управленец действует аналогичным образом, например формируя у работника предприятия убеждение, что ему было бы стыдно снизить производительность труда ниже прошлогодних показателей. В общественной жизни интроецированная регуляция "побуждает" людей быть как все, не выделяться, "не высовываться".

Соответствующие модели психологического воздействия строятся на образе человека, дорожащего своей включенностью в социум; человека,

которому важно отношение к нему со стороны окружающих и особенно конкретных значимых других (“человек, зависимый от мнения других”). При этом человек на основании имеющегося опыта взаимодействия строит некий образ будущего, прогнозируя отношение людей к себе как результат тех или иных собственных действий. Соответствующие модели воздействия описывают, каким образом возможно создавать или корректировать такие образы будущего.

В *модели группового давления* интроецированная регуляция описана как процесс формирования одного из видов конформности — комплаенса — социального подчинения при сохранении собственных убеждений, вызванного потребностью в одобрении и страхом быть отвергнутым [28]. Примером могут выступать классические эксперименты С. Аша [23].

В *моделях манипулятивного воздействия* побуждение человека к запланированной активности, не отвечающей его реальным желаниям, описывается как скрытое воздействие с опорой на социальные автоматизмы и стереотипы [5, с. 102–103]. Как правило, именно стремление соответствовать общепринятым образцам поведения, страх “выглядеть глупо”, беспокойство о своей репутации являются теми рычагами, которые манипуляторы эффективно используют в общении для достижения своих целей.

В психотерапии и психологическом консультировании одним из направлений, в котором существенное внимание уделяется интроектам и работе с ними, является *гештальт-подход*. Ф. Перлз в числе задач терапии выделял задачу “сделать интроекты осознанными, чтобы они могли быть разрушены” [18, с. 227]. В гештальт-терапии разработан ряд техник по работе с интроектами, которые рассматриваются как чуждые личности психические образования [18].

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ С ИДЕНТИФИЦИРОВАННОЙ РЕГУЛЯЦИЕЙ АКТИВНОСТИ

Идентификация, по Р. Райану и Э. Деси, определяется сознательным одобрением человеком соответствующих ценностей, правил и образцов поведения, принятия их как своих собственных. Так, на уровне идентификаций, действуя в соответствии с установленными правилами, люди не подчиняются внешнему или интроецированному требованию, но проявляют активность, исходя из веры в важность и ценность деятельности. Как следствие, регулирование через идентификацию характеризуется большей произвольностью, чем внешнее или интроецированное регулирование [32, с. 187–188].

Соответствующие модели психологического воздействия строятся на образе, который можно назвать образом социализирующегося человека, т.е. человека, усваивающего и “присваивающего” социальные ценности и образцы поведения с помощью процесса интернализации. В этом случае человек, как и на уровне интроецированной регуляции, строит образ будущего, но этот образ фокусируется уже не на отношении к нему других людей, а на нормах и образцах поведения, которым его будущая активность должна соответствовать [32, с. 188]. В таких моделях должен описываться процесс перевода внешней мотивации во “внутренний план” личности или процесс корректировки уже имеющихся идентификаций.

В сфере воспитания такое воздействие имеет место, например, при демонстрации образцов поведения выдающихся людей, в сфере управления персоналом — при внедрении корпоративной культуры на предприятии, в общественной жизни оно проявляется в явлении моды на определенные ценности, образ мыслей, поведение.

Примером модели психологического воздействия с идентифицированной регуляцией является *модель мотивирующего воздействия*, *разработанная в рамках культурно-исторической психологии* [16], которая описывает формирование мотивов путем создания и корректировки установок различного уровня, т.е. одного из вида идентификаций (в значении этого термина, используемом в теории самодетерминации).

Также на уровне идентифицированной регуляции рассматривают влияние на активность человека *процессуальных теорий мотивации персонала*, в рамках которых особое внимание уделяется установочным явлениям, характеризующим субъективную оценку работником как трудовой деятельности в целом, так и отдельных ее характеристик — справедливости в распределении вознаграждений, вероятности достижения успеха в деятельности, соотношению ожидаемых вознаграждений с затратами и т.п. [17].

В модели группового давления описывается, каким образом формируется *конформность на уровне идентификации* [28].

В психотерапии и психологическом консультировании на рассматриваем уровне регуляции работает модель воздействия, разработанная в рамках

трансактного анализа и направленная на достижение контроля индивида над характерными для него типами поведения в ситуации общения [3]. При этом стереотипы поведения рассматриваются не как элементы характера или социальных ролей, а как своеобразные личностные проявления (эго-состояния).

Важно отметить, при идентифицированном варианте регуляции не осуществляется процесс согласования вновь интроецированной идентификации с уже имеющимся содержанием психики. Именно отношения между "новой" идентификацией и другими интернализованными ценностями и целями являются решающим моментом в переходе от идентификации к более полной интернализации [32, с. 187–188].

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ С ИНТЕГРИРОВАННОЙ РЕГУЛЯЦИЕЙ АКТИВНОСТИ

Как отмечают Р. Райан и Э. Деси, интегрированное регулирование представляет собой наиболее полный тип интернализации и является основой для самой автономной формы внешней мотивации. Достижение интеграции идентификации или интроекта является активным трансформирующим процессом и, как правило, требует задействования саморефлексии. Интегрированное регулирование влечет за собой согласование нового образования с ценностями или другими аспектами личности. Это может включать изменение и (или) приспособление других ценностей или взглядов, которых человек придерживался ранее [32, с. 188–189].

Иначе говоря, интеграция — это процесс, посредством которого люди, часто проявляя осознанность и используя рефлексию более высокого порядка, могут перенести навязанную извне активность в сферу полностью волевой деятельности. Результатом интеграции является стабильная и зрелая форма саморегуляции, которая позволяет гибко управлять своими действиями и представляет собой полностью автономную форму внешней мотивации [Там же]. При этом в отличие от внутренней регуляции человек ведет себя определенным образом не потому, что деятельность сама по себе вызывает у него интерес, а потому что рассматривает ее как средство достижения своих целей.

Исследования, проведенные в рамках теории самодетерминации, показали, что чем более полно усваивается внешняя мотивация, тем выше поведенческая настойчивость в отсутствие внешнего управления, тем выше качество исполнения и позитивнее испытываемые в ходе деятельности эмоции [Там же, с. 208]. Это связывают с тем, что большая автономия в регулировании связана с меньшим количеством внутренних конфликтов и более целостной самоотдачей, она более полно задействует когнитивные, аффективные и эмоциональные способности человека, а также энергетические ресурсы, повышающие производительность [Там же].

Поскольку ключевым элементом данного уровня регуляции является саморефлексия, воздействие такого типа на человека не может быть осуществлено без его согласия на изменения, не может оказаться вне поля его сознания. Соответствующие модели воздействия опираются на образ "человека рефлексирующего", стремящегося к разрешению внутренних конфликтов и противоречий, которые возникают между интернализованными им, но не согласованными между собой интроектами и идентификациями. Образ будущего, который строит человек, связан со стремлением стать более цельной, гармоничной личностью.

Понятно, что подобные модели воздействия должны встречаться в первую очередь в психотерапии и психологическом консультировании. Одна из них разработана в рамках *психосинтеза*, ключевой целью которого является достижение гармоничной внутренней интеграции путем обретения контроля над различными элементами личности и, более того, путем построения новой личности — органичной, внутренне согласованной и целостной [2]. Большая часть разработанных в психосинтезе техник предполагает активное использование саморефлексии [8].

В модели группового давления соответствующий тип конформности называют *конформностью-интернализацией* [28].

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ С ВНУТРЕННЕЙ РЕГУЛЯЦИЕЙ АКТИВНОСТИ

Этот вид регуляции относится к деятельности, мотивы которой заключены в ней самой. Иначе говоря, цель действия "тематически однородна" с самим действием, так что последнее осуществляется ради своего собственного содержания [13, с. 199]. Имея внутреннюю мотивацию, люди в первую очередь не озабочены отдельными результатами участия в деятельности или правильностью ее выполнения; они участвуют в конкретной деятельности, потому что находят ее интересной и приятной [29,

с. 179]. Именно спонтанные переживания интереса и удовольствия, связанные с активностью, внутренне подкрепляют ее [25, с. 21].

Модели психологического воздействия, основанные на внутренней регуляции, относятся не к видам формирующей практики, предусматривающим достижение заранее намеченного результата, а к специфическому виду практик, лишенных подобного ориентира, — фасилитирующим [14]. Соответствующий образ человека — "человек самодетерминированный". Результатом воздействия выступает негарантированное и непрогнозируемое, однако осознанно производимое изменение [там же, с. 168].

В рамках теории самодетерминации разработаны модели фасилитирующих практик *в сферах воспитания*, *здравоохранения*, *мотивации трудовой и учебной деятельности*, *спорта*, *психотерапии* [32; 34]. В качестве своеобразного универсального катализатора самодетерминации во всех этих моделях рассматривается опыт переживания человеком состояния удовлетворенности трех базовых потребностей, выделенных Р. Райаном и Э. Деси, — потребностей в автономии, компетентности и взаимосвязи с другими людьми. Именно опыт удовлетворения этих трех потребностей, врожденных и не зависящих от культурного контекста, как показывают многочисленные исследования, приводит к разворачиванию самодетерминированной активности. Депривация же базовых потребностей не только приводит к отказу от внутренней регуляции, но и существенно снижает субъективное качество жизни человека и отрицательно сказывается на его здоровье [27].

Д.А. Леонтьев, описывая фасилитирующие практики *в сфере психотерапии и психологического консультирования* (онтогогика Дж. Бьюдженталя, логотерапия В. Франкла, метаконсультирование А. Маслоу, психагогика А.А. Пузырея, жизнетворчество самого Д.А. Леонтьева и т.п.), предлагает обозначить их понятием "ноотехника", под которым подразумевается фасилитирующее воздействие на траекторию развития человека, результатом которого выступает целостное или частичное структурное изменение, переход самой системы "человек" в новое структурное качество и (или) на новую траекторию развития на основе процессов самоорганизации [14]. При этом воздействующий, психотерапевт или консультант, ставит своей целью фасилитацию или коррекцию механизмов внутренней переработки жизненного опыта в структуры мировоззрения, проявляющуюся в качественных сдвигах понимания мира и себя в мире [Там же, с. 180]. Работа фасилитатора «не может протекать по алгоритму, однако она предполагает наличие специальной методологии, которая предписывает не столько конкретные действия психолога в определенных ситуациях, сколько занимаемую им позицию. Это неклассическая, диалогическая, неманипулятивная методология, "даосистская", по выражению А. Маслоу ..., отличающаяся от психотехники в наиболее традиционном и общепринятом ее понимании» [Там же, с. 170].

МЕСТО МОДЕЛЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В МНОГОМЕРНОМ МИРЕ ЧЕЛОВЕКА

В.В. Знаков, развивая идеи Л. Бинсвангера, Р. Мэй, Э. ван Дорцен и др. о многомерности мира человека, выделяет по меньшей мере три сосуществующие реальности, характеризующие бытие человека в мире, — эмпирическую, социокультурную и экзистенциальную, и три понятия, соответствующие типам детерминации понимания в этих реальностях — "необходимое", "возможное", "невозможное" [7, с. 174–226]. Представляется, что рассмотренные нами типы регуляции сосуществуют в этих трех реальностях, формируя целостную многомерную регуляцию активности человека в мире.

Так, с *эмпирической реальностью* связана внешняя регуляция поведения. Система поощрений и наказаний, различные стимулы воспринимаются человеком как внешние условия существования, как часть его эмпирической реальности, окружающей среды, "мира вокруг". Человек может или воспринимать их как данность, или пытаться частично изменить их, обратив внимание лиц, которые на эти условия могут повлиять, на неадекватность или несправедливость последних. Изменить условия человек может также, поменяв свое местоположение в эмпирическом мире (сменив место проживания, перейдя на другую работу и т.п.). Так же и психологическое воздействие на этом уровне регуляции представляет собой изменение внешних условий, т.е. является частью эмпирической реальности человека, на которого осуществляется воздействие.

Экстраполируя идеи В.В. Знакова за пределы рассмотрения феномена понимания, можно говорить, что применительно к эмпирической реальности ключевым понятием, отражающим причинно-следственную сущность детерминации активности, является "необходимое" [7]. Действительно, соответствующие модели воздействия основаны на механистическом, причинно-следственном образе человека. В рамках такого образа реакции каждого

из нас не только принципиально предсказуемы, но и однозначны, являются необходимым результатом воздействия.

Интроецированный, идентифицированный и интегративный типы регуляции существуют в *социокультурной реальности*, поскольку представляют собой различные уровни интернализации ценностей и образцов поведения других людей. На этих уровнях регуляции, говоря словами Л.С. Выготского, каждая форма поведения возникает первоначально как интерпсихическая категория, как социальный феномен, а затем — как категория интрапсихическая [4, с. 145], даже когда существенную роль при регуляции активности играет феномен проекции. В этой связи понятно, что психологическое воздействие здесь представляет собой социальный феномен, является элементом социального взаимодействия с другими (именно с другими, а не только с воздействующим лицом).

Достижение запланированных целей психологического воздействия в этом случае становится уже не необходимым результатом воздействия, а характеризуется понятиями "вероятностное", "возможное" [7, с. 179–204]. Отказ от линейного детерминизма здесь обусловлен выходом за пределы "классической" картины мира, в первую очередь преодолением постулата непосредственности, учетом активности человека, на которого оказывается воздействие [1]. При этом степень непредсказуемости результатов воздействия, как представляется, возрастает в континууме от интроецированной до интегративной регуляции, поскольку возрастает и "вклад" активности человека в регуляцию.

Внутренняя регуляция связана с *экзистенциальной реальностью*. На этом уровне человек осуществляет определенную деятельность, потому что именно она сама по себе, а не какие-то ее результаты, наполнена для него смыслом [13, с. 198–200]. Изменение активности человека здесь напрямую связано с изменением его пережитого и переработанного опыта. Психологическое воздействие на уровне внутренней регуляции может быть лишь внутрипсихическим, оно представляет собой часть личного опыта человека.

В этой связи достижение запланированного воздействующим лицом результата психологического воздействия на уровне внутренней регуляции характеризуется понятием "невозможное" [7, с. 205–226]. Действительно, теоретически воздействующий может попытаться организовать получение человеком нового опыта и даже определенную переструктуризацию существующего, но он не может повлиять на то, как именно этот опыт будет прожит и переструктурирован. Тем более невозможно повлиять на то, какие именно решения примет человек на основании своего жизненного опыта и формирующегося на его основе мировоззрения деятельностной природы, т.е. объяснительных конструкций, самостоятельно выработанных субъектом в процессе внутренней работы по обобщению, переработке и переживанию собственного опыта [14]. Более того, Д.А. Леонтьев пишет: "Мы можем уповать на то, что наши усилия активизируют и стимулируют процессы самоорганизации, но не можем быть в этом уверены; связь между тем и другим не носит причинно-следственного характера, а скорее, может быть уподоблена обмену репликами в диалоге" [14, с. 170].

Модели психологического воздействия, как правило, связаны с какой-то одной из трех реальностей. Например, бихевиористские модели и содержательные теории мотивации персонала предлагают регулирование в рамках эмпирической реальности путем предъявления тех или иных стимулов или внедрения системы поощрений и наказаний. Модель группового давления и процессуальные теории мотивации описывают изменения социокультурной реальности человека за счет интернализации образцов поведения или ценностей других людей. Фасилитирующие практики концентрируют внимание на модификации экзистенциальной реальности путем трансформации личного опыта человека.

Следует отметить, что отдельные модели воздействия выходят за пределы одной реальности. Так, введение категории "ситуация" позволило Л. Россу и Р. Нисбетту описать психологическое воздействие не только в рамках эмпирической реальности (ситуация как среда, внешние условия), но и частично в реальности социокультурной (социальная ситуация) [30]. Однако при этом внимание исследователей в первую очередь сконцентрировано на наименее произвольных типах регуляции, возможность внутренней регуляции активности уходит на второй план. Практически целиком за рамками модели остается и экзистенциальная реальность.

Важно отметить, что сосуществование различных типов регуляции не является абстрактной, метафизической идеей. В экспериментах Э. Деси, изучавшего взаимовлияние внутренней и внешней мотивации, было показано, что в определенных ситуациях вновь вводимая внешняя регуляция деятельности разрушает внутреннюю регуляцию. Позднее было изучено, в каких условиях возможно одновременное сосуществование этих двух типов регуляции [26, с. 2–3].

Учитывая сказанное, можно полагать, что теория самодетерминации обладает эвристическим потенциалом для разработки моделей психологического воздействия. Такие модели должны опираться на представление о целостной многомерной регуляции активности человека и описывать изменения во всех трех сосуществующих реальностях, характеризующих бытие человека в мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного анализа теоретико-методологических оснований моделей психологического воздействия позволяют сделать следующие выводы.

1. Различные типы регуляции активности человека (внешняя, интроецированная, идентифицированная, интегративная и внутренняя) формируют целостную многомерную регуляцию активности человека в мире, демонстрируя возможность не только одновременного сосуществования, но и взаимовлияния.

2. Тип регуляции активности, на который опирается конкретная модель психологического воздействия, соответствует определенному образу человека (“человек реагирующий”, “человек, зависимый от мнения других”, “человек социализирующийся”, “человек рефлексирующий”, “человек самодетерминированный”), исходя из которого строится представление о “мишенях” воздействия и его средствах.

3. Существующие модели преимущественно описывают организацию изменений только в одной из реальностей человеческого бытия (эмпирической, социокультурной или экзистенциальной), поскольку опираются, как правило, на типы регуляции активности, связанные с конкретной реальностью. Соответствующая реальность определяет тип детерминации психологического воздействия, которая, соответственно, характеризуется понятиями “необходимое”, “вероятное” или “невозможное”.

4. Перспективные модели психологического воздействия, в полной мере учитывающие многомерность регуляции активности, должны описывать все три реальности бытия, используя многомерный, сложный образ человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Асмолов А.Г.* У порога неклассической релятивистской психологии // Сибирский психол. журн. 1998. Вып. 7. С. 7–16.
2. *Ассаджоли Р.* Динамическая психология и психосинтез // Психоситез: теория и практика. М.: REFL-book, 1994.
3. *Берн Э.* Трансактный анализ в психотерапии: Системная, индивидуальная и социальная психиатрия. М.: Академический проект: Гаудеамус, 2015.
4. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3: Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983.
5. *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо: Издательство МГУ, 1997.
6. *Зимбардо Ф.*, *Ляйппе М.* Социальное влияние. СПб., 2000.
7. *Знаков В.В.* Психология возможного: Новое направление исследований понимания. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020.
8. *Йоуменс Т.* Двенадцать классических упражнений // Психоситез: теория и практика. М.: REFL-book, 1994. С. 153–187.
9. *Кабаченко Т.С.* Методы психологического воздействия. М., 2000.
10. *Латынов В.В.* Понятие “психологическое воздействие” // Разработка понятий в современной психологии: В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019.
11. *Лебедев А.Н.* Психология рекламной коммуникации в изменяющемся обществе: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2004.
12. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1983.
13. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. М.: Смысл, 2003.
14. *Леонтьев Д.А.* Опыт методологического осмысления практик работы с личностью: фасилитация, ноотехника, жизнетворчество // Консультативная психология и психотерапия. 2012. № 4. С. 164–185.
15. *Мейер В.*, *Чессер Э.* Методы поведенческой терапии. СПб.: Речь, 2001.
16. *Николаев Д.Е.* Механизмы мотивообразования: культурно-исторический подход // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 71. С. 5. URL: http://psystudy.ru
17. *Николаев Д.Е.* Мультипарадигмальный анализ теорий мотивации персонала // Вопросы психологии. 2020. Т. 66. № 2. С. 29–41.
18. *Перлз Ф.* Теория гештальттерапии. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004.
19. *Петровский В.А.* Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.
20. Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Под ред. А.Л. Журавлева,

Н.Д. Павловой. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2014.

21. *Чалдини Р.* Психология согласия: Революционная методика пре-убеждения. М.: Эксмо, 2019.
22. *Чиксентмихайи М.* Поток. Психология оптимального переживания. М.: Альпина НонФикшн, 2020.
23. *Asch S.E.* Effects of group pressure on the modification and distortion of judgments // Groups, leadership and men. Pittsburgh, PA: Carnegie Press, 1951. P. 177–190.
24. *de Charms R.* Personal Causation: The Internal Affective Determinants of Behavior. N.Y.: Academic Press, 1968.
25. *Deci E.*, *Olafsen A.*, *Ryan R.* Self-Determination Theory in Work Organizations: The State of a Science // Annu. Rev. Organ. Psychol. Organ. Behav. 2017. № 4. P. 19–43.
26. *Gagné M.*, *Deci E.* The History of Self-Determination Theory in Psychology and Management // The Oxford Handbook of Work Engagement, Motivation, and Self-Determination Theory. N.Y.: Oxford University Press, 2014. P. 1–012.
27. *González M.G.*, *Niemiec C.P.*, *Williams G.C.* At the interface of work and health: A consideration of the health gradient using self-determination theory // The Oxford Handbook of Work Engagement, Motivation, and Self-Determination Theory. N.Y.: Oxford University Press, 2014. P. 363–373.
28. *Kelman H.C.* Compliance, Identification, and Internalization: Three Processes of Attitude Change // Journal of Conflict Resolution. 1958. № 2 (1). P. 51–60.
29. *Olafsen A.H.*, *Deci E.L.*, *Halvari H.* Basic psychological needs and work motivation: A longitudinal test of directionality // Motiv. Emot. 2018. № 42. P. 178–189.
30. *Ross L.*, *Nisbett R.E.* The person and the situation: Perspectives of social psychology. N.Y.: McGraw-Hill, 1991.
31. *Ryan R.*, *Deci E.* Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being // American Psychologist. 2020. V. 55. № 1. P. 68–78.
32. *Ryan R.*, *Deci E.* Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness. N.Y.: The Guilford Press, 2017.
33. *Skinner B.F.* Answers for My Critics // Beyond the Punitive Society: Operant Conditioning: Social and Poltical Aspects. San Francisco: Freeman, 1973. P. 256–266.
34. The Oxford Handbook of Work Engagement, Motivation, and Self-Determination Theory. N.Y.: Oxford University Press, 2014.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR PSYCHOLOGICAL IMPACT MODELS

D. E. Nikolaev

Research Centre "Analyst";
620219, *Ekaterinburg*, *38a Lenina prospect*, *Russia*.
Deputy Director.
E-mail: *nde@bk.ru*

Received 09.02.2021

Abstract. Psychological impact is an integral part of social life. The purpose of this work was to reveal theoretical and methodological bases of existing and possible promising models of psychological impact. The analysis revealed that the developed models of psychological impact typically describe a process of changing only one of the realities of human existence (experiential, socio-cultural or existential), as they predominantly rely on types of activity regulation associated with a particular reality. The corresponding reality, in turn, determines the type of determination of psychological effects within the model. The paper presents the images of the individual that underlie the impact models that rely on each of the types of human activity regulation. It is shown that different types of regulation form an integral multidimensional regulation of human activity in the world, demonstrating not only the possibility of simultaneous coexistence, but also mutual influence. The necessity of taking into account the multidimensional regulation of human activity in models of psychological impact, describing all three realities of being, using the multidimensional, complex image of the man, has been pointed out.

Keywords: psychological impact, regulation of activity, motivation, determination, reality of human existence.

REFERENCES

1. *Asmolov A.G.* U poroga neklassicheskoj reljativistskoj psihologii. Sibirskij psihol. zhurn. 1998. Vyp. 7. P. 7–16. (In Russian)
2. *Assadzholi R.* Dinamicheskaja psihologija i psihosintez. Psihositez: teorija i praktika. Moscow: REFL-book, 1994. (In Russian)
3. *Bern Je.* Transaktnyj analiz v psihoterapii: Sistemnaja, individual'naja i social'naja psihiatrija. Moscow: Akademicheskij proekt: Gaudeamus, 2015. (In Russian)
4. *Vygotskij L.S.* Sobranie sochinenij: V 6 t. V. 3: Problemy razvitija psihiki. Moscow: Pedagogika, 1983. (In Russian)
5. *Docenko E.L.* Psihologija manipuljacii: fenomeny, mehanizmy i zashhita. Moscow: CheRo: Izdatel'stvo MGU, 1997. (In Russian)
6. *Zimbardo F., Ljajppe M.* Social'noe vlijanie. St. Petersburg, 2000. (In Russian)
7. *Znakov V.V.* Psihologija vozmozhnogo: Novoe napravlenie issledovanij ponimanija. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2020. (In Russian)
8. *Joumens T.* Dvenadcat' klassicheskih uprazhnenij. Psihositez: teorija i praktika. Moscow: REFL-book, 1994. P. 153–187. (In Russian)
9. *Kabachenko T.S.* Metody psihologicheskogo vozdejstvija. Moscow, 2000. (In Russian)
10. *Latynov V.V.* Ponjatie "psihologicheskoe vozdejstvie". Razrabotka ponjatij v sovremennoj psihologii: V 2 t. V. 2. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2019. (In Russian)
11. *Lebedev A.N.* Psihologija reklamnoj kommunikacii v izmenjajushhemsja obshhestve: Dis. ... d-ra psihol. nauk. Moscow, 2004. (In Russian)
12. *Leont'ev A.N.* Izbrannye psihologicheskie proizvedenija: V 2 t. V. 2. Moscow: Pedagogika, 1983. (In Russian)
13. *Leont'ev D.A.* Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti. 2-e izd., ispr. Moscow: Smysl, 2003. (In Russian)
14. *Leont'ev D.A.* Opyt metodologicheskogo osmyslenija praktik raboty s lichnost'ju: fasilitacija, nootehnika, zhiznetvorchestvo. Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija. 2012. № 4. P. 164–185. (In Russian)
15. *Mejer V., Chesser Je.* Metody povedencheskoj terapii. St. Petersburg: Rech', 2001. (In Russian)
16. *Nikolaev D.E.* Mehanizmy motivoobrazovanija: kul'turno-istoricheskij podhod. Psihologicheskie issledovanija. 2020. V. 13. № 71. P. 5. URL: http://psystudy.ru (In Russian)
17. *Nikolaev D.E.* Mul'tiparadigmal'nyj analiz teorij motivacii personala. Voprosy psihologii. 2020. V. 66. № 2. P. 29–41. (In Russian)
18. *Perlz F.* Teorija geshtal'tterapii. Moscow: Institut Obshhegumanitarnyh Issledovanij, 2004. (In Russian)
19. *Petrovskij V.*A. Chelovek nad situaciej. Moscow: Smysl, 2010. (In Russian)
20. Psihologicheskoe vozdejstvie v mezhlichnostnoj i massovoj kommunikacii. Eds. A.L. Zhuravlev, N.D. Pavlova. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2014. (In Russian)
21. *Chaldini R.* Psihologija soglasija: Revoljucionnaja metodika pre-ubezhdenija. Moscow: Jeksmo, 2019. (In Russian)
22. *Chiksentmihaji M.* Potok. Psihologija optimal'nogo perezhivanija. Moscow: Al'pina NonFikshn, 2020. (In Russian)
23. *Asch S.E.* Effects of group pressure on the modification and distortion of judgments. Groups, leadership and men. Pittsburgh, PA: Carnegie Press, 1951. P. 177–190.
24. *de Charms R.* Personal Causation: The Internal Affective Determinants of Behavior. N.Y.: Academic Press, 1968.
25. *Deci E., Olafsen A., Ryan R.* Self-Determination Theory in Work Organizations: The State of a Science. Annu. Rev. Organ. Psychol. Organ. Behav. 2017. № 4. P. 19–43.
26. *Gagné M., Deci E.* The History of Self-Determination Theory in Psychology and Management. The Oxford Handbook of Work Engagement, Motivation, and Self-Determination Theory. N.Y.: Oxford University Press, 2014. P. 1–012.
27. *González M.G., Niemiec C.P., Williams G.C.* At the interface of work and health: A consideration of the health gradient using self-determination theory. The Oxford Handbook of Work Engagement, Motivation, and Self-Determination Theory. N.Y.: Oxford University Press, 2014. P. 363–373.
28. *Kelman H.C.* Compliance, Identification, and Internalization: Three Processes of Attitude Change. Journal of Conflict Resolution. 1958. № 2 (1). P. 51–60.
29. *Olafsen A.H., Deci E.L., Halvari H.* Basic psychological needs and work motivation: A longitudinal test of directionality. Motiv. Emot. 2018. № 42. P. 178–189.
30. *Ross L., Nisbett R.E.* The person and the situation: Perspectives of social psychology. N.Y.: McGraw-Hill, 1991.
31. *Ryan R., Deci E.* Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being. American Psychologist. 2020. V. 55. № 1. P. 68–78.
32. *Ryan R., Deci E.* Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness. N.Y.: The Guilford Press, 2017.
33. *Skinner B.F.* Answers for My Critics. Beyond the Punitive Society: Operant Conditioning: Social and Poltical Aspects. San Francisco: Freeman, 1973. P. 256–266.
34. The Oxford Handbook of Work Engagement, Motivation, and Self-Determination Theory. N.Y.: Oxford University Press, 2014.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 2, с. 61–71

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9.072.432

ЛИЧНОСТНАЯ АУТЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС ПРЕОДОЛЕНИЯ СИНДРОМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ[1]

© 2022 г. К. А. Бочавер*, С. И. Резниченко**

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики";
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Россия.
**Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник.*
E-mail: konstantin.bochaver@gmail.com
***Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник.*
E-mail: reznichenko.sofya@yandex.ru

Поступила 07.05.2021

Аннотация. Настоящее исследование посвящено поиску и анализу связей личностной аутентичности и профессионального выгорания в структуре психологического благополучия представителей разных профессий: врачей, военнослужащих и спортивных тренеров. Исследование проведено при помощи двух диагностических методик: Опросника выгорания К. Маслач и Шкалы аутентичности А. Вуда. Выборку составили 502 человека: 206 врачей, 123 тренера и 173 военнослужащих. Результаты показали наличие достоверной корреляционной композиции, в которой аутентичность (субшкала Аутентичная жизнь) достоверно и отрицательно связана с компонентами синдрома выгорания (Эмоциональное истощение, Деперсонализация, Редукция достижений), а "оборотная сторона" аутентичности — Самоотчуждение и Принятие внешнего влияния — связаны с выгоранием положительно. Регрессионный анализ показал, что во всех трех группах аутентичность действительно выступает негативным (анти-) предиктором выгорания, но по-разному. Наиболее сильное влияние выявлено в группе врачей, у которых наибольший вклад в переживание выгорания вносит Самоотчуждение. В группе тренеров в проявления профессионального выгорания вносит отрицательный вклад только Аутентичная жизнь. В группе военнослужащих были обнаружены сходные паттерны, однако детерминация связей у них оказалась более высокой, чем у тренеров, но все же ниже, чем у медиков. Таким образом, аутентичность можно обоснованно считать психологическим ресурсом в преодолении профессионального выгорания.

Ключевые слова: аутентичность, благополучие, синдром выгорания, психологический ресурс, медицинские работники, спортивные тренеры, военнослужащие.

DOI: 10.31857/S020595920019413-0

Исследование посвящено анализу связей личностной аутентичности специалиста и синдрома эмоционального выгорания (СЭВ). Проблема исследования обусловлена малоизученной возможностью отнесения аутентичности к психологическим ресурсам, помогающим преодолеть СЭВ, снижающему продуктивность и субъективное благополучие представителей различных профессий.

Выгорание — это особое состояние физического, эмоционального или умственного истощения, которое сопровождается снижением мотивации, работоспособности и негативным отношением к себе и другим [30]. Начиная с работ Г. Фрейденбергера [14], СЭВ чаще всего атрибутировался представителям помогающих и социальных профессий, однако в последнее время употребление этого термина расширилось: исследуется специфическое выгорание спортсменов [18], школьников [23], материнское выгорание [24] и др. В дефинициях фигурирует несколько важных акцентов: согласно Г. Фрейденбергеру, СЭВ — это изнеможение и ощущение своей бесполезности у здоровых людей; согласно К. Маслач, это реакция на продолжительные рабочие стрессы [20]. В отечественной науке СЭВ характеризуется дефицитом ресурсов совладания [3]. Опросы показали, что СЭВ имеет коморбидные проявления (суициды, депрессивные состояния) [17]. К числу причин возникновения выгорания относят разнообразные особенности рабочего взаимодействия: завышенные требования к работнику, ограничения самостоятельности,

[1] Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект 20-18-00262).

несоответствие вознаграждения ожиданиям, отсутствие поддержки и признания заслуг, дискриминация, конфликт между морально-этическими принципами человека и тем, что от него требуется [2]. Это обусловило актуальность поиска ресурсов профилактики и превенции СЭВ в разных профессиях.

С опорой на динамику выгорания К. Маслач (фанатичная преданность делу, затем фазы фрустрации, астении, апатии и истощения) некоторые исследователи перевели фокус с клинических подходов на принципы позитивной психологии в поисках ресурсов, которые позволят специалисту противостоять СЭВ [1; 2]. К числу таких ресурсов относятся некоторые личностные особенности, ряд выученных навыков, социально-экономические возможности и поддержка, инвестиции в саморазвитие [19].

Однако выгорание — это не только форма хронического профессионального стресса, но и экзистенциальный кризис, внутренний конфликт, ощущение своей бесполезности и бессмысленности своего труда. Обесценивание труда и обезличивание других, емко описанное В.Ф. Войно-Ясенецким: «Для хирурга не должно быть “случаев”, а только живой, страдающий человек» [5, с. 137], — наводит на мысль, что ресурс противостояния СЭВ может быть найден в глубинных психологических феноменах, таких как смысл жизни, моральные мотивы, идентичность и поиск миссии в ежедневном труде. В исследовании Н.Е. Водопьяновой рассматривался в этом контексте личностный смысл [3], в работах М. Чиксентмихайи устойчивыми к СЭВ выступают аутотелические личности, способные входить в состояние потока, несмотря на монотонию труда [27], в ряде работ религиозность рассматривается в похожем ключе [6; 7], известны также подходы к СЭВ как экзистенциальному кризису [9].

При этом практически не изучен в контексте выгорания сравнительно новый для психологии феномен личностной аутентичности. В современном развитии феномена самости, предложенного К.Г. Юнгом, аутентичность понимается как целостность личности, способ поведения, реализуемый в соответствии с глубинными личностными ценностями и свободный от противоречий [10; 11; 13]. Феномен аутентичности представляется возможным предиктором благополучного преодоления компонентов СЭВ, которые требуют специфических “антидотов”. Эмоциональная истощенность, деперсонализация, редукция профессиональных достижений объединены самоотчуждением и отсутствием понимания специалистом своих возможностей, потребностей и ценностей. Если СЭВ — это экзистенциальный кризис, то аутентичность как свобода от внутренних конфликтов может быть его противовесом в структуре психического здоровья и психологического благополучия субъекта, и косвенно эту гипотезу подтверждает ряд исследований. А. Престоном аутентичность рассматривалась как переменная-модератор, повышающая благополучие при влиянии психопатических черт на интенсивность СЭВ [25]. В работах Р. ван ден Боша аутентичность выступает как предиктор субъективного благополучия, в которое включены параметры отсутствия скуки и СЭВ [29]. В исследовании В. Райана показано положительное влияние аутентичности в диаде спортсмен–тренер, где высокая аутентичность тренера выступает ресурсом снижения выгорания спортсмена [26]. А. Грэнди показано, что снижению СЭВ у работников способствует климат аутентичности как свободное выражение эмоций по сравнению с культурно-обусловленной эмоциональной сдержанностью [15].

Таким образом, связь аутентичности и выгорания обоснована, хотя и нуждается в уточнении и эмпирическом моделировании [12]. Кроме того, не изучена связь культурной принадлежности специалиста с местом аутентичности в его системе психологических ресурсов. Согласно измерениям культур Г. Хофстеде, страны, в которых проводились рассмотренные нами исследования, характеризуются ярко выраженным индивидуализмом, в то время как зрелые специалисты в России скорее выступают носителями коллективистских убеждений и ценностей [22]. Это может быть важным обстоятельством при объяснении характера связей аутентичности и СЭВ у россиян, поскольку аутентичность сосредоточена на естественности и подлинности проявлений персональных переживаний, потребностей и верности внутренним сугубо индивидуальным принципам и установкам.

Гипотеза исследования: аутентичность выступает антипредиктором профессионального выгорания. *Цель*: определить тип и направленность связи аутентичности и профессионального выгорания в структуре психологического благополучия представителей разных профессий.

МЕТОДИКА

Участники и процедура. В исследовании приняли участие 502 представителя трех профессиональных групп:

1) медики (n = 206; 69.9% женщин; $R_{возр}$ = 24–73 года; $M_{возр}$ = 48.40, $SD_{возр}$ = 10.97; трудовой стаж по профессии: $M_{стаж}$ = 24.55 года; $SD_{стаж}$ = 11.10 года), из них 38.4% врачи терапевтического профиля, 30.5% невропатологи; 9.8% хирурги и травматологи; 21.3% врачи иных специальностей;

2) спортивные тренеры (n = 123; 37.7% женщин; $R_{возр}$ = 24–70 года; $M_{возр}$ = 36.61; $SD_{возр}$ = 9.41; трудовой стаж: $M_{стаж}$ = 12.23 года; $SD_{стаж}$ = 10.13 года), из них 51.2% хоккейные тренеры; 32.8% тренеры по социальным и акробатическим танцам; 16% тренеры других направлений;

3) военнослужащие (n = 173; 100% мужчин; $R_{возр}$ = 26–55 лет). Участники группы военнослужащих не сообщали данные о своем возрасте и трудовом стаже из соображений безопасности.

Участие в исследовании было добровольным и неоплачиваемым; процедура тестирования проводилась в бумажно-бланковом формате и занимала до 10 мин. Разброс возраста, стажа и половое распределение респондентов выборки экологичны и соответствуют характеристикам рассматриваемых профессий. Отчасти это можно рассматривать как ограничение исследования; в то же время действительно подавляющее число врачей имеет стаж больший, нежели военнослужащие, последние — мужчины, а тренеры занимают промежуточную позицию по балансу половозрастной наполненности группы.

Методики. Помимо персональной анкеты (возраст, стаж, пол, специальность и город проживания) использовались два стандартизированных опросника.

1. *Опросник выгорания К. Маслач* в адаптации Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой [4]. Опросник включает 22 пункта, составляющих три субшкалы: *Эмоциональное истощение*, *Деперсонализацию* и *Редукцию профессионализма*. Также на основе данных дополнительно рассчитывался *Индекс выгорания* [8].

2. *Шкала аутентичности А. Вуда* и др. в адаптации С.К. Нартовой-Бочавер и др. [21], измеряющие субшкалы: *Аутентичную жизнь*, *Принятие внешнего влияния* и *Самоотчуждение*.

Показатели надежности для всех субшкал в трех группах были удовлетворительными (табл. 1).

Основываясь на концептуализации А. Вуда [21], мы предполагали, что *Аутентичная жизнь* и *Самоотчуждение*, являясь положительным и отрицательным отражением личностной аутентичности, связаны с экзистенциальным смыслом понятия, наличием или отсутствием внутреннего конфликта. В то же время *Принятие внешнего влияния* едва ли покажет значимые связи с выгоранием, поскольку люди, добровольно выбравшие развитие в профессиональной траектории врача, военнослужащего или спортивного тренера, не связывают с подверженностью влияниям других какие-либо кризисные переживания, ведь каждая из этих профессий подразумевает четкую иерархию и структуру личностного развития. Таким образом, мы предполагаем значимый вклад в развитие выгорания лишь со стороны двух компонентов аутентичности.

Гипотезы.

H_1. Выраженность показателей выгорания модерируется типом профессии: медики имеют более высокие показатели по шкалам *Эмоционального истощения*, *Деперсонализации*, *Редукции профессионализма* по сравнению со спортивными тренерами и военнослужащими.

$H_{2а}$. У представителей всех исследуемых профессий *Аутентичная жизнь* является антипредиктором выгорания, а *Самоотчуждение* — наоборот, предиктором; *Принятие внешнего влияния* значимого вклада в синдром выгорания не оказывает.

$H_{2б}$. Комбинации предикторов и их предсказательная сила у представителей разных профессий отличаются.

Статистические критерии. Для заполнения пропущенных единичных значений (87, или 0.79%)

Таблица 1. Показатели надежности ω Макдональда переменных в трех группах

Переменные	Медики (n = 206)	Спортивные тренеры (n = 123)	Военнослужащие (n = 173)
Шкала аутентичности			
Аутентичная жизнь	0.772	0.756	0.757
Принятие внешнего влияния	0.768	0.764	0.788
Самоотчуждение	0.818	0.830	0.825
Опросник выгорания К. Маслач			
Эмоциональное истощение	0.822	0.747	0.870
Деперсонализация	0.772	0.726	0.795
Редукция профессионализма	0.825	0.770	0.802
Индекс выгорания	0.813	0.750	0.832

переменных применялся FIML-метод. Показатели эксцесса и асимметрии данных по каждой переменной находились в диапазоне от –0.42 до 0.61, подтверждая условно нормальное распределение.

Оценка вклада влияния типа профессии и пола в показатели профессионального выгорания осуществлялась с помощью одномерной общей линейной модели.

Сравнение средних значений параметров аутентичности и профессионального выгорания у представителей трех групп профессий осуществлялось посредством ANOVA, а для уточнения межгрупповых различий использовался post hoc тест Геймса—Хоуэлла. Различия межгрупповых средних и стандартных отклонений по переменным дополнительно проверялись на основе бутстрепа (1000 симуляций).

Корреляционный анализ проводился с помощью коэффициента Пирсона. При построении регрессионных моделей мы использовали пошаговый анализ регрессий методом OLS, во всех моделях распределения регрессионных остатков соответствовали нормальному. Показатели инфляции дисперсии (VIF) переменных составили < 1.3 при допустимом значении VIF < 10, таким образом, допущение о мультиколлинеарности предикторов было отклонено. Для оценки размера эффекта, вносимого каждым предиктором, рассчитывался показатель f^2-эффекта Коэна (f^2 более 0.02; 0.15 и 0.35 отражает малый, средний и большой эффект соответственно).

Статистический анализ проводился в среде *R*.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Профессиональное выгорание и аутентичность в зависимости от типа профессии. Оценка влияния типа профессии, пола, возраста и трудового стажа на показатели профессионального выгорания проходила в две итерации. На первом этапе были построены общие линейные модели на агрегированных данных медиков, спортивных тренеров и военных, в которых показатели выгорания были зависимыми переменными, а тип профессии и пол — факторизующими. Из табл. 2 видно, что вариативность показателей *Эмоционального истощения*, *Деперсонализации* и общего *индекса выгорания* задается только типом профессии, но не полом. Отметим также, что ни тип профессии, ни пол, ни их совокупное влияние не вносят значимого эффекта в вариативность показателей *Редукции профессионализма*.

На втором этапе были построены модели с типом профессии и полом в качестве факторизующих переменных и с учетом возраста и стажа работы в качестве ковариат; показатели выгорания были зависимыми переменными. В связи с отсутствием данных о возрасте и стаже работы группа военных была исключена из анализа. Значимый вклад в вариативность показателей *Эмоционального истощения*, *Деперсонализации* и общего *индекса выгорания* у спортивных тренеров и медиков вносит только тип профессии; а пол, возраст и трудовой стаж значимо на них не влияют (табл. 3). Вариативность показателей по шкале *Редукции профессионализма* не может быть объяснена ни одним из факторов.

Показатели аутентичности и профессионального выгорания сильно варьируются в зависимости от типа профессии: межгрупповые различия получены по всем переменным, кроме *Редукции профессионализма* (табл. 4). Так, военнослужащие имеют более низкие показатели по всем параметрам профессионального выгорания, а также по *Принятию внешнего влияния* и *Самоотчуждению*, чем представители двух других групп профессий. При этом значения по шкале *Аутентичной жизни* у них, наоборот, значимо выше.

Средние значения по переменным аутентичности у спортивных тренеров и медиков значимо не различаются, в отличие от показателей

Таблица 2. Влияние типа профессии и пола на профессиональное выгорание у представителей трех типов профессий (N = 502)

Факторизующие переменные	Зависимые переменные							
	Эмоциональное истощение $F(4,502) = 19.45$, $p > 0.001$, $R^2_{adj} = 0.128$		Деперсонализация $F(4,502) = 28.87$, $p > 0.001$, $R^2_{adj} = 0.182$		Редукции профессионализма $F(4,502) = 2.02$, $p = 0.091$, $R^2_{adj} = 0.008$		Индекс выгорания $F(4,502) = 34.05$, $p > 0.001$, $R^2_{adj} = 0.209$	
	F	p	F	p	F	p	F	p
Свободный член	5102,45	>0.001	2336,09	>0,001	3239,20	>0.001	14629,85	>0.001
Пол	0.39	0.533	0.83	0.360	3.67	0.060	0.732	0.393
Тип профессии	20.08	>0.001	39.34	>0.001	0.70	0.490	36.66	>0.001
Пол*тип профессии	0.37	0.542	0.14	0.712	1.64	0.201	0.01	0.925

Таблица 3. Влияние типа профессии, пола, возраста и стажа на профессиональное выгорание у медиков и спортивных тренеров ($N = 329$)

Факторизующие переменные	Зависимые переменные							
	Эмоциональное истощение $F(5,329) = 3.19$, $p = 0.008$, $R^2_{adj} = 0.033$		Деперсонализация $F(5,329) = 3.32$, $p = 0.006$, $R^2_{adj} = 0.035$		Редукции профессионализма $F(5,329) = 1.42$, $p = 0.216$, $R^2_{adj} = 0.007$		Индекс выгорания $F(5,329) = 5.12$, $p > 0.001$, $R^2_{adj} = 0.060$	
	F	p	F	p	F	p	F	p
Свободный член	149,93	>0.001	2336,09	>0.001	56,12	>0.001	427,19	>0.001
Трудовой стаж	0.36	0.548	0.01	0.928	1.12	0.290	0.77	0.380
Возраст	1.58	0.209	0.01	0.958	1.92	0.167	2.39	0.123
Пол	0.26	0.611	0.48	0.490	3.18	0.075	0.58	0.446
Тип профессии	11.16	0.001	13.26	>0.001	0.21	0.645	17.49	>0.001
Трудовой стаж* Возраст* Пол*тип профессии	0.65	0.420	0.08	0.775	0.62	0.434	0.11	0.739

Таблица 4. Средние значения параметров аутентичности и профессионального выгорания у медиков, спортивных тренеров и военнослужащих (дисперсионный анализ)

Переменные	Медики (М)	Спортивные тренеры (Т)	Военнослужащие (В)	F-статистика(df), p-value	Post hoc статистики, p-value
	$M(SD)$ [95% ДИ$_{bs}$]	$M(SD)$ [95% ДИ$_{bs}$]	$M(SD)$ [95% ДИ$_{bs}$]		
Аутентичная жизнь	13.95(4.11) [13.38(3.80)–14.45(4.41)]	14.82(3.67) [14.15(3.22)–15.51(4.08)]	17.29(3.84) [16.71(3.36)–17.87(4.27)]	$F(497,2) = 35.50$, $p < 0.001$	В > М, $p < 0.001$ В > Т, $p < 0.001$
Принятие внешнего влияния	13.12(5.03) [12.1(4.59)–13.81(5.38)]	13.15(4.95) [12.33(4.40)–14.00(5.45)]	9.69(4.73) [9.01(4.25)–10.41(5.17)]	$F(497,2) = 27.73$, $p < 0.001$	М > В, $p < 0.001$ Т > В, $p < 0.001$
Самоотчуждение	9.97(4.97) [9.28(4.53)–10.65(5.37)]	10.57(4.98) [9.74(4.27)–11.52(5.62)]	7.78(4.71) [7.09(4.05)–8.51(5.31)]	$F(497,2) = 14.45$, $p < 0.001$	Т > В, $p < 0.001$ М > В, $p = 0.001$
Эмоциональное истощение	31.23(8.84) [30.04(7.88)–32.41(9.72)]	27.99(6.06) [26.89(5.29)–29.07(6.77)]	24.04(8.01) [22.93(6.95)–25.31(8.99)]	$F(497,2) = 38.39$, $p < 0.001$	М > Т, $p < 0.001$ М > В, $p < 0.001$ Т > В, $p < 0.001$
Деперсонализация	15.63(5.40) [14.89(4.83)–16.23(5.88)]	12.83(5.30) [11.96(4.46)–13.76(5.68)]	9.61(5.58) [8.77(4.56)–10.48(6.51)]	$F(497,2) = 58.35$, $p < 0.001$	М > Т, $p < 0.001$ М > В, $p < 0.001$ Т > В, $p < 0.001$
Редукция профессионализма	42.25(6.95) [41.33(6.12)–43.25(7.78)]	42.35(7.76) [40.89(5.99)–43.63(9.61)]	41.08(9.07) [39.70(7.82)–42.49(10.20)]	$F(497,2) = 1.31$, $p = 0.271$	–
Уровень выгорания	0.47(0.13) [0.44(0.11)–0.48(0.14)]	0.40(0.11) [0.38(0.09)–0.42(0.12)]	0.35(0.13) [0.31(0.11)–0.35(0.16)]	$F(497,2) = 42.10$, $p < 0.001$	М > Т, $p < 0.001$ М > В, $p < 0.001$ Т > В, $p < 0.001$

Примечание. В квадратных скобках указаны средние и стандартные отклонения с доверительным интервалом в 95% для выборочных данных, полученных бутстрепированием случайной выборки в 1000 наблюдений. Post hoc попарные сравнения выполнены посредством статистик Геймса—Хоуэлла.

профессионального выгорания, которые более выражены у последних.

Таким образом, гипотеза H_1 о том, что выраженность выгорания модерируется типом профессии, доказана в отношении медиков и спортивных тренеров.

Взаимосвязи аутентичности и профессионального выгорания у представителей разных профессий. Результаты корреляционного анализа, проведенного на общей выборке ($N = 502$), подтвердили наличие умеренных взаимосвязей между параметрами аутентичности и профессионального выгорания. Наиболее сильные отрицательные корреляции были обнаружены между *Аутентичной жизнью* и общим *индексом выгорания* ($r = –0.403$), а также *Деперсонализацией* ($r = –0.385$), а положительные связи — между *Самоотчуждением* и общим

Индексом выгорания ($r = -0.381$)/*Эмоциональным истощением* ($r = -0.369$).

Далее был проведен регрессионный анализ данных трех профессиональных групп, в котором в качестве независимых переменных выступили субшкалы аутентичности, а зависимых — профессионального выгорания.

У представителей *медицинских профессий* наибольший вклад в переживание выгорания вносит *Самоотчуждение* (табл. 5). Оно объясняет 19.3% дисперсии общего *индекса выгорания* ($\beta = 0.45$), 17.4% *Эмоционального истощения* ($\beta = 0.42$) и 11.6% *Деперсонализации* ($\beta = 0.35$). *Редукция профессионализма* на 16% объясняется комбинацией *Самоотчуждения* ($\beta = 0.28$) и *Аутентичной жизни* ($\beta = -0.19$). Самоотчуждение ожидаемо вносит позитивный вклад в усиление профессионального выгорания во всех четырех регрессионных моделях, а *Аутентичная жизнь* — отрицательный. Полученные коэффициенты детерминации модели высоки, учитывая наличие всего 1–2 предикторов в моделях. Это свидетельствует о важной роли *Самоотчуждения* как предиктора выгорания: чем более выражено отсутствие контакта с самими собой у врачей, тем больше вероятность, что они будут испытывать симптомы профессионального выгорания. При этом *Принятие внешнего влияния* не вносит значимого вклада ни в один из параметров выгорания.

В группе *спортивных тренеров* были получены принципиально иные связи, чем у медиков (табл. 6). В проявления выгорания вносила отрицательный вклад только *Аутентичная жизнь*, объясняя лишь 3.4–5.1% переменных выгорания. Как и в группе медиков, *Принятие внешнего влияния* у тренеров значимо не влияло на выраженность выгорания.

В группе *военнослужащих* детерминация связей оказалась выше, чем у тренеров, но ниже, чем у медиков (табл. 7). *Аутентичная жизнь* вносит отрицательный вклад во все параметры выгорания и объясняет 12.5% дисперсии *Индекса выгорания* ($\beta = -0.36$), 11.7% *Деперсонализации* ($\beta = -0.35$) и 7.6% *Редукции профессионализма* ($\beta = -0.29$). Выраженность *Эмоционального истощения* на 10.4% объясняется отрицательным вкладом Аутентичной жизни ($\beta = -0.19$) и положительным — *Самоотчуждения* ($\beta = 0.19$).

Итак, гипотеза H_{2a} находит подтверждение: у представителей всех трех профессий *Аутентичная жизнь* является антипредиктором профессионального выгорания, в то время как *Самоотчуждение* — предиктором, но только у медиков и военных. *Принятие внешнего влияния* не оказывает

Таблица 5. Вклад аутентичности в профессиональное выгорание у медиков

Модель	Качество модели	Регрессионный путь	β	*B*	SE_B	*t*	*p*	f^2
1	$F(1,204) = 50.02$, $p < 0.001$, $R^2_{adj} = 0.193$	СО → Индекс выгорания	0.45	0.01	0.00	7.07	<0.001	0.25, средний
2	$F(1,204) = 44.23$, $p < 0.001$, $R^2_{adj} = 0.174$	СО → Эмоциональное истощение	0.42	0.75	0.11	6.65	<0.001	0.21, средний
3	$F(1,204) = 27.89$, $p < 0.001$, $R^2_{adj} = 0.116$	СО → Деперсонализация	0.35	0.38	0.07	5.28	<0.001	0.15, средний
4	$F(2,203) = 20.59$, $p < 0.001$, $R^2_{adj} = 0.160$	СО → Редукция профессионализма	0.28	0.38	0.11	3.63	<0.001	0.09, малый
		АЖ → Редукция профессионализма	–0.19	–0.33	0.13	–2.55	0.012	0.04, малый

Примечание. R^2_{adj} — скорректированный коэффициент детерминации; β — стандартизованный коэффициент регрессии; *B* — нестандартизированный коэффициент регрессии; SE_B — стандартная ошибка *B*; f^2 — размер эффекта Коэна; АЖ — Аутентичная жизнь; СО — Самоотчуждение.

Таблица 6. Вклад аутентичности в профессиональное выгорание у спортивных тренеров

Модель	Качество модели	Регрессионный путь	β	*B*	SE_B	*t*	*p*	f^2
1	$F(1,122) = 7.48$, $p = 0.007$, $R^2_{adj} = 0.051$	АЖ → Индекс выгорания	–0.24	–0.01	0.00	–2.74	0.007	0.06, малый
2	$F(1,122) = 5.17$, $p = 0.025$, $R^2_{adj} = 0.034$	АЖ → Эмоциональное истощение	–0.20	–0.34	0.15	–2.27	0.025	0.04, малый
3	$F(1,122) = 6.95$, $p = 0.010$, $R^2_{adj} = 0.047$	АЖ → Деперсонализация	–0.24	0.33	0.12	–2.64	0.01	0.06, малый
4	$F(1,122) = 6.03$, $p = 0.016$, $R^2_{adj} = 0.041$	АЖ → Редукция профессионализма	–0.22	–0.41	0.17	–2.46	0.016	0.05, малый

Примечание. Условные обозначения те же, что и к таблице 5.

Таблица 7. Вклад аутентичности в профессиональное выгорание у военнослужащих.

Модель	Качество модели	Регрессионный путь	β	*B*	SE_B	*t*	*p*	f^2
1	$F(1,171) = 25.46$, $p < 0.001$, $R^2_{adj} = 0.125$	АЖ → Индекс выгорания	–0.36	–0.12	0.00	–5.05	<0.001	0.16, средний
2	$F(2,170) = 10.99$, $p < 0.001$, $R^2_{adj} = 0.104$	АЖ → Эмоциональное истощение	–0.19	–0.39	0.18	–2.05	0.042	0.04, малый
		СО → Эмоциональное истощение	0.19	0.32	0.15	2.10	0.038	0.04, малый
3	$F(1,171) = 23.68$, $p < 0.001$, $R^2_{adj} = 0.117$	АЖ → Деперсонализация	–0.35	–0.51	0.10	–4.89	<0.001	0.15, средний
4	$F(1,171) = 15.08$, $p < 0.001$, $R^2_{adj} = 0.076$	АЖ → Редукция профессионализма	–0.29	–0.67	0.17	–3.88	<0.001	0.09, малый

Примечание. Условные обозначения те же, что и к таблице 5.

значимого влияния ни в одной группе. У медиков наибольший вклад во все показатели выгорания вносит *Самоотчуждение*, *а Аутентичная жизнь* оказывает слабое влияние лишь на *Редукцию профессионализма*. У спортивных тренеров в выгорание вносит отрицательный и слабый вклад только *Аутентичная жизнь*. Наконец, у военных наибольший вклад (размер эффекта: от малого до среднего) во все параметры профессионального выгорания вносит *Аутентичная жизнь*, а *Самоотчуждение* оказывает слабое влияние лишь на показатели *Эмоционального истощения*. Иными словами, регрессионные паттерны и их предсказательная сила у представителей разных профессий отличаются, подтверждая гипотезу $H_{2б}$.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Исследование определило тип и направленность связи личностной аутентичности и выгорания у представителей разных профессий. Наиболее сильные отрицательные связи были обнаружены между *Аутентичной жизнью* и общим *индексом выгорания*, а также *Деперсонализацией*. Обратная сторона аутентичности — *Самоотчуждение* — связана положительно с общим *индексом выгорания* и *Эмоциональным истощением*. Наименее выраженные взаимосвязи были получены между параметрами аутентичности и *Редукцией профессионализма*. Таким образом, аутентичность и выгорание специалиста — обратно связанные психологические явления, и обоснованным решением становится выявление возможных детерминационных аспектов этой связи.

Регрессионный анализ показал, что в разных профессиях феномен аутентичности влияет на выраженность выгорания по-разному. У медиков *Аутентичная жизнь* служит антипредиктором, а *Самоотчуждение* — положительным предиктором *Эмоционального истощения* и *Деперсонализации*. Врач, не способный прислушаться к своим потребностям и принципам, отдаляется от понимания себя, что приводит к потере самоподлинности. Любимая изначально профессия вызывает у него каскад непонятных и непривычных реакций. Врач отдаляется от своих пациентов, не находит сил для сопереживания, истощается и черствеет, что выражается в профессиональном цинизме и раздражительности. Триггер СЭВ в этом случае имеет не внешнее (условия труда, заработная плата), а внутреннее происхождение. Самоотчуждение — своего рода фрустрация, непонимание своих целей и желаний, пренебрежение собственными потребностями.

У военнослужащих наблюдается сходная, но менее выраженная тенденция. *Аутентичная жизнь* выступает антипредиктором для всех компонентов выгорания. Верный себе военный специалист в меньшей мере чувствует *Эмоциональное истощение*: его склонность к самоанализу, вероятно, помогает наделить смыслом (чувство долга, защита страны и своей семьи) моменты сомнений и негативных переживаний. Снижается у аутентичных военных и *Редукция профессионализма*; навязчивые сомнения в собственной пригодности и квалификации в меньшей мере беспокоят человека, осмыслившего себя и нашедшего свое призвание и мотивацию. То же с *Деперсонализацией*: чем выше аутентичность военного, тем меньше он склонен “лишать человечности” коллег. Таким образом, аутентичность становится ресурсом благополучного функционирования психики военного специалиста.

Наименее явные закономерности были выявлены в группе спортивных тренеров. *Аутентичная жизнь* у них — слабый антипредиктор выгорания. Это может объясняться более опосредованным характером связи между профессионализмом и результатом труда. Хотя все специалисты исследования имеют дело с высокими рисками для здоровья и жизни близких (пациента, боевого товарища,

воспитанника), признание и профессиональный успех спортивного тренера измеряется не его личными результатами, а успешностью его спортсмена на соревнованиях, т.е. между усилиями и "обратной связью" больше факторов, в том числе случайных или неконтролируемых. Это предположение, возможно, объясняет, почему возможность быть собой для тренера — не гарантия преодоления выгорания.

Полученные результаты не противоречат другим исследованиям, выполненным в этой области. Проведенные ранее исследования показывают, что аутентичность положительно влияет на ментальное благополучие человека, а выгорание, напротив, заметно ему вредит. Таким образом, если рассматривать эту связь без благополучия как медиатора, то получается, что чем аутентичнее специалист, тем меньше он выгорает. Выявление этой закономерности на трехкогортной выборке обусловило новизну представленного исследования. Проведенное исследование открывает нишу для продолжения в русле позитивного подхода; так, перспективным видится уточнение структуры психологических ресурсов личности в преодолении выгорания.

ВЫВОДЫ

1. Личностная аутентичность выступает антипредиктором выгорания. Однако этот вывод касается только двух компонентов аутентичности — *Аутентичной жизни* (предиктор) и *Самоотчуждения* (антипредиктор) — и не распространяется на компонент *Подверженность внешнему влиянию*. Отметим, что возможность обоих компонентов предсказывать выгорание у представителей разных профессий относительно слаба и не превышает 19%.

2. Для данных, полученных на выборках медиков и спортивных тренеров, справедлив вывод о том, что все параметры профессионального выгорания, кроме *Редукции профессионализма*, модерируются только типом профессии, а не полом, возрастом или стажем работы. Но этот вывод не был верифицирован на выборке военных — это является ограничением исследования.

Выявлено, что специалисты медицинского профиля имеют более высокие показатели *Эмоционального истощения*, *Деперсонализации* и общего *индекса выгорания* по сравнению с представителями других групп, а военнослужащие — наименее выгорающая группа. При этом показатели *Редукции профессионализма* в трех группах не различались.

3. *Аутентичная жизнь* является антипредиктором профессионального выгорания, *Самоотчуждение* — его предиктором, а *Принятие внешнего влияния* не оказывает значимого вклада в синдром выгорания ни в одной группе.

4. У медиков наибольший положительный вклад со средним размером эффекта во все три показателя профессионального выгорания вносит *Самоотчуждение*. У спортивных тренеров в профессиональное выгорание вносит отрицательный и слабый вклад (малый размер эффекта) только *Аутентичная жизнь*. У военных наибольший положительный вклад со средним размером эффекта во все параметры профессионального выгорания вносит *Аутентичная жизнь*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бочавер К.А.*, *Быстрова Е.В.* Выгорание и аутентичность военного специалиста с позиций профессиональной ответственности // Социальная, профессиональная и персональная ответственность личности в современном обществе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Омск, 2020. С. 71–73.
2. *Бочавер К.А.*, *Данилов А.Б.*, *Нартова-Бочавер С.К.*, *Квитчастый А.В.*, *Гаврилова О.Я.*, *Зязина Н.А.* Перспективы салютогенного подхода к профилактике синдрома выгорания у российских врачей // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 1. С. 58–77.
3. *Водопьянова Н.Е.*, *Никифоров Г.С.* Теоретические аспекты профилактики и коррекции профессионального выгорания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2013. № 2. С 4–14.
4. *Водопьянова Н.Е.*, *Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2008.
5. *Войно-Ясенецкий В.Ф.* Я полюбил страдание. Тула: Образ, 2011.
6. *Галиева Г.Ф.* Феномен эмоционального выгорания имамов // Minbar. Islamic Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 962–979.
7. *Кезикова И.З.*, *Хомяков А.Г.* Эмоциональное выгорание священнослужителей Русской православной церкви // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2017. № 2. С. 101–108.
8. *Лозинская Е.И.*, *Лутова Н.Б.*, *Вид В.Д.* Системный индекс синдрома перегорания (на основе теста MBI). Методические рекомендации. М.: НИПНИ им. Бехтерева, 2007.
9. *Лэнгле А.* Эмоциональное выгорание с позиций экзистенциального анализа // Вопросы психологии. 2011. № 2. С. 22–25.
10. *Нартова-Бочавер С.К.* Понятие аутентичности в зарубежной психологии личности: история,

феноменология, исследования // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 6. С. 18–29.

11. *Осин Е.Н.* Аутентичность // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2004. № 2 (5). С. 88–93.
12. *Филатова О.А.* Аутентичность как мотивационный ресурс профессиональной деятельности специалиста помогающего профиля // Мотивация и рефлексия личности: теория и практика. 2018. С. 189–194.
13. *Юнг К.Г.* Персона. Самара, 2001.
14. *Freudenberger H.J.* Burnout: Past, present, and future concerns // Loss, Grief & Care. 1989. V. 3. № 1. P. 1–10.
15. *Grandey A.*, *Foo S.C.*, *Groth M.*, *Goodwin R.E.* Free to be you and me: a climate of authenticity alleviates burnout from emotional labor // Journal of Occupational Health Psychology. 2012. V. 17. № 1. P. 1.
16. *Kuhn C.M.*, *Flanagan E.M.* Self-care as a professional imperative: physician burnout, depression, and suicide // Canadian Journal of Anesthesia. 2017. V. 64. № 2. P. 158–168.
17. *Lemyre P.N.*, *Hall H.K.*, *Roberts G.C.* A social cognitive approach to burnout in elite athletes // Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports. 2008. V. 18. № 2. P. 221–234.
18. *Maslach C.*, *Goldberg J.* Prevention of burnout: New perpectives // Aplied & Preventive Psychology. 1998. № 7. P. 63–74.
19. *Maslach C.*, *Jackson S.E.*, *Leiter M.P.* MBI: Maslach burnout inventory. Sunnyvale, CA: CPP, Incorporated, 1996.
20. *Nartova-Bochaver S.*, *Reznichenko S.*, *Maltby J.* The Authenticity Scale: Validation in Russian Culture // Frontiers in Psychology. 2021. № 11. P. 609–617.
21. *Naumov A.*, *Puffer S.* Measuring Russian culture using Hofstede's dimensions // Applied psychology. 2000. V. 49. № 4. P. 709–718.
22. *Parker P.D.*, *Salmela-Aro K.* Developmental processes in school burnout: A comparison of major developmental models // Learning and Individual Differences. 2011. V. 21. № 2. P. 244–248.
23. *Pelsma D.M.*, *Roland B.*, *Tollefson N.*, *Wigington H.* Parent burnout: Validation of the Maslach Burnout Inventory with a sample of mothers // Measurement and Evaluation in Counseling and Development. 1989. V. 22. № 2. P. 81–87.
24. *Preston A.K.* The impact of psychopathy on managers' wellbeing and burnout: The role of authenticity. The University of Waikato, 2020.
25. *Ryan W.* The influence of coach leadership behavior and authenticity on burnout among collegiate athletes. Georgia Southern University, 2017.
26. *Tse D.C.*, *Nakamura J.*, *Csikszentmihalyi M.* Living well by “flowing'well”: The indirect effect of autotelic personality on well-being through flow experience // The Journal of Positive Psychology. 2021. V. 16. № 3. P. 310–321.
27. *Van den Bosch R.*, *Taris T.W.*, *Schaufeli W.B.*, *Peeters M.C.*, *Reijseger G.* Authenticity at work: a matter of fit? // The Journal of Psychology. 2019. V. 153. № 2. P. 247–266.
28. *Van den Bosch R.*, *Taris T.* Authenticity at work: Its relations with worker motivation and well-being // Frontiers in Communication. 2018. V. 3. P. 21.
29. *Van den Bos G.R.* APA dictionary of psychology. American Psychological Association, 2007.

PERSONAL AUTHENTICITY AS A RESOURCE FOR COPING WITH BURNOUT SYNDROME[2]

K. A. Bochaver*, S. I. Reznichenko**

National Research University Higher School of Economics;
101000, *Moscow*, *Myasnitskaya str.*, *20*, *Russia*.
**PhD in Psychology*, *Senior Researcher*.
E-mail: *konstantin.bochaver@gmail.com*
***PhD in Psychology*, *Senior Researcher*.
E-mail: *reznichenko.sofya@yandex.ru*

Received 07.05.2021

Abstract. This study is devoted to the search and analysis of the relationship between the personal authenticity and the burnout syndrome in representatives of different professions: doctors, military personnel and sport

[2] Study was supported by the Russian Science Foundation, project 20-18-00262.

coaches. The study was conducted using two diagnostic methods: the Maslach Burnout Inventory and the Authenticity Scale by A. Wood. The sample consisted of 502 people, including 206 doctors, 123 sport coaches and 173 military personnel. The results showed the presence of a reliable correlation composition, in which authenticity (the Authentic Living subscale) is reliably and negatively associated with the components of burnout syndrome (Emotional exhaustion, Depersonalization, Reduction of achievements), and the "reverse side" of authenticity — Self-Alienation and Accepting External Influences — is positively associated with burnout. Regression analysis showed that in all three groups, authenticity is indeed a negative predictor of burnout, but in different ways. The strongest influence was found in the group of doctors who have the greatest contribution to the experience of burnout is Self-Alienation. In the group of coaches, only Authentic Living makes a negative contribution to the manifestations of professional burnout. Similar patterns were found in the group of military personnel, but the determination of connections was higher than that of the coaches, but still lower than that of the doctors. Authenticity can be reasonably considered a psychological resource of coping with professional burnout.

Keywords: authenticity, well-being, burnout syndrome, mental resource, doctors, sport coaches, military personnel.

REFERENCES

1. *Bochaver K.A.*, *Bystrova E.V.* Vygoranie i autentichnost' voennogo specialista s pozicij professional'noj otvetstvennosti. Social'naja, professional'naja i personal'naja otvetstvennost' lichnosti v sovremennom obshhestve. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Omsk, 2020. P. 71–73. (In Russian)
2. *Bochaver K.A. Danilov A.B.*, *Nartova-Bochaver S.K.*, *Kvitchastyj A.V.*, *Gavrilova O. Ja.*, *Zjazina N.A.* Perspektivy saljutogennogo podhoda k profilaktike sindroma vygoranija u rossijskih vrachej. Klinicheskaja i special'naja psihologija. 2019. V. 8. № 1. P. 58–77. (In Russian)
3. *Vodop'janova N.E.*, *Nikiforov G.S.* Teoreticheskie aspekty profilaktiki i korrekcii professional'nogo vygoranija. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologija. 2013. № 2. P. 4–14. (In Russian)
4. *Vodop'janova N.E.*, *Starchenkova E.S.* Sindrom vygoranija: diagnostika i profilaktika. Saint Petersburg: Piter, 2008. (In Russian)
5. *Vojno-Jaseneckij V.F.* Ja poljubil stradanie. Tula: Obraz, 2011. (In Russian)
6. *Galieva G.F.* Fenomen jemocional'nogo vygoranija imamov. Minbar. Islamic Studies. 2020. V. 13. № 4. P. 962–979. (In Russian)
7. *Kezikova I.Z.*, *Homjakov A.G.* Jemocional'noe vygoranie svjashhennosluzhitelej Russkoj pravoslavnoj cerkvi. Novoe v psihologo-pedagogicheskih issledovanijah. 2017. № 2. P. 101–108. (In Russian)
8. *Lozinskaja E.I.*, *Lutova N.B.*, *Vid V.D.* Sistemnyj indeks sindroma peregoranija (na osnove testa MBI). Metodicheskie rekomendacii. Moscow: NIPNI imeni Bekhtereva, 2007. (In Russian)
9. *Ljengle A.* Jemocional'noe vygoranie s pozicij jekzistencial'nogo analiza. Voprosy psihologii. 2011. № 2. P. 22–25. (In Russian)
10. *Nartova-Bochaver S.K.* Ponjatie autentichnosti v zarubezhnoj psihologii lichnosti: istorija, fenomenologija, issledovanija. Psikhologicheskii zhurnal. 2011. V. 32. № 6. P. 18–29. (In Russian)
11. *Osin E.N.* Autentichnost'. Ekzistencial'naja tradicija: filosofija, psihologija, psihoterapija. 2004. № 2 (5). P. 88–93. (In Russian)
12. *Filatova O.A.* Autentichnost' kak motivacionnyj resurs professional'noj dejatel'nosti specialista pomogajushhego profilja. Motivacija i refleksija lichnosti: teorija i praktika. 2018. P. 189–194. (In Russian)
13. *Jung K.G.* Persona. Samara, 2001. (In Russian)
14. *Freudenberger H.J.* Burnout: Past, present, and future concerns. Loss, Grief & Care. 1989. V. 3. № 1. P. 1–10.
15. *Grandey A.*, *Foo S.C.*, *Groth M.*, *Goodwin R.E.* Free to be you and me: a climate of authenticity alleviates burnout from emotional labor. Journal of Occupational Health Psychology. 2012. V. 17. № 1. P. 1.
16. *Kuhn C.M.*, *Flanagan E.M.* Self-care as a professional imperative: physician burnout, depression, and suicide. Canadian Journal of Anesthesia. 2017. V. 64. № 2. P. 158–168.
17. *Lemyre P.N.*, *Hall H.K.*, *Roberts G.C.* A social cognitive approach to burnout in elite athletes. Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports. 2008. V. 18. № 2. P. 221–234.
18. *Maslach C.*, *Goldberg J.* Prevention of burnout: New perpectives. Aplied & Preventive Psychology. 1998. № 7. P. 63–74.
19. *Maslach C.*, *Jackson S.E.*, *Leiter M.P.* MBI: Maslach burnout inventory. Sunnyvale, CA: CPP, Incorporated, 1996.
20. *Nartova-Bochaver S.*, *Reznichenko S.*, *Maltby J.* The Authenticity Scale: Validation in Russian Culture. Frontiers in Psychology. 2021. № 11. P. 609–617.
21. *Naumov A.*, *Puffer S.* Measuring Russian culture using Hofstede's dimensions. Applied psychology. 2000. V. 49. № 4. P. 709–718.
22. *Parker P.D.*, *Salmela-Aro K.* Developmental processes in school burnout: A comparison of major developmental

models. Learning and Individual Differences. 2011. V. 21. № 2. P. 244–248.

23. *Pelsma D.M.*, *Roland B.*, *Tollefson N.*, *Wigington H.* Parent burnout: Validation of the Maslach Burnout Inventory with a sample of mothers. Measurement and Evaluation in Counseling and Development. 1989. V. 22. № 2. P. 81–87.
24. *Preston A.K.* The impact of psychopathy on managers' wellbeing and burnout: The role of authenticity. The University of Waikato, 2020.
25. *Ryan W.* The influence of coach leadership behavior and authenticity on burnout among collegiate athletes. Georgia Southern University, 2017.
26. *Tse D.C.*, *Nakamura J.*, *Csikszentmihalyi M.* Living well by "flowing'well": The indirect effect of autotelic personality on well-being through flow experience. The Journal of Positive Psychology. 2021. V. 16. № 3. P. 310–321.
27. *Van den Bosch R.*, *Taris T.W.*, *Schaufeli W.B.*, *Peeters M.C.*, *Reijseger G.* Authenticity at work: a matter of fit? The Journal of Psychology. 2019. V. 153. № 2. P. 247–266.
28. *Van den Bosch R.*, *Taris T.* Authenticity at work: Its relations with worker motivation and well-being. Frontiers in Communication. 2018. V. 3. P. 21.
29. *Van den Bos G.R.* APA dictionary of psychology. American Psychological Association, 2007.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 2, с. 72–83

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

УДК 159.922

ПРИВЯЗАННОСТЬ МАТЕРИ К ПЛОДУ: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ КОНСТРУКТА[1]

© 2022 г. И. И. Знаменская[1,2,*], Т. Г. Ярославцева[3,]**

[1]ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.
[2]Благотворительный фонд "Свет в руках";
125414, г. Москва, ул. Петрозаводская, д. 18, корп. 1, Россия.
[3]Екатеринбургский клинический перинатальный центр;
620014, Екатеринбург, ул. Антона Валека, д. 12, Россия.
[*]Ассоциированная научная сотрудница лаборатории психофизиологии имени В.Б. Швыркова; психолог фонда.
E-mail: znamenirina@gmail.com
[**]Руководительница Центра кризисной беременности, системная семейная психотерапевтка.

Поступила 21.12.2020

Аннотация. В информационно-аналитическом обзоре обсуждается теоретический конструкт "привязанность матери к плоду", называемый в литературе также антенатальной, перинатальной или пренатальной привязанностью и описывающий эмоциональную связь беременной женщины с ребенком в утробе. В отличие от традиционного смысла понятия "привязанность", описывающего поведенческие паттерны детей по отношению к значимым взрослым, антенатальная привязанность сфокусирована на чувствах родителей по отношению к ребенку. В ее формировании значимую роль играют образы родительства, младенца, беременности, представленные в субъективном опыте будущих родителей. Описываются методики исследования антенатальной привязанности. На основе обзора формулируются практические следствия для работы с людьми, столкнувшимися с перинатальной потерей.

Ключевые слова: привязанность "мать–плод", перинатальный период, перинатальная потеря, антенатальная привязанность, пренатальная привязанность.

DOI: 10.31857/S020595920019414-1

Конструкт "привязанность", предложенный психиатром и психоаналитиком Джоном Боулби в конце 1950-х годов [4], в последние десятилетия является одним из ключевых в исследовании детско-родительских отношений, раннего детского опыта, а также романтических отношений как в академической психологии (см., например, [10; 14]), так и в разных направлениях психотерапии. Боулби предположил, что фигура привязанности помогает сформировать базовое чувство безопасности, и в последнее время появляются работы, экспериментально подтверждающие эту идею. Так, в работе Айзенбергер с коллегами было выявлено, что предъявление фотографии близкого человека уменьшает активацию зон мозга, связанных с воспринимаемой болью, другими словами, боль уменьшается, когда люди видят изображения близких [24]. В нескольких метаанализах нейрофизиологических исследований стилей привязанности также были сделаны выводы о том, что этот конструкт связан с безопасностью [42] и восприятием "своих" и "чужих" [36]. Среди отечественных работ следует отметить исследования Р.Ж. Мухамедрахимова с коллегами (см., например, [3]), в которых на разных выборках неоднократно была выявлена связь типа привязанности и ее нарушений с длительностью опыта проживания детей в сиротских учреждениях.

В классических работах Мэри Эйнсворт [17] были сформулированы ключевые факторы формирования надежной привязанности: а) внимание к сигналам ребенка; б) их адекватная интерпретация; в) адекватный ответ на сигналы; г) действие

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-00-00245).

вовремя, не слишком рано и не поздно[2]. Особенно подчеркивается тот факт, что и нечуткость, и сверхчуткость родителей одинаково мешают ребенку удовлетворять свои базовые эмоциональные потребности (тем самым негативно влияя на формирование надежной привязанности): в первом случае — потребность в безопасности, во втором — в автономии и самостоятельности.

Все факторы, выделенные М. Эйнсворт, появляются еще в перинатальном периоде: в процессе беременности происходит постепенное становление образа ребенка, он отделяется от образа самой беременности как состояния матери и от образа родительства [13]. Дифференциация этих образов, восприятие ребенка как "самостоятельного объекта" является одним из предикторов готовности к родительству.

Тесно связан с теорией привязанности и конструкт "гестационная доминанта" (т.е. доминанта, по Ухтомскому, возникающая в ответ на беременность), разрабатываемый отечественными исследователями в области перинатальной психологии (см. [8]). Оптимальность гестационной доминанты, т.е. психологическая и физиологическая настроенность женщины на беременность, позволяет предсказывать установление бондинга в раннем постнатальном периоде [Там же].

Теория привязанности часто используется в качестве базы для психотерапевтических и научных работ по гореванию (см., например, [6; 7]). Считается, что теория привязанности объясняет мотивацию поддерживать близкие отношения и помогает адаптироваться к потере близкого человека благодаря наличию "рабочей модели". Под рабочей моделью обычно понимается образ близкого человека, сформировавшийся в отношениях, и многие терапевтические техники строятся на взаимодействии именно с этим образом. И в контексте перинатальных утрат такая позиция крайне важна: она помогает понять, почему люди горюют, потеряв ребенка даже в первом триместре беременности, когда "отношений не было".

С позиций системно-эволюционного подхода пренатальный период — это не "подготовка к жизни", а один из важнейших этапов индивидуального развития [2; 15]. В этот период формируются новые функциональные системы как у плода, так и у его родителей. В свою очередь, формирование новых систем обусловливает увеличение дифференцированности соотношения организма со средой. Другими словами, беременная женщина (и ее партнер) расширяют навыки взаимодействия с плодом и отношения к нему, а плод (и далее — младенец) учится все более разнообразно взаимодействовать с предметной и социальной средой. В связи с этим очевидно, что привязанность как характеристика взаимодействия родителей с ребенком начинает формироваться именно в пренатальный период, а не после рождения. Также можно предположить, что качество и стиль привязанности будут становиться все более определенными постепенно, по мере увеличения гестационного срока.

Цель настоящей статьи — выявить эвристический потенциал конструкта "перинатальная привязанность" и обсудить возможность его применения на практике.

ПРИВЯЗАННОСТЬ В ПЕРИНАТАЛЬНОМ ПЕРИОДЕ[3]: ИСТОРИЯ КОНСТРУКТА

Идею о том, что привязанность может формироваться до рождения ребенка, высказывали разные исследователи. В психоаналитическом подходе еще в конце 1950-х годов предлагалось рассматривать плод и как продолжение Селф матери, и как независимый объект (цит по: [19]), т.е. подчеркивалась роль именно образа ребенка. Аргументом в пользу этой идеи служили наблюдения за гореванием матерей при интранатальной (в родах) потере: степень интенсивности горевания не зависела от наличия физического контакта с новорожденным [30]. Психоаналитик Д. Винникот, известный своей концепцией "достаточно хорошей матери", в те же годы предложил конструкт "первичная материнская забота" [43], подразумевающий взаимную включенность матери и ребенка в эмоциональную сферу друг друга, способность матери вчувствоваться в состояние ребенка.

В конце 1960-х — начале 1970-х годов были опубликованы исследования, проведенные медсестрой Ревой Рубин, заложившие эмпирическую основу для изучения привязанности матери к плоду [40]. В них подчеркивалось, что установление глубокой эмоциональной связи между роженицей и новорожденным — прямое следствие их взаимодействия в пренатальном периоде. В наши дни не вызывает

[2] Работы М. Эйнсворт легли в основу международных практикоориентированных тренинговых программ для родителей младенцев — *SAFE* (под руководством доктора Карла Бриша [5]) и *Pekip* [9]. В России эти программы представлены, в частности, в Центре лечебной педагогики в Москве.

[3] В настоящей статье термины "пренатальная привязанность", "антенатальная привязанность", «привязанность "мать–плод"» используются как синонимы.

сомнения важность пренатального периода развития человека, наоборот, набирает популярность термин “интенсивное родительство” [26]: поощрение родительской озабоченности и “развивающих и воспитательных практик” с момента зачатия. Однако еще 50 лет назад доминирующая культура родительства была иной. Работы Рубин опередили ее время: она описывала особое чувство беременной женщины по отношению к еще не рожденному ребенку (не называя это привязанностью) [40]. Она выделила четыре ключевые задачи, решаемые беременной женщиной, начиная со второго триместра: 1) найти безопасное место для себя и ребенка; 2) удостовериться в том, что ребенок принимается значимыми другими; 3) “связывание” — становление диады, чувства “Мы”; 4) самоотдача.

В работах австралийской исследовательницы Дж. Лумли [33] была выявлена связь между ультразвуковыми обследованиями и внутренними репрезентациями младенца. В первом триместре, до проведения ультразвуковых обследований, только 30% женщин, участвовавших в исследовании, описывали плод как отдельного человека, личность; во втором триместре их было 62%, а в третьем — уже 92%. Несомненно, не только УЗИ влияют на становление внутренней репрезентации, но и сам по себе гестационный срок, так как в целом увеличивается количество взаимодействий с плодом. Так, в работе М. Микхейл с соавторами [34] было показано, что подсчет количества шевелений плода женщинами на 28–32-й неделе беременности укрепляет формирующуюся привязанность.

Так или иначе, к концу 1980-х годов конструкт привязанности в перинатальном периоде все чаще стал появляться в исследовательском дискурсе как психологов, так и медицинских работников. С появлением опросников этот конструкт стал более определенным и измеримым.

ИНСТРУМЕНТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ В ПЕРИНАТАЛЬНОМ ПЕРИОДЕ

Опросник по привязанности “мать—плод” М. Крэнли (1981, M. Cranley). Первый опросник был создан Меккой Крэнли (Mecca Cranley) в первую очередь для медицинского персонала для оценки рисков беременности и профилактики отказов от новорожденных. Она вводит в оборот сочетание «привязанность “мать–плод”», подразумевая под ним то, “в какой степени женщины вовлечены в поведение аффилиации и взаимодействия с их ребенком в утробе [23, с. 282]. Опросник состоит из 24 утверждений, разделенных на шесть субшкал:

1. Дифференциация себя и плода (“кажется, что я потеряю часть себя, когда ребенок родится”).

2. Взаимодействие с плодом (“я толкаю малыша, чтобы он толкнулся в ответ”).

3. Приписывание характеристик и намерений плоду (“кажется, что ребенок толкается и двигается, лишь бы не дать мне отдохнуть”).

4. Самоотдача (“я чувствую, что все трудности, связанные с беременностью, стоят того”).

5. Принятие роли матери (“в моем воображении я представляю себя заботящейся о ребенке”).

6. Гнездование (“У меня уже есть полностью готовая комната для малыша”).

При валидизации опросника была выявлена достоверная положительная связь качества привязанности “мать–плод” с наличием социальной поддержки, а также качеством взаимодействия с ребенком через три дня после рождения; отрицательная корреляционная связь была выявлена с уровнем воспринимаемого стресса матери [23].

Опросник Крэнли довольно долго остается популярным благодаря устойчивым психометрическим характеристикам и простоте использования. Например, в шведском исследовании 2015 г. была выявлена связь шкал опросника с личностными характеристиками женщин, вынашивающих свою первую беременность. Ключевым фактором тем не менее выступили не личностные характеристики, а гестационный срок (чем больше срок, тем больше показатели привязанности), но также была выявлена отрицательная корреляционная связь с эмоциональной отстраненностью, а положительная — с личностной тревожностью, чувством вины и стремлением к социальной желательности [41].

Опросник антенатальной привязанности Дж. Кондона (1993, J. Condon). Спустя десятилетие Джон Кондон, указывая на недостатки опросника Крэнли, создает собственный инструмент для оценки привязанности матери к плоду. Важнейшим недостатком предыдущего опросника Кондон считает то, что он недостаточно исследует привязанность как таковую, а в конечном счете больше исследует лишь одну ее часть, а именно восприятие матерью собственной социальной роли и ее отношение к беременности (не к плоду) [21]. Кондон же подчеркивает разделение трех аспектов отношения: к себе как к матери, к беременности, к ребенку/плоду. В качестве базового понятия им был выбран термин “антенатальная привязанность”. Субъектом

в данном случае выступает именно беременная женщина или ее партнер, и рассматриваются ее/его эмоциональный опыт и связи, которые развивались на протяжении жизни. Опросник сфокусирован на чувствах, установках и поведении по отношению к плоду как таковому.

Автор предлагает иерархическую модель родительской привязанности (рис. 1), где в основе лежит базовый опыт привязанности, из которого вытекают пять стремлений, побуждающих человека совершать пять типов поведения привязанности. Антенатальная привязанность, таким образом, — это развивающиеся отношения матери и ребенка, побуждающие мать: 1) искать информацию, 2) быть рядом, 3) избегать сепарации или потери, 4) защищать, 5) обнаруживать и удовлетворять потребности своего еще не рожденного ребенка.

Допуская, что еще не рожденный ребенок становится в процессе беременности объектом привязанности, Кондон исследует поведение привязанности матерей и на основе этой модели создает опросник, предсказывающий в том числе поведение после родов.

Опросник имеет две формы — материнскую (19 пунктов) и отцовскую (16 пунктов) и содержит пункты о чувствах по отношению к плоду/ребенку и о частоте интеракций с ним. При валидизации опросника на основе полученных данных Кондон делит стили привязанности по двум факторам: заботе (перевод в соответствии с принятым в работах Винникота, здесь имеется в виду скорее обеспокоенность, озабоченность; *Intensity of Preoccupation*) и качестве (*Quality*). Пересечение факторов позволяет выделить четыре стиля (рис. 2).

1. Надежная привязанность (по Боулби и Эйнсворт: способность чутко взаимодействовать с ребенком, понимать и удовлетворять его потребности). Поведение родителей адекватно сроку беременности, они справляются с тревогой и страхом, при необходимости обращаются за помощью, говорят о ребенке и планируют ближайшее будущее с учетом его рождения.

2. Сочетание позитивного качества привязанности/отношения к беременности и плоду, но избегание взаимодействия с ним и по поводу него. Этот стиль может быть связан с опытом предыдущих потерь как копинговая стратегия: беременность воспринимается как счастливая и желанная, но родители не делятся своей радостью с близкими, не строят планов, стараются по минимуму “общаться” с ребенком в утробе.

3. Отсутствие привязанности или амбивалентная привязанность и низкая вовлеченность, т.е. и избегание, и негативное/амбивалентное отношение к беременности. Родители не говорят о беременности, не меняют жизнь, не строят планов с учетом рождения ребенка. Беременность либо игнорируется, либо воспринимается нереалистично, либо негативно.

4. Негативное/амбивалентное отношение к беременности в сочетании с высокой вовлеченностью, мыслями и разговорами, тревога по поводу состояния. Родители проводят много времени в разговорах и тревожных мыслях о беременности, она не воспринимается как желанная, фокус внимания сосредоточен скорее не на ребенке, а на негативных последствиях его появления для родителей. Ребенок не воспринимается как самостоятельный “объект”.

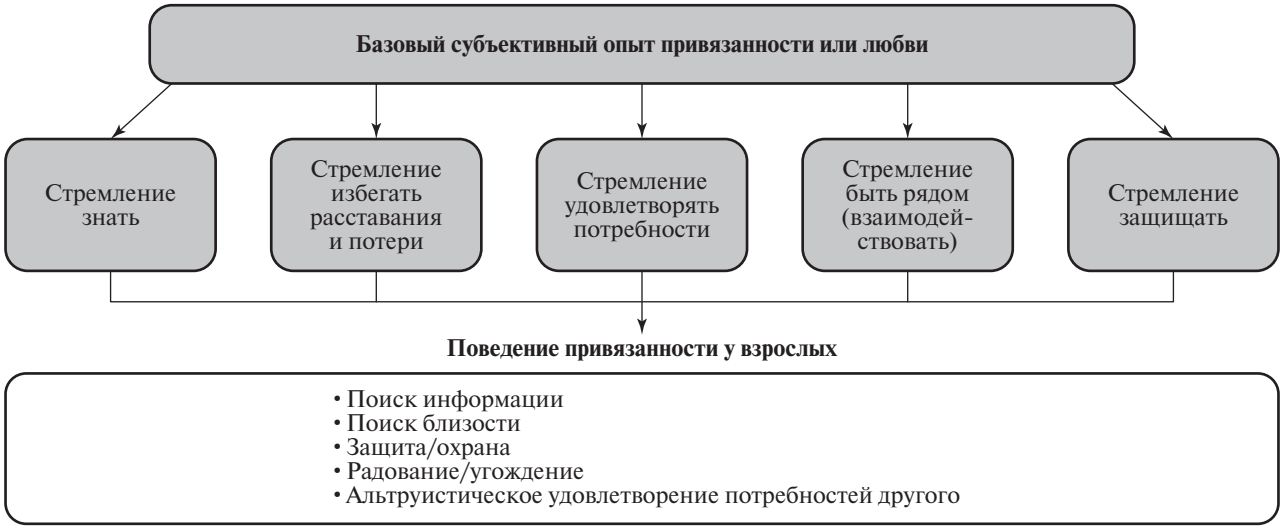

Рис. 1. Иерархическая модель родительской привязанности (по [21])

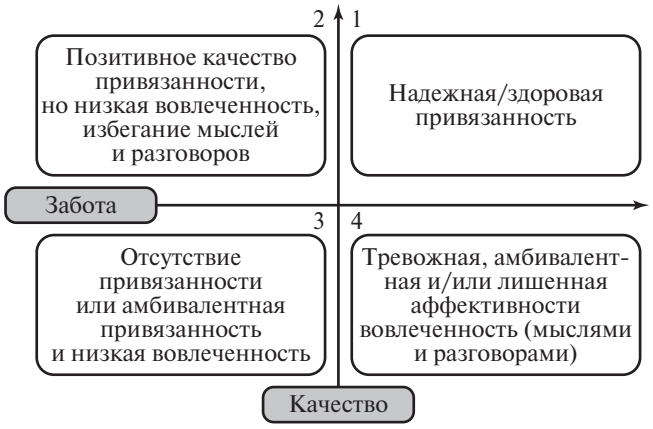

Рис. 2. Стили привязанности родителей к плоду, двухфакторное решение (по [20])

Дальнейшие исследования с помощью опросника Кондона выявили достоверные корреляционные связи показателей антенатальной привязанности с количеством детей (отрицательная со шкалой заботы: чем больше у человека уже есть детей, тем меньше частота мыслей или взаимодействия с плодом), депрессией и личностной тревожностью (отрицательная со шкалой качества: при наличии депрессии и высокого уровня тревожности мысли о ребенке окрашены скорее негативно, чем позитивно), социальной поддержкой (положительная со шкалой качества: чем больше социальной поддержки у родителей, тем более здоровая привязанность выявляется), качеством отношений с партнером (положительная со шкалой заботы: чем лучше отношения с партнером, тем больше вовлеченность во взаимодействие с плодом) [22].

Опросник пренатальной привязанности Мэри Мюллер (1993, M. Muller). М. Мюллер в 1993 г. предложила еще один инструмент для оценки привязанности матери к плоду, в качестве ключевого она берет термин “пренатальная привязанность”, определяемый автором как “уникальная аффективная связь, возникающая между матерью и ее плодом” [35, p. 201]. Опросник состоит из 29 пунктов. Модель, которая легла в основу опросника, представлена на рис. 3. Привязанность матери к плоду формируется на основе: а) исходного опыта привязанности в раннем детском опыте матери, который б) формирует внутренние репрезентации, служащие основой в) “частных” отношений привязанности (к друзьям, к членам семьи, к партнеру, к плоду). Привязанность к партнеру также через г) адаптацию к беременности опосредует д) привязанность к плоду.

Конструктная валидность подтверждалась положительной связью между показателями опросника Мюллер и адаптацией к беременности (состоящей из двух компонентов: образа тела и отношения к беременности/ребенку), удовлетворенностью супружеством, а также высоким уровнем корреляционной связи с опросником Крэнли [35].

СВЯЗЬ ПЕРИНАТАЛЬНОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ С ДРУГИМИ ФАКТОРАМИ

Ключевые факторы, которые обычно выделяют в корреляционных исследованиях перинатальной привязанности, можно разделить на четыре группы: а) психосоциальные; б) демографические; в) связанные с беременностью и г) личностные [20].

Что касается фактора, связанного с ультразвуковыми исследованиями, в более поздних работах, когда УЗИ стало широко распространенной процедурой во время беременности, в третьем триместре не выявлены различия в привязанности в группах матерей, кто проходил и не проходил такой скрининг; такие различия есть только в первом триместре, когда гестационная доминанта еще не установилась [31].

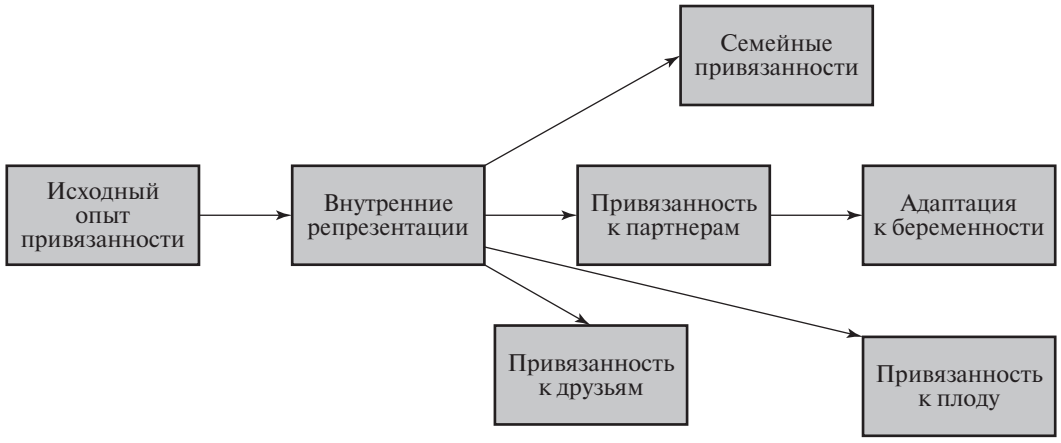

Рис. 3. Модель привязанности М. Мюллер (1993)

В метаанализе 2009 г. [44] были выявлены следующие связи перинатальной привязанности по вышеуказанным факторам: а) положительная связь с социальной поддержкой (умеренная величина эффекта); б) положительная связь с возрастом матери, наличием еще детей, этносом (титульный или меньшинство), супружеством, уровнем дохода и образованием матери (низкая величина эффекта); в) положительная связь с уровнем тревожности, самооценкой и депрессией (низкая величина эффекта). Наиболее высокая величина эффекта была обнаружена в связи со сроком гестации и опытом ультразвуковых исследований. Важно отметить, что связь с запланированностью беременности также имеет маленькую величину эффекта, а высокий риск не имеет значимой связи с уровнем перинатальной привязанности [44].

В работе финских исследователей [16] была выявлена связь супружеского дистресса и депрессивных симптомов во время беременности с последующими трудностями в детско-родительских отношениях, и авторы связывают этот факт с нарушением репрезентации младенца у родителей, т.е. с нарушением перинатальной привязанности. Авторы подчеркивают важность профилактики супружеских конфликтов и снижения дистресса во время беременности для формирования надежной привязанности у младенца.

Антенатальная привязанность и опыт перинатальных утрат. В классических работах по привязанности и гореванию постулируется, что надежная привязанность у взрослых людей помогает адаптироваться в том числе к потерям, и это может объясняться тем, что сохраняется ментальная репрезентация объекта привязанности (умершего близкого) и процесс горевания идет нормативно, не осложненно. Надежный стиль, таким образом, влияет на готовность эмоционально проживать процесс горевания [6; 7]. Напротив, избегающий стиль привязанности и эмоциональная отстраненность считаются факторами риска осложненного горевания в ситуации утраты. Однако многие люди с избегающим или амбивалентным стилем привязанности адаптируются к потере. В связи с этим в исследовании Р. Фрэйли с соавторами [25] предлагается различать людей, демонстрирующих избегание, на разные типы. Они предлагают классифицировать стили привязанности через две оси: тревожность и избегание. Так образуются четыре квадранта: Озабоченность (низкий уровень избегания и высокий уровень тревоги), Уверенность (низкий уровень избегания и тревоги), Пугливое избегание (высокий уровень избегания и тревоги), Равнодушное избегание (высокий уровень избегания и низкий уровень тревоги). Результаты показали, что люди с пугливо-избегающим стилем тяжело адаптируются к потере, в то время как равнодушно-избегающие демонстрируют устойчивость к потере. Авторы заключают, что избегающие паттерны сами по себе не могут предсказывать тяжесть горевания. В контексте перинатальных потерь возможны два разных варианта (и важно их дифференцировать, например, в психотерапевтической работе). В одном случае избегание обсуждать тему перинатальной потери может означать, что люди действительно не воспринимают ее как серьезную утрату (был маленький срок беременности, амбивалентное к ней отношение, трудности во взаимоотношениях в паре, болезни и сопутствующие стрессовые события и множество других факторов). В другом же случае люди избегают говорить, потому что это слишком болезненная тема, и работа горя “заблокирована”.

Одна из ключевых особенностей перинатальных утрат — у них нет “официального статуса”, общество будто отказывает семье в праве на горевание в этой ситуации. Это касается в первую очередь потерь на ранних сроках, которые, однако, могут оплакиваться родителями очень долго и восприниматься крайне тяжело. Изоляция и невозможность проведения ритуалов прощания также затрудняют разрешение горя [7; 26]. Сформированная перинатальная привязанность может помочь в осмыслении предмета горевания, завершить этот процесс и дать место нерожденному ребенку в семейной системе. Учет перинатальной привязанности в качестве фактора помогает грамотно выстроить процесс адаптации к потере и далее дает возможность выстроить мост к новой беременности, отличающейся от неудавшейся, в том числе позволит избежать “замещения” умершего ребенка новым, отделить один объект привязанности от другого [37].

В работе Е.Х.-М. Агнаевой показано, что образ ребенка у беременной женщины тесно связан с ее соматическим статусом (“условно здоровая” или после лечения бесплодия/привычного невынашивания). Образ ребенка является полиструктурным образованием, и исследовательница выделяет два его типа: субъектный и объектный. Так, женщины с опытом перинатальных потерь чаще имели объектный образ ребенка, т.е. менее эмоционально насыщенный, что впоследствии могло негативно влиять на отношения в диаде “мать—дитя” [1].

В исследовании Д. Армстронг было выявлено, что после перинатальной потери в последующей беременности у матерей выше депрессивная

симптоматика и тревожность по сравнению с матерями без такого опыта, но между этими группами нет отличий по показателям антенатальной привязанности, хотя можно было бы предположить их наличие [18]. Это важный аргумент для психотерапевтов, работающих над укреплением уверенности и снижением страха у пар, планирующих новую беременность после потери.

Антенатальная и постнатальная привязанность. В диссертации О.А. Соколовой показана связь динамики таких личностных характеристик матери, как тревожность и стрессоустойчивость, с последующим психическим развитием младенца [11].

В итальянском исследовании 2017 г. была выявлена связь показателей антенатальной привязанности с качеством привязанности в постнатальном периоде, а также с тревожными и депрессивными симптомами у матери в постнатальном периоде. Авторы делают вывод о том, что низкие баллы по опроснику антенатальной привязанности следует рассматривать как предиктор последующих трудностей и сигнал к тому, чтобы начинать профилактические мероприятия по формированию привязанности и снижению депрессивной и тревожной симптоматики заранее, начиная со второго триместра беременности [38].

Более высокий уровень антенатальной привязанности предсказывал более высокий уровень постнатальной привязанности спустя 8 недель после родов, в то время как депрессивная симптоматика матери во втором и третьем триместрах и стресс в третьем триместре были связаны с менее сильным бондингом в той же временно́й точке [39].

Дезорганизованная привязанность у младенцев коррелировала с более высоким уровнем депрессивных симптомов у матерей в период беременности по сравнению с матерями, дети которых имели организованную привязанность, из чего можно предположить, что антенатальная привязанность также не формировалась оптимально [29].

Метаанализ 19 работ, посвященных антенатальной и ранней постнатальной привязанности, показал, что существует их связь с трудностями темперамента, детско-родительскими отношениями и даже интенсивностью младенческих колик. Авторы при этом специально подчеркивают, что величины эффектов малы, и даже ненадежную антенатальную привязанность можно скомпенсировать средовыми факторами в постнатальном периоде, т.е. связью с тем, кто заботится о ребенке [32].

ПРАКТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ

Формирование надежной антенатальной привязанности — это профилактика отказов от новорожденных, а также база для адекватной (компетентной и сенситивной) заботы о ребенке и психической стабильности матерей. Кроме того, конструкт антенатальной привязанности делает видимыми перинатальные потери и дает ответ на вопрос о том, почему так больно сталкиваться с потерей еще не рожденного ребенка даже в первом триместре. Осведомленность матерей о формировании привязанности помогает развивать необходимую чуткость.

Таким образом, помогающим специалистам, работающим с темой родительства и, в частности, с перинатальными потерями, конструкт антенатальной привязанности может помочь при следующих интервенциях.

1. Психообразование: рассказывая клиентам о том, как формируется привязанность, развивать их чуткость и понимание процесса формирования родительской доминанты (по Г.Г. Филипповой [13]). Важно обратить внимание на первые этапы формирования привязанности — ранний детский опыт самих родителей с собственными родителями, и если этот опыт был непростым, то задуматься над тем, как избежать повторения ошибок.

2. Работа со страхами и тревогой по поводу предстоящего родительства, особенно после негативного опыта предыдущих беременностей: говорить о том, что в исследованиях не подтверждается снижение качества привязанности вследствие такого опыта.

3. Работа с визуальными образами (например, в арт-терапии, песочной терапии или работе с метафорическими ассоциативными картами): рассказывая клиентам о том, как образы способствуют формированию надежной привязанности.

4. Подготовка к родам и родительству: рассказывая о ключевых аспектах привязанности, закладывающихся в пренатальный период. Обсуждение возможности разных исходов родов.

5. По данным метаанализа [44], (не)запланированность беременности не предсказывает качества формирования привязанности “мать–плод”, что может служить важным аргументом при работе с таким частым запросом, как материнское чувство вины.

6. Еще одна важная тема — беременность с использованием вспомогательных репродуктивных технологий. Понимание механизмов формирования перинатальной привязанности (через отношения

не только с реальным плодом, но и с репрезентациями, а также отношением к родительству в целом) может помочь людям интегрировать этот нелегкий опыт, зачастую связанный с длительным лечением бесплодия, и впоследствии иметь меньше трудностей в отношениях с ребенком (см. [12; 28]). Обсуждение темы привязанности и эмоционального вовлечения в беременность (см. модель Кондона) может выводить неосознаваемые страхи из "запретной зоны" и тем самым помогать проживать предыдущий опыт потерь.

7. Антенатальная привязанность состоит из нескольких компонентов, и один из них — образ ребенка. В этом контексте важно исследовать мотивы рождения детей: насколько люди идеализируют детско-родительские отношения? Насколько их планы, идеи и представления о жизни с ребенком реалистичны? Становление взаимоотношений с ребенком еще в перинатальном периоде может помочь сфокусироваться на потребности заботиться о ребенке, в противовес нереалистичным ожиданиям и разочарованию от трудностей первых месяцев жизни после родов.

8. Еще один важный компонент, описываемый разными авторами в моделях антенатальной привязанности, — это социальная поддержка. Включение близких в объектные отношения с ребенком в перинатальном периоде также является фактором формирования надежной привязанности.

9. Третий компонент — образ собственно беременности, отдельно от образа ребенка. Какие ценности совпадают с этим образом, а какие конфликтуют? Насколько женщина чувствительна к сигналам собственного тела? Об этом можно говорить в том числе на терапевтических группах и группах поддержки для беременных пар.

Этот список далеко не исчерпывающий, а конструкт антенатальной привязанности, несомненно, обладает большим эвристическим потенциалом в практической работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агнаева Е.Х.-М.* Образ будущего ребенка у беременной женщины: Дис. ... канд. психол. наук. Ростов-н/Д., 2001.
2. *Александров Ю.И.*, *Сварник О.Е.*, *Знаменская И.И.*, *Колбенева М.Г.*, *Арутюнова К.Р.*, *Крылов А.К.*, *Булава А.И.* Регрессия как этап развития. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2017.
3. *Асламазова Л.А.*, *Мухамедрахимов Р.Ж.*, *Вершинина Е.А.* Опыт институционализации и уровень здоровья как факторы поведения привязанности у детей в замещающих семьях // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 1. С. 47–58.
4. *Боулби Дж.* Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
5. *Бриш К.* Биндунг-психотерапия. Беременность и роды. М.: Теревинф, 2018.
6. *Бриш К.* Терапия нарушений привязанности: от теории к практике. М.: Когито-центр, 2014.
7. *Ворден В.* Консультирование и терапия горя: Пособие для специалистов в области психического здоровья. М.: Центр психологического консультирования и психотерапии, 2020.
8. *Добряков И.В.* Перинатальная психология. СПб.: Питер, 2010.
9. *Полински Л.* PEKiP. Игра и движение. Более 100 развивающих игр для детей первого года жизни. М.: Теревинф, 2018.
10. *Сабельникова Н.В.*, *Каширский Д.В.* Опросник привязанности к близким людям // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 84–97.
11. *Соколова О.А.* Динамика личностных характеристик женщины в период беременности как фактор психического здоровья матери и ребенка: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
12. *Трифонова Н.С.*, *Жукова Э.В.*, *Гринева А.М.*, *Александров Л.С.*, *Борисова Н.И.* ЭКО с использованием донорских ооцитов и суррогатное материнство. Психологические особенности пациентов // Вопросы гинекологии, акушерства и перинатологии. 2019. Т. 18. № 1. С. 87–95.
13. *Филиппова Г.Г.* Психология материнства. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002.
14. *Чистопольская К.А.*, *Митина О.В.*, *Ениколопов С.Н.*, *Николаев Е.Л.*, *Семикин Г.И.*, *Чубина С.А.*, *Озоль С.Н.*, *Дровосеков С.Э.* Адаптация краткой версии "Переработанного опросника — Опыт близких отношений" (ECR-R) на русскоязычной выборке // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 5. С. 87–98.
15. *Швырков В.Б.* Системно-эволюционный подход к изучению мозга, психики и сознания // Психологический журнал. 1988. Т. 9. № 1. С. 132–148.
16. *Ahlqvist-Björkroth S.*, *Korja R.*, *Junttila N.*, *Savonlahti E.*, *Pajulo M.*, *Räihä H.*, *Aromaa M.* Mothers' and fathers' prenatal representations in relation to marital distress and depressive symptoms // Infant Mental Health Journal. 2016. V. 37. № 4. P. 388–400.
17. *Ainsworth M.D.S.*, *Blehar M.C.*, *Waters E.*, *Wall S.* Patterns of attachment. Lawrence Erlbaum Associates, Hillsdale, New Jersey, 1978.
18. *Armstrong D.S.* Emotional distress and prenatal attachment in pregnancy after perinatal loss // Journal of Nursing Scholarship. 2002. V. 34. № 4. P. 339–345.
19. *Brandon A.R.*, *Pitts S.*, *Denton W.H.*, *Stringer C.A.*, *Evans H.M.* A history of the theory of prenatal

attachment // Journal of Prenatal & Perinatal Psychology & Health: APPPAH. 2009. V. 23. № 4. P. 201–222.

20. *Cannella B.L.* Maternal–fetal attachment: an integrative review // Journal of Advanced Nursing. 2005. V. 50. № 1. P. 60–68.
21. *Condon J.T.* The assessment of antenatal emotional attachment: development of a questionnaire instrument // British Journal of Medical Psychology. 1993. V. 66. № 2. P. 167–183.
22. *Condon J.T.*, *Corkindale C.* The correlates of antenatal attachment in pregnant women // British Journal of Medical Psychology. 1997. V. 70. № 4. P. 359–372.
23. *Cranley M.S.* Development of a tool for the measurement of maternal attachment during pregnancy // Nursing research. 1981. V. 30. № 5. P. 281–284.
24. *Eisenberger N.I.*, *Master S.L.*, *Inagaki T.K.*, *Taylor S.E.*, *Shirinyan D.*, *Lieberman M.D.*, *Naliboff B.D.* Attachment figures activate a safety signal-related neural region and reduce pain experience // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2011. V. 108. № 28. P. 11721–11726.
25. *Fraley R.C.*, *Bonanno G.A.* Attachment and Loss: A Test of Three Competing Models on the Association between Attachment-Related Avoidance and Adaptation to Bereavement // Personality and Social Psychology Bulletin. 2004. V. 30 (7). P. 878–890.
26. *Francis A.* Stigma in an era of medicalisation and anxious parenting: how proximity and culpability shape middle-class parents' experiences of disgrace // Sociology of Health & Illness. 2012. V. 34. No. 6. P. 927–942.
27. *Frost M.*, *Condon J.T.* The psychological sequelae of miscarriage: a critical review of the literature // Australian and New Zealand Journal of Psychiatry. 1996. V. 30. № 1. P. 54–62.
28. *Hammarberg K.*, *Fisher J.R.W.*, *Wynter K.* Psychological and social aspects of pregnancy, childbirth and early parenting after assisted conception: a systematic review // Human Reproduction Update. 2008. V. 14 (5). P. 395–414.
29. *Hayes L.J.*, *Goodman S.H.*, *Carlson E.* Maternal antenatal depression and infant disorganized attachment at 12 months // Attachment and human development. 2013. V. 15. № 2. P. 133–153.
30. *Kennell J.H.*, *Slyter H.*, *Klaus M.H.* The mourning response of parents to the death of a newborn infant // New England Journal of Medicine. 1970. V. 283. № 7. P. 344–349.
31. *Kleinveld J.H.*, *Timmermans D.R.*, *van den Berg M.*, *van Eijk J.T.M.*, *Ten Kate L.P.* Does offering and performing prenatal screening influence women's attachment to their unborn child? A longitudinal randomized controlled trial // Prenatal Diagnosis: Published in Affiliation With the International Society for Prenatal Diagnosis. 2007. V. 27. № 8. P. 757–764.
32. *Le Bas G.A.*, *Youssef G.J.*, *Macdonald J.A.*, *Rossen L.*, *Teague S.J.*, *Kothe E.J.*, *McIntosh J.E.*, *Olsson C.A.*, *Hutchinson D.M.* The role of antenatal and postnatal maternal bonding in infant development: A systematic review and meta-analysis // Social Development. 2020. V. 29. № 1. P. 3–20.
33. *Lumley J.M.* Attitudes to the fetus among primigravidae // Australian Pediatric Journal. 1982. V. 18. P. 106–109.
34. *Mikhail M.S.*, *Freda M.C.*, *Merkatz R.B.*, *Polizzotto R.*, *Mazloom E.*, *Merkatz I.R.* The effect of fetal movement counting on maternal attachment to fetus // American Journal of Obstetrics & Gynecology. 1991. V. 165 (4 Pt 1). P. 988–991.
35. *Muller M.E.*, *Mercer R.T.* Development of the prenatal attachment inventory // Western Journal of Nursing Research. 1993. V. 15. № 2. P. 199–215.
36. *Murray R.J.*, *Schaer M.*, *Debbané M.* Degrees of separation: A quantitative neuroimaging meta-analysis investigating self-specificity and shared neural activation between self-and other-reflection // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2012. V. 36. № 3. P. 1043–1059.
37. *Peterson G.* Chains of grief: the impact of perinatal loss on subsequent pregnancy // Journal of Prenatal and Perinatal Psychology and Health. 1994. V. 9. № 2. P. 149–158.
38. *Petri E. et al.* Maternal–foetal attachment independently predicts the quality of maternal–infant bonding and post-partum psychopathology // The Journal of Maternal-Fetal & Neonatal Medicine. 2018. V. 31. № 23. C. 3153–3159.
39. *Rossen L.*, *Hutchinson D.*, *Wilson J.*, *Burns L.*, *Olsson C.*, *Allsop S.*, *Elliott J.A.*, *Jacobs S.*, *Macdonald J.A.*, *Mattick R.P.* Predictors of postnatal mother-infant bonding: the role of antenatal bonding, maternal substance use and mental health // Archives of Women's Mental Health. 2016. V. 19. № 4. P. 609–622.
40. *Rubin R.* Maternal tasks in pregnancy // Maternal Child Nursing Journal. 1975. V. 4. P. 143–153.
41. *Sjogren B.*, *Edman G.*, *Widstrom A.M.*, *Mathiesen A.S.*, *Uvnas-Moberg K.* Maternal foetal attachment and personality during first pregnancy // Journal of Reproductive and Infant Psychology. 2004. V. 22. № 2. P. 57–69.
42. *Van den Dries L.*, *Juffer F.*, *Van Ijzendoorn M.H.*, *Bakermans-Kranenburg M.J.* Fostering security? A meta-analysis of attachment in adopted children // Children and Youth Services Review. 2009. V. 31. № 3. P. 410–421.
43. *Winnicott D.W.* Primary maternal preoccupation // The maternal lineage: identification, desire, and transgenerational issues. 1956. P. 59–66.
44. *Yarcheski A.*, *Mahon N.E.*, *Yarcheski T.J.*, *Hanks M.M.*, *Cannella B.L.* A meta-analytic study of predictors of maternal-fetal attachment // International Journal of Nursing Studies. 2009. V. 46. № 5. P. 708–715.

MATERNAL FOETAL ATTACHMENT: FACTORS OF DEVELOPMENT AND PRACTICAL APPLICATION OF THE CONSTRUCT[4]

I. I. Znamenskaya[1,2,*], T. G. Yaroslavtseva[3,]**

[1]Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.
[2]Charity Foundation "Light in Hands";
125414, Moscow, Petrozavodskaya str., 18, bldn. 1, Russia.
[3]Ekaterinburg Clinical Perinatal Centre;
620014, Ekaterinburg, Anton Valek str., 12, Russia.
[*]Associated Researcher at V.B. Shvirkov Laboratory of Psychophysiology; Foundation psychologist.
E-mail: znamenirina@gmail.com
[**]Head of Crisis Pregnancy Centre, Systemic Family Psychotherapist.

Received 21.12.2020

Abstract. The theoretical construct of "maternal foetal attachment", also referred to in the literature as antenatal, perinatal or prenatal attachment that describes the emotional bond between a pregnant woman and her baby in the womb is discussed in this information and analytics review. In contrast to the traditional meaning of attachment which describes children's behavioural patterns towards significant adults, antenatal attachment focuses on parents' feelings towards the foetus. In its development, images of parenthood, infancy and pregnancy presented in the subjective experience of prospective parents play a significant role. The methods used to study prenatal attachment are described. Based on the review, practical implications for working with people experiencing perinatal loss are formulated.

Keywords: materinal foetal attachment, perinatal period, perinatal loss, antenatal attachment, prenatal attachment.

REFERENCES

1. *Agnaeva E.H.-M.* Obraz budushchego rebenka u beremennoj zhenshchiny: Dis. ... kand. psihol. nauk. Rostov-na-Donu, 2001. (In Russian)
2. *Aleksandrov Yu.I.*, *Svarnik O.E.*, *Znamenskaya I.I.*, *Kolbeneva M.G.*, *Arutyunova K.R.*, *Krylov A.K.*, *Bulava A.I.* Regressiya kak etap razvitiya. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2017. (In Russian)
3. *Aslamazova L.A.*, *Muhamedrahimov R.Zh.*, *Vershinina E.A.* Opyt institucionalizacii i uroven' zdorov'ya kak factory povedeniya privyazannosti u detej v zameshchayushchih sem'yah. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 1. P. 47–58. (In Russian)
4. *Boulbi Dzh.* Privyazannost'. Moscow: Gardariki, 2003. (In Russian)
5. *Brish K.* Bindung-psihoterapiya. Beremennost' irody. Moscow: Terevinf, 2018. (In Russian)
6. *Brish K.* Terapiya narushenij privyazannosti: otteorii k praktike. Moscow: Kogito-centr, 2014. (In Russian)
7. *Vorden V.* Konsul'tirovanie i terapiya gorya. Posobie dlya specialistov v oblasti psihicheskogo zdorov'ya. Moscow: Centr psihologicheskogo konsul'tirovaniya i psihoterapii, 2020. (In Russian)
8. *Dobryakov I.V.* Perinatal'naya psihologiya. Saint Petersburg: Piter, 2010. (In Russian)
9. *Polinski L.* PEKiP. Igra i dvizhenie. Bolee 100 razvivayushchih igr dlya detej pervogo goda zhizni. Moscow: Terevinf, 2018. (In Russian)
10. *Sabel'nikova N.V.*, *Kashirskij D.V.* Oprosnik privyazannosti k blizkim lyudyam. Psikhologicheskii zhurnal. 2015. V. 36. № 4. P. 84–97. (In Russian)
11. *Sokolova O.A.* Dinamika lichnostnyh harakteristik zhenshchiny v period beremennosti kak factor psihicheskogo zdorov'ya materi i rebenka: Dis. ... kand. psihol. nauk. Moscow, 2006. (In Russian)
12. *Trifonova N.S.*, *Zhukova E.V.*, *Grineva A.M.*, *Aleksandrov L.S.*, *Borisova N.I.* EKO s ispol'zovaniem donorskih oocitov i surrogatnoe materinstvo. Psihologicheskie osobennosti pacientov. Voprosy ginekologii, akusherstva i perinatologii. 2019. V. 18. № 1. P. 87–95. (In Russian)
13. *Filippova G.G.* Psihologiya materinstva. Moscow: Izd-vo Instituta psihoterapii, 2002. (In Russian)

[4] This work was supported by Russian Foundation for Basic Research (project № 18-00-00245).

14. *Chistopol'skaya K.A.*, *Mitina O.V.*, *Enikolopov S.N.*, *Nikolaev E.L.*, *Semikin G.I.*, *Chubina S.A.*, *Ozol' S.N.*, *Drovosekov S.E.* Adaptaciya kratkoj versii "Pererabotannogo oprosnika — Opyt blizkih otnoshenij" (ECR-R) na russkoyazychnoj vyborke. Psikhologicheskii zhurnal 2018. V. 39. № 5 P. 87–98. (In Russian)

15. *Shvyrkov V.B.* Sistemno-evolyucionnyjpodhod k izucheniyumozga, psihikiisoznaniya. Psikhologicheskii zhurnal. 1988. V. 9. № 1. P. 132–148. (In Russian)

16. *Ahlqvist-Björkroth S.*, *Korja R.*, *Junttila N.*, *Savonlahti E.*, *Pajulo M.*, *Räihä H.*, *Aromaa M.* Mothers' and fathers' prenatal representations in relation to marital distress and depressive symptoms. Infant Mental Health Journal. 2016. V. 37. № 4. P. 388–400.

17. *Ainsworth M.D.S.*, *Blehar M.C.*, *Waters E.*, *Wall S.* Patterns of attachment. Lawrence Erlbaum Associates, Hillsdale, New Jersey, 1978.

18. *Armstrong D.S.* Emotional distress and prenatal attachment in pregnancy after perinatal loss. Journal of Nursing Scholarship. 2002. V. 34. № 4. P. 339–345.

19. *Brandon A.R.*, *Pitts S.*, *Denton W.H.*, *Stringer C.A.*, *Evans H.M.* A history of the theory of prenatal attachment. Journal of Prenatal & Perinatal Psychology & Health: APPPAH. 2009. V. 23. № 4. P. 201–222.

20. *Cannella B.L.* Maternal–fetal attachment: an integrative review. Journal of Advanced Nursing. 2005. V. 50. № 1. P. 60–68.

21. *Condon J.T.* The assessment of antenatal emotional attachment: development of a questionnaire instrument. British Journal of Medical Psychology. 1993. V. 66. № 2. P. 167–183.

22. *Condon J.T.*, *Corkindale C.* The correlates of antenatal attachment in pregnant women. British Journal of Medical Psychology. 1997. V. 70. № 4. P. 359–372.

23. *Cranley M.S.* Development of a tool for the measurement of maternal attachment during pregnancy. Nursing Research. 1981. V. 30. № 5. P. 281–284.

24. *Eisenberger N.I.*, *Master S.L.*, *Inagaki T.K.*, *Taylor S.E.*, *Shirinyan D.*, *Lieberman M.D.*, *Naliboff B.D.* Attachment figures activate a safety signal-related neural region and reduce pain experience. Proceedings of the National Academy of Sciences. 2011. V. 108. № 28. P. 11721–11726.

25. *Fraley R.C.*, *Bonanno G.A.* Attachment and Loss: A Test of Three Competing Models on the Association between Attachment-Related Avoidance and Adaptation to Bereavement. Personality and Social Psychology Bulletin. 2004. V. 30 (7). P. 878–890.

26. *Francis A.* Stigma in an era of medicalisation and anxious parenting: how proximity and culpability shape middle-class parents' experiences of disgrace. Sociology of Health & Illness. 2012. V. 34. № 6. P. 927–942.

27. *Frost M.*, *Condon J.T.* The psychological sequelae of miscarriage: a critical review of the literature. Australian and New Zealand Journal of Psychiatry. 1996. V. 30. № 1. P. 54–62.

28. *Hammarberg K.*, *Fisher J.R.W.*, *Wynter K.* Psychological and social aspects of pregnancy, childbirth and early parenting after assisted conception: a systematic review. Human Reproduction Update. 2008. V. 14 (5). P. 395–414.

29. *Hayes L.J.*, *Goodman S.H.*, *Carlson E.* Maternal antenatal depression and infant disorganized attachment at 12 months. Attachment and Human Development. 2013. V. 15. № 2. P. 133–153.

30. *Kennell J.H.*, *Slyter H.*, *Klaus M.H.* The mourning response of parents to the death of a newborn infant. New England Journal of Medicine. 1970. V. 283. № 7. P. 344–349.

31. *Kleinveld J.H.*, *Timmermans D.R.*, *van den Berg M.*, *van Eijk.T.M.*, *Ten Kate L.P.* Does offering and performing prenatal screening influence women's attachment to their unborn child? A longitudinal randomized controlled trial. Prenatal Diagnosis: Published in Affiliation with the International Society for Prenatal Diagnosis. 2007. V. 27. № 8. P. 757–764.

32. *Le Bas G.A.*, *Youssef G.J.*, *Macdonald J.A.*, *Rossen L.*, *Teague S.J.*, *Kothe E.J.*, *McIntosh J.E.*, *Olsson C.A.*, *Hutchinson D.M.* The role of antenatal and postnatal maternal bonding in infant development: A systematic review and meta-analysis. Social Development. 2020. V. 29. № 1. P. 3–20.

33. *Lumley J.M.* Attitudes to the fetus among primigravidae. Australian Pediatric Journal. 1982. V. 18. P. 106–109.

34. *Mikhail M.S.*, *Freda M.C.*, *Merkatz R.B.*, *Polizzotto R.*, *Mazloom E.*, *Merkatz I.R.* The effect of fetal movement counting on maternal attachment to fetus. American Journal of Obstetrics & Gynecology. 1991. V. 165 (4 Pt 1). P. 988–991.

35. *Muller M.E.*, *Mercer R.T.* Development of the prenatal attachment inventory. Western Journal of Nursing Research. 1993. V. 15. № 2. P. 199–215.

36. *Murray R.J.*, *Schaer M.*, *Debbané M.* Degrees of separation: A quantitative neuroimaging meta-analysis investigating self-specificity and shared neural activation between self-and other-reflection. Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2012. V. 36. № 3. P. 1043–1059.

37. *Peterson G.* Chains of grief: the impact of perinatal loss on subsequent pregnancy. Journal of Prenatal and Perinatal Psychology and Health. 1994. V. 9. № 2. P. 149–158.

38. *Petri E. et al.* Maternal–foetal attachment independently predicts the quality of maternal–infant bonding and post-partum psychopathology // The Journal of Maternal-Fetal & Neonatal Medicine. 2018. V. 31. № 23. P. 3153–3159.

39. *Rossen L.*, *Hutchinson D.*, *Wilson J.*, *Burns L.*, *Olsson C.*, *Allsop S.*, *Elliott J.A.*, *Jacobs S.*, *Macdonald J.A.*, *Mattick R.P.* Predictors of postnatal mother-infant bonding: the role of antenatal bonding, maternal substance use and

mental health. Archives of Women's Mental Health. 2016. V. 19. № 4. P. 609–622.

40. *Rubin R.* Maternal tasks in pregnancy. Maternal Child Nursing Journal. 1975. V. 4. P. 143–153.

41. *Sjogren B.*, *Edman G.*, *Widstrom A.M.*, *Mathiesen A.S.*, *Uvnas-Moberg K.* Maternal foetal attachment and personality during first pregnancy. Journal of Reproductive and Infant Psychology. 2004. V. 22. № 2. P. 57–69.

42. *Van den Dries L.*, *Juffer F.*, *Van Ijzendoorn M.H.*, *Bakermans-Kranenburg M.J.* Fostering security? A meta-analysis of attachment in adopted children. Children and Youth Services Review. 2009. V. 31. № 3. P. 410–421.

43. *Winnicott D.W.* Primary maternal preoccupation. The maternal lineage: identification, desire, and transgenerational issues. 1956. P. 59–66.

44. *Yarcheski A.*, *Mahon N.E.*, *Yarcheski T.J.*, *Hanks M.M.*, *Cannella B.L.* A meta-analytic study of predictors of maternal-fetal attachment. International Journal of Nursing Studies. 2009. V. 46. № 5. P. 708–715.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 2, с. 84–95

КРОССКУЛЬТУРНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2

О СИСТЕМООБРАЗУЮЩЕЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЯКУТСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

© 2022 г. Н. Д. Елисеева

ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.
Институт психологии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова;
677027, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42, Россия.
Кандидат психологических наук, докторант лаборатории психологии личности, доцент кафедры психологии и социальных наук.
E-mail: eliseeva_n_d@mail.ru

Поступила 11.01.2021

Аннотация. Несмотря на существующее многообразие психологических теорий и концепций, на сегодняшний день не существует общепризнанной модели менталитета. В статье эмпирическая модель менталитета рассматривается через социальные представления. Обосновывается гипотеза о том, что менталитет, являясь системным образованием, обладает системообразующей характеристикой — отношением к природе как к субъекту или объекту. Климатогеографические условия являются относительно стабильными условиями и потому могут быть базовым фактором, формирующим менталитет. В качестве модели исследования определен якутский менталитет. Получены следующие результаты: природный мир является неотъемлемой частью системы отношений человека с окружающим миром. В социальных и имплицитных представлениях природный мир проявляется как живой, активный участник жизнедеятельности человека. Природный мир наделяется качествами субъекта. Субъектное диалогическое отношение к природе является системообразующей характеристикой якутского менталитета.

Ключевые слова: менталитет, фактор, системообразующая характеристика, якутский менталитет, субъектное диалогическое отношение к природе, социальные представления, имплицитные представления.

DOI: 10.31857/S020595920019410-7

Менталитет, несмотря на достаточную историю изучения, в силу широты объясняемых явлений до сих пор не имеет общепринятого конкретного понимания. На сегодняшний день в мировой и отечественной психологической науке принято использовать два термина: “менталитет” и “ментальность” [3; 11; 30; 31, 33]. Различия в понятиях “менталитет” и “ментальность” обусловлены историческим различием в научных школах, изучавших данные понятия, — англо-саксонской и французской [18; 29]. Круг научных проблем, изучаемых под понятиями “менталитет” и “ментальность”, отличается разнообразием и разноуровневостью: индивидуальное и коллективное, сознательное и неосознаваемое, когнитивное, аффективное, поведенческое, ценностное и т.д. Основное различие, на наш взгляд, заключается в том, что ментальность понимается как отражение окружающего мира, а менталитет — как понимание окружающего мира.

Существует множество теоретических концепций, раскрывающих содержание менталитета. Вместе с тем эмпирических исследований, проверяющих предлагаемые теоретические модели менталитета, на сегодняшний день в отечественной психологии не имеется. На наш взгляд, разработка эмпирической модели менталитета в настоящее время является важной научной проблемой.

Для эмпирической проверки теории нужна точка стабильности, относительно которой можно было бы проводить эмпирическое исследование. Природные условия и есть относительно устойчивый, объективный фактор, который может служит точкой соотнесения в эмпирическом исследовании.

В нашем исследовании менталитет понимается как системное образование, объединяющее

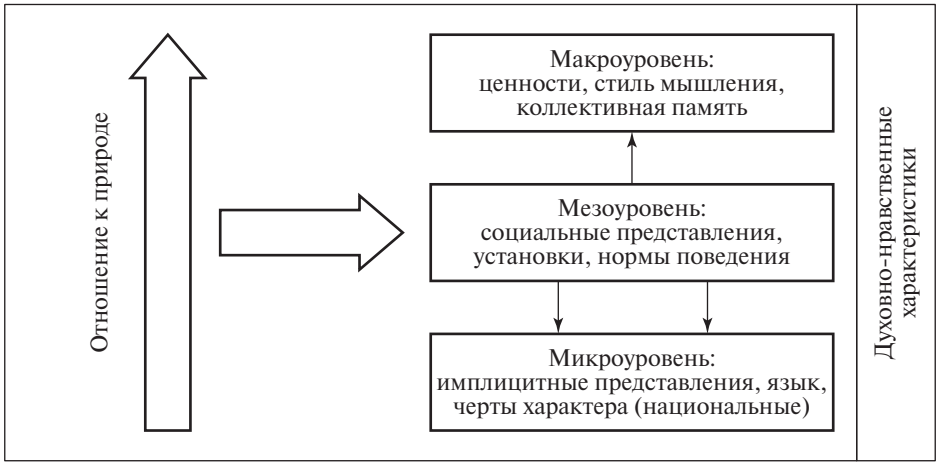

Рис. 1. Модель менталитета

социальные группы в единое целое. Ее системообразующей характеристикой является позиция макрогруппы относительно внешних условий, прежде всего природно-климатических условий проживания. Содержательные характеристики менталитета, его уникальность раскрываются через духовно-нравственные характеристики. Менталитет проявляется на микро-, мезо- и макроуровнях.

Программа эмпирического исследования требует выделения конкретных предикторов, способных отражать актуальные содержательные характеристики изучаемого явления и понятия. Психологической категорией, способной отражать характеристики менталитета, являются отношения, так как менталитет представляет собой психологический продукт отношений человека с окружающим миром. Социальные представления базируются на основе норм и ценностей, отражают особенности социальных, демографических и социально-психологических особенности больших социальных групп [7]. Имплицитные представления, в свою очередь, формируются исходя из индивидуального опыта человека [12].

Менталитет имеет привязку к конкретному обществу. Якутия обладает рядом характеристик, раскрывающих особенности менталитета. Исследование якутского менталитета как части российского менталитета, т.е. “субъекта в субъекте”, представляет особый научный интерес. Якутия является полиэтническим регионом, в котором проживают более 120 национальностей. Как национальная республика, Якутия отличается самобытностью коренных народов, сохранивших национальную культуру и традиции. Коренные народы Якутии имеют многовековую общую историю с русским народом и другими народами России.

Исследование менталитета различных народов, живущих в одних природно-климатических условиях, имеющих единый исторический опыт, обладает практической значимостью и представляется весьма сложной и перспективной задачей. Здесь следует говорить о системообразующих факторах, связывающих различные менталитеты в единое целое. Данный вопрос связан с проблемой глобализации, приобретшей особенную актуальность в современном мире. Так называемый крах мультикультурализма оставляет открытым вопрос о стратегии и условиях создания общества, способного гармонично развивать культурное разнообразие различных этносов. Россия как страна, прошедшая длительный исторический путь по объединению самых разных народов, имеет свои отличительные особенности в выстраивании мультикультурализма — это сохранение и развитие культуры народов, населяющих Россию, стремление не ассимилировать, а признавать самобытность каждого народа [13]. Актуальность исследования также обусловлена перспективностью развития Дальнего Востока в целом и Якутии в частности.

Цель исследования заключается в поиске системообразующего фактора якутского менталитета, интегрирующего компоненты менталитета в единое целое и определяющего его уникальность. Для достижения цели были поставлены следующие *задачи*:

1) теоретический анализ отношения к природе в традиционной якутской культуре;

2) поиск в социальных и имплицитных представлениях фактов, раскрывающих отношение к природе как психологическому явлению, обладающему характеристиками субъекта;

3) сравнительный анализ выборки по половому, религиозному, национальному и возрастному

критериям для поиска общих и уникальных характеристик в разных группах.

Предметом исследования являются системообразующие духовно-нравственные характеристики якутского менталитета.

Объект исследования — социально-психологические и имплицитные представления, отражающие психологические характеристики якутского менталитета.

Основная *гипотеза*: системообразующим фактором якутского менталитета является отношение к природе. Климатические и географические условия являются уникальными, независимыми и относительно стабильными факторами формирования менталитета. Отношение к природе имеет два полюса. С одной стороны, наделение природы качествами субъекта и в соответствии с ним диалогическое отношение к нему. С другой стороны, восприятие природы как объекта. В зависимости от полюса — отношение к природе как к объекту — формируется отношение человека и социальной группы к миру в целом. Системообразующим фактором якутского менталитета является субъектное диалогическое отношение к природе. В соответствии с основной теоретической гипотезой сформулирована *эмпирическая гипотеза*: если системообразующим фактором якутского менталитета является субъектное диалогическое отношение к природе, то в социальных и имплицитных представлениях будут отражены особенности отношения к природе как к субъекту, обладающему активностью, свободой воли и т.д.

МЕТОДИКА

Программа эмпирического исследования составлена с учетом анализа якутского менталитета в социогуманитарных науках. Якутский менталитет рассматривается на трех уровнях: макро-, мезо- и микро-. Макропсихологические процессы, протекающие в обществе (подробнее см.: [15]), рассматриваются, в частности, через призму социальных представлений о характере людей, проживающих в Якутии. Мезоуровень раскрывается через имплицитные представления о нравственном человеке. Имплицитные представления о нравственном человеке были определены нами, исходя из суждения о том, что нравственность, несмотря на то, что она относится к высшим духовным категориям, определяется индивидуальными ценностями личности [2; 34]. Микроуровень рассматривается с позиции идентичности. Следует отметить, что в данной работе приводятся результаты исследования макро- и мезоуровней.

1. Ассоциативный метод для исследования социальных представлений о “якутском характере” с последующим прототипическим анализом по П. Вержесу. С помощью прототипического анализа выявляются ядро (константная часть) и периферия (зона потеницального развития) социальных представлений [7].

2. Анкета, направленная на исследование имплицитных представлений о нравственном человеке и нравственном поступке, основанная на методическом приеме Х. Азума и К. Кашиваги [30], адаптированная Л.Л. Дикевич [5], Н.Л. Смирновой [27]. Суть метода заключается в составлении анкеты из дескрипторов изучаемой культуры. Исследование состоит из двух этапов. На первом этапе респондентов просят в виде свободного рассказа описать человека, которого они считают нравственным. С помощью частотного анализа ответов составляется бланк с утверждениями, касающимися качеств нравственной личности. На втором этапе исследования респондентов просят вспомнить нравственного человека и оценить его по каждому из утверждений анкеты с помощью трехбалльной шкалы. Респонденты также указывают пол, возраст и социальное положение описываемого человека по отношению к ним. Кроме того, респондентам предлагается описать конкретный поступок, подтверждающий нравственность описываемого человека. Анализ нравственных поступков является немаловажным в нашем исследовании, так как поступок, по мнению С.Л. Рубинштейна, являясь “единицей” поведения, отражает отношение человека к внешнему миру [23]. Для обработки полученных результатов были использованы критерий Манна—Уитни и факторный анализ. Контент-анализ рассказов (о методе см. [21]) использовался для дополнения и наполнения содержания выделенных факторным анализом направлений.

3. Метод клинического интервью с последующим применением микросемантического анализа. Клиническое интервью позволяет выявить глубинное содержание утверждений, основных структурных и содержательных характеристик рассуждений респондента. В ходе клинического интервью важны не только вербальные ответы, но иневербальные особенности речи респондента. Ход интервью развертывается исходя из ответа респондента, следующий вопрос формулируется для более точного и глубокого ответа на предыдущий [22].

Эмпирическое исследование проводилось с 2001 по 2019 г. на всей территории Якутии. Всего

Таблица 1. Социально-демографические характеристики выборки

Задача	Выборка, чел.	Распределение выборки (самоопределение), чел.			
		по половому признаку	по религиозным воззрениям	по национальному признаку	по возрасту
Исследование социальных представлений о якутском характере	1182	Женщины 729 Мужчины 453	Язычники 425 Православные 325 Неверующие 162 Мусульмане 17** Двоеверие 14** Не указали 239**	КМНС* 109 Русские 223 Саха 844 Др. нац. 6	С 14 до 75 лет
Исследование имплицитных представлений о нравственном человеке	1507	Женщины 805 Мужчины 702	Язычники 600 Православные 364 Неверующие 262 Мусульмане 6** Двоеверие 1** Буддизм 6** Не указали 268	КМНС 224 Русские 261 Саха 884 Др. нац. 30** Не указали 108**	С 14 до 81 года
Исследование динамики имплицитных представлений о нравственном человеке	792	Женщины 345 Мужчины 447	–	Саха 792	С 14 до 26 лет
Исследование имплицитных представлений о якутском менталитете	99	Женщины 87 Мужчины 12	Язычники 65 Православные 25 Неверующие 9	КМНС 24 Саха 65 Русские 10	С 54 до 82 лет

* КМНС — коренные малочисленные народы севера: эвены, эвенки, чукчи, юкагиры, долганы.
** — указанные группы выборки не участвуют в исследовании.

Таблица 2. Контент-анализ дескрипторов, описывающих природу, в клинических интервью

Смысловые блоки	Частота
Отношение к природе как к субъекту (живое, чувствует, страдает, радуется, злится, видит, отвечает, мать, мы дети природы, общаться с природой, делиться силами с природой, разговаривать с природой и т.д.)	488
Отношение к природе как к объекту (дом, мир, мы часть природы, защищать и беречь природу, любить природу, набираться сил от природы, получать дары природы и т.д.)	280
Мистическое отношение к природе (духи-иччи, угощение огня, кара, охраняет нас, не является верой и т.д.)	253

в исследовании приняли участие 3580 человек. Распределение выборки представлено в табл. 1.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ теоретических разработок позволил выделить особенности влияния климатических и географических факторов на менталитет коренных народов Якутии. Исследования этнографов, этнопедагогов, социологов и философов показывают, что одним из факторов в формировании менталитета коренных народов Якутии является бережное отношение к природе [14; 18; 19], стремление сохранить его [16], которое выразилось в почитании природного мира [9] и в отношении к нему как к явлению, обладающему характеристиками субъекта: имеющего активность, мотивы, цели, обладающего сознанием и эмоциями [20; 25]. Результаты исследования якутского менталитета в социогуманитарных науках представлены в отдельной статье [6].

Рассмотрим результаты клинических интервью. Для этого все ответы респондентов, описывающие или затрагивающие тему природы, были обработаны с помощью контент-анализа и обобщены в смысловые блоки. Следует отметить, что в связи с отсутствием ранжирования или шкалирования, более сложные статистические методы не применялись.

Выделены три основных смысловых блока. В ответах одного респондента могли быть затронуты все три смысловых блока. Вместе с тем контент-анализ показывает наиболее часто используемые респондентами дескрипторы при описании природы. Наиболее часто респонденты описывали природу

Таблица 3. Результаты факторного анализа дескрипторов, описывающих нравственного человека

Дескрипторы	Факторы				
	1	2	3	4	5
Приветливый					0.785
Находит общий язык с людьми независимо от возраста					0.798
Не злопамятный			0.634		
Умный		0.808			
Не обижает животных	0.568				
Образованный		0.793			
Хороший специалист/ученик		0.734			
Не злословит за спиной			0.779		
Не ворует			0.645		
Умеет промолчать в беседе в нужный момент				0.774	
Терпеливый				0.671	
Умеет слушать собеседника				0.641	
Не ломает деревья, не загрязняет озера и т.д.	0.881				
Не кричит в лесу, горах и т.д.	0.792				

Примечание. Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: промакс с нормализацией Кайзера.
а вращение сошлось за 6 итераций.

Таблица 4. Результаты дисперсионного анализа дескрипторов, описывающих нравственного человека

Критерии	Пол		Возраст		Религия		Национальность	
Дескрипторы	F	Значимость	F	Значимость	F	Значимость	F	Значимость
25. Не обижает животных	2.349	0.126	3.420	0.017	0.860	0.462	6.818	0.000
26. Уважает и любит природу	4.437	0.035	19.624	0.000	2.249	0.082	4.816	0.002
47. Не ломает деревья, не загрязняет озера и т.д.	2.216	0.137	14.549	0.000	7.725	0.000	6.436	0.000
48. Не кричит в лесу, горах и т.д.	3.749	0.053	27.359	0.000	16.284	0.000	22.620	0.000

как субъекта, обладающего сознанием, активностью, чувствами и способного действовать в ответ. Второй блок отличается от первого тем, что респонденты здесь воспринимают природу как живое, но вместе с тем не обладающее сознанием и активностью, наблюдается разграничение природного и социального миров. Третий блок имеет отличие от первого блока, состоящее в том, что здесь не природный мир имеет собственное сознание, а духи, олицетворяющие его.

Результаты исследования имплицитных представлений о нравственном человеке показывают, что нравственность — это не только отношение к людям, а отношение к природному миру.

Первый фактор, имеющий наибольший вес, — 26.62% — собрал дескрипторы, описывающие бережное и почтительное отношение к природе: не обижает животных, не ломает деревья, не загрязняет озера и т.д., не кричит в лесу, в горах и т.д.

При этом существуют статистически значимые различия по отдельным параметрам: полу, религиозным воззрениям и этническому самоопределению.

Наибольшие различия наблюдаются по возрастному критерию. Что касается дескрипторов, описывающих отношение к природе, то они также имеют различия в разных группах. Интересно, что дескриптор “уважает и почитает природу” не имеет различий по религиозному воззрению.

Включение природного мира в число субъектов нравственных отношений наблюдается также в описании нравственных поступков — 10.64% от общего количества поступков являются описанием почтительного отношения к природе, понимания его как живого и обладающего чувствами и эмоциями.

К примеру:

Ж — 20 лет: “Однажды мы с одноклассниками пошли в поход, шумели, играли. Но она (одноклассница) была очень внимательной ко всему, сказала нам так громко не шуметь, так как мы на природе, и надо соблюдать тишину. Можно просто бесконечно писать о ней”;

Ж — 32 года: “Мой отец никогда не будет загрязнять природу, ломать живое. Отец считает, что все животные и растения как люди, только без слов”.

Исследование динамики имплицитных представлений о нравственном человеке в XXI в. проведено в начале 2002 г. и спустя 15 лет, в 2017 г.

Таблица 5. Структура социальных представлений по половозрастному критерию

Критерии для сравнения	Ядро	Зона ближайшей периферии	Зона первой периферии
По полу			
Мужчины	Выносливые; трудолюбивые; сильные духом; гостеприимные	Добрые; умные; бережно относятся к природе	Упрямые; скромные; терпеливые; придерживаются традиций
Женщины	Выносливые; добрые; сильные; гостеприимные; общительные; скромные	Придерживаются традиций	Сдержанные
По возрасту			
Подростки и юноши от 14 до 18 лет	Выносливые; добрые; гостеприимные; следуют традициям	Общительные; суровые	Трудолюбивые; сильные; почитают природу
Молодые люди от 19 до 25 лет	Выносливые; добрые; упорные; сдержанные	Гостеприимные	Умные
Люди среднего возраста от 26 до 40 лет	Выносливые; сильные духом	Добрые; мудрые	Следуют традициям; общительные
Люди зрелого возраста от 41 года и старше	Выносливые; добрые	Трудолюбивые; мудрые; почитание природы	Поддерживают друг друга; нравственные

По результатам исследования выявлено, что имплицитные представления о нравственном человеке являются стабильными. Несмотря на разное количество выделенных факторов, в течение 15 лет сохраняется тенденция в оценке тактичности, социальной успешности и почитания окружающего мира. Контент-анализ нравственных поступков позволил выявить, что по критерию Манна–Уитни статистически значимых различий по двум срезам не имеется ($p = 0.71$).

Рассмотрим результаты исследования социальных представлений.

Общими ядерными качествами социальных представлений являются выносливость и доброта. Выносливость, необходимая для выживания в суровых условиях Крайнего Севера, является для наших современников чертой не только коренных народов, но и всех людей, проживающих на территории Якутии.

Качество “добрый” является также ядерным элементом социальных представлений. Обратимся к клиническому интервью, чтобы раскрыть содержание данной характеристики. Рассмотрим отрывок из рассуждения респондента (женщина, 41 год) о доброте (перевод автора): “...Добрый человек желает людям добра. Нужный человек. Надо сказать, что, если человек делает добрый поступок только, когда его видят другие люди или, когда они об этом могут узнать, это не добрый поступок. ...К примеру, вот рассказы есть старые. Наверное, сама читала. Как гостям последний кусок отдают, а дети потом голодные сидят. Ты думаешь, эти рассказы писали, чтобы повторять их?! Это тоже не доброта, это потеря себя. Вот у нас, саха, есть пословица — придерживайся середины. Настоящий человек, если голодный гость придет, накроет стол обязательно, и накормит тем, что он сам ест и его домочадцы. Это уважение, это наше гостеприимство. Мы показываем, что мы равные. ...Думать и оказывать действительно нужную помощь, приносить действительно нужную пользу — и есть доброта”. Как видно из этого интервью, доброта — это отношение к природному и социальному миру. В якутском менталитете доброта имеет направленность на людей и на природный мир. Поступок не может быть добрым, если он не приносит пользу. Доброта не заключается в широте души, она проявляется в адресности и своевременности.

Представления о якутском менталитете имеют различия в разных возрастных группах. С возрастом они становятся более конкретными, что наблюдается в ядре социальных представлений. Их содержание больше отражает мировоззрение

Таблица 6. Структура социальных представлений респондентов, дифференцированных по этническому и религиозному критериям

Критерии для сравнения	Ядро	Зона ближайшей периферии	Зона первой периферии
По этническому самоопределению			
Саха	Выносливые; добрые	Трудолюбивые; гостеприимные; общительные; скромные	Суровые; сильные духом; упрямые
КМНС	Выносливые; добрые; необщительные; потерявшие свои корни; агрессивные; следуют традициям; целеустремленные; сильные духом	Гостеприимные	Сдержанные; трудолюбивые
Русские	Добрые; выносливые; немногословные	Отзывчивые; некультурные; любознательные; уравновешенные	Агрессивные; жизнерадостные; соблюдают традиции; гостеприимные; приветливые
По религиозной самоидентичности			
Православные	Выносливые; добрые; сдержанные	Оказывающие взаимоподдержку; некультурные	Злые; образованные; замкнутые
Верующие в Айыы	Выносливые; общительные; находчивые; сдержанные; скромные; сильные	Добрые; трудолюбивые; гостеприимные; следуют традициям; смелые	Сильные духом; суровые; дети природы; спокойные
Атеисты	Выносливые; наивные; добрые; сдержанные; скромные; суровые	Спокойные; оказывают помощь и поддержку; трудолюбивые	Упрямые; веселые; общительные

традиционного якутского менталитета — взаимопомощь и поддержка, почитание природы, трудолюбие, выносливость и доброта.

Сравнительный анализ по этническому и религиозному самоопределению подтвердил, что качество “выносливый” является ядром социальных представлений, кроме группы верующих в Айыы (вера в Айыы относится к шаманизму, является религиозным воззрением коренного народа, титульного этноса Якутии — саха).

По этническому самоопределению наибольшее количество элементов в ядре социальных представлений — у коренных северных народов Якутии. Здесь элементы ядра имеют как положительный, так отрицательный характер, а также отличаются разнообразием. В частности, элементами ядра являются не только качества или характеристики личности, а конкретные факты. К примеру, “потерявшие свои корни”. По критерию религиозной идентичности элементы ядра имеют схожие характеристики.

В периферийных частях структуры социальных представлений наблюдаются различия. Элементы периферии имеют положительную и отрицательную модальность. Наиболее развернутая периферийная часть выявлена в группе русских по этническому признаку и в группе верующих в Айыы, а наименее развернутая — в группе коренных малочисленных народов севера.

Анализ результатов по религиозной идентичности выявил различия в периферийной части социальных представлений — более негативная картина складывается у тех, кто определяет себя как православные. В их ассоциациях появляются отрицательные черты — “некультурные” и “злые”. Более позитивные и богатые элементами социальные представления о характере жителей Якутии обнаружены у тех, кто определил себя верующими в Айыы.

И близко к ним находятся социальные представления тех, кто определяет себя атеистами.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Результаты теоретического анализа позволили выявить, что в традиционном менталитете коренных народов Якутии природа воспринимается как живой, полноправный, активный участник жизнедеятельности человека. Понятие “субъектное диалогическое отношение к природе”, используемое нами для определения данного явления, основано на положении С.Л. Рубинштейна о том, что человек, познавая мир, влияет на него, а он, в свою очередь, приобретая “сущность”, оказывает влияние на самого человека [23]. Природный мир как субъект восприятия рассматривался и другими исследователями. Из современных психологов одним из первых А.Л. Журавлев обратил внимание на это явление и описал его, изучая изменение отношения к природе или отдельным ее составляющим (лесу, полю, траве, реке и т.д.) у жителей, проживающих на территориях, подвергшихся радиационному загрязнению после Чернобыльской катастрофы. Он обозначил это явление как “субъективацию природы” человеком, причем значимость активности последней нередко оценивалась людьми выше, чем своей деятельности [8]. Позднее С.Д. Дерябо был введен термин “субъектификация” природного объекта. Он считает, что в основе “субъектификации” природного мира лежит стремление человека воспринять и осознать окружающий мир. Отсюда “субъектифицированный” природный мир воспринимается человеком как “значимый другой” [4]. Несмотря на указанные методологические разработки, исследований по данному направлению немного. Одним из них является этнофункциональная парадигма А.В. Сухарева [28]. В других работах природа понимается как часть внутреннего мира человека, отражение которого наблюдается в языке, культуре, в обыденном сознании [11], или природно-климатические условия рассматриваются как фактор формирования национального характера [26].

Отношение человека к миру, к себе и другим людям, по мнению В.Н. Мясищева, является базисной категорией (подробнее см. [10]). Анализ исследований в области психологии, культурологии, этнографии, социологии, педагогики показывает, что существует основной неизменный фактор, оказывающий стабильное системное влияние на менталитет — *отношение к природе*. По результатам нашего исследования на уровне межличностных отношений (мезо) природный мир является частью системы отношений, представляет собой индикатор нравственности человека, на уровне отношения к обществу (макро) природный мир проявляется через социально значимые характеристики личности в якутском обществе.

Рис. 2. Карта распределения вечной мерзлоты на территории России

На примере характеристики “добрый” можно отметить, что понятия, используемые респондентами, имеют уникальность, обусловленную природно-клаиматическими условиями проживания. Доброта во всех культурах имеет характер сопереживания и участия. При этом нужно понимать, что в якутском языке само слово “добро”переводится как “үтүө, туһа”, что означает “хорошее, полезное” [24, с. 137].

Данная особенность якутского характера, на наш взгляд, обусловлена так называемым энергосберегающим фактором якутского менталитета. Данное понятие широко используемое в экологии, в последние годы применяется в философии и психологии в рамках исследования экологических вопросов. А.Д. Марфусалова отмечает, что в силу суровых климатических условий, в первую очередь из-за фактора вечной мерзлоты, у коренных народов Якутии сформировались энергосберегающие традиции. Вклад вечной мерзлоты в якутский менталитет обусловлен ее хрупкостью — растительный и северный природный мир восстанавливается медленнее, последствия внедрения в вечную мерзлоту являются необратимыми [16]. Энергосберегающие традиции сформированы у всех северных коренных народов мира [1]. У народов России, большая часть которой находится на вечной мерзлоте, также имеются энергосберегающие традиции.

Результаты эмпирического исследования позволили выявить общие и уникальные отличия якутской выборки по выделенным критериям: в социальных представлениях это общность элементов ядра — доброта и выносливость. Существуют различия по отдельным критериям анализа, которые ярче проявляются на периферии социальных представлений. Имеются характеристики, одинаковые для разных групп: выносливые, добрые, трудолюбивые, сильные духом, гостеприимные, умные, бережно относятся к природе и почитают ее, скромные, придерживаются традиций, общительные, скромные, сдержанные, спокойные, суровые, мудрые, поддерживают друг друга, нравственные, а также отрицательные черты — агрессивные и упрямые. Следует отметить, что анализ социальных представлений подтвердил выводы, сделанные Т.П. Емельяновой: социальные представления показывают гендерные различия, а также улавливают возрастные особенности развития [7]. Наши результаты также позволили выявить, что в социальных представлениях коренных малочисленных народов Севера отражаются негативные последствия социальных событий прошлого века — изменение традиционного устройства семьи вследствие внедрения отрыва детей от родителей и их обучения в условиях интерната [19].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретический анализ исследований об отношении к природе в социогуманитарных науках показал, что в традиционной культуре коренных народов природа воспринимается как живой, полноправный участник жизнедеятельности человека.

По результатам эмпирического исследования выявлено, что в социальных и имплицитных представлениях природа обладает характеристиками субъекта. На уровне межличностных отношений (мезо) природный мир является частью отношений, субъектом взаимодействия человека, более того, восприятие природного мира как субъекта является индикатором нравственности человека. На уровне отношения к обществу (макро) природный мир проявляется через социально значимые характеристики личности в якутском обществе.

Сравнительный анализ выборки по половому, религиозному, национальному и возрастному критериям для поиска общих и уникальных характеристик в разных группах показал, что существуют общие для якутского менталитета элементы — доброта и выносливость. При этом имплицитные и социальные представления улавливают особенности возрастной и гендерной психологии, раскрывают этнические характеристики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адаев В.Н.* Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 240 с.
2. *Воловикова М.И.* Представления русских о нравственном идеале. 2-е изд. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005. 332 с.
3. *Гуцыкова С.В.* Проблемное поле профессионального менталитета и ментальности субъекта труда // Организационная психология и психология труда. 2019. Т. 4. № 2. С. 153–170.
4. *Дерябо С.Д.* Феномен субъектификации природных объектов: Дис. ... д-ра психол. наук. М.: МГППУ, 2002. 365 с.
5. *Дикевич Л.Л.* Обыденные представления о порядочном человеке: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 1999. 28 с.
6. *Елисеева Н.Д.* Исследования якутского менталитета в психологии и смежных науках // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 695–706. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-3-695-706

7. *Емельянова Т.П.* Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. 476 с.
8. *Журавлев А.Л.* Динамика отношения человека к природе в посткатастрофный период (на примере аварии на ЧАЭС // Динамика социально-психологических явлений визменяющемся обществе. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1996. С. 186–195.
9. *Каженкин И.И.* Кут — сүр үөрэҕэ. Якутск: РГ “Медиа”, 2017. 156 с.
10. *Карпова Э.Б.*, *Исурина Г.Л.*, *Журавлев А.Л.* Психологическая концепция отношений В.Н. Мясищева: основы и содержание // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 5–14.
11. *Кольцова В.А.*, *Журавлев А.Л.* Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 5–17. DOI: 10.7868/S0205959217030011
12. *Ларионова Л.И.*, *Сафронова М.А.* Имплицитные представления об интеллектуально одаренной личности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 1А. № 7. С. 76–82.
13. *Лебедева Н.М.*, *Татарко А.Н.*, *Берри Дж.У.* Социально-психологические основы мультикультурализма: проверка гипотез о межкультурном взаимодействии в российском контексте // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 92–104.
14. *Макаров Е.Д.* Формы экологического воспитания. Якутск: Изд-во МНиПО РС(Я), 2002. 167 с.
15. Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.
16. *Марфусалова А.Д.* Мудрость экотрадиций северян. Якутск: Изд-во ЯФ СО РАН, 2002. 112 с.
17. *Новиков А.Г.* О менталитете саха. Якутск: Изд-во Аналитического центра при Президенте РС(Я), 1995. 141 с.
18. *Оконешникова А.П.* Норуот уйулҕата — иитэр үлэ тирэҕэ. Якутск: Изд-во Института повышения квалификации работников образования РС(Я), 1996. 175 с.
19. *Попов Б.Н.* Культура семейного воспитания народов Севера. Якутск: Бичик, 2000. 64 с.
20. *Портнягин И.С.* Этнопедагогика “Кут-сур”. М.: Academia, 1999. 164 с.
21. Психология: Учебник для технических вузов / Под ред. В.Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2000.
22. *Репина Н.В.*, *Воронцов Д.В.*, *Юматова И.И.* Основы клинической психология. Ростов-н/Д.: Феникс, 2003. 480 с.
23. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. СПб.: Питер, 2012, 224 с.
24. Русско-якутский словарь / Под ред. П.С. Афанасьева, Л.Н. Харитонова. М.: Советская энциклопедия, 1968. 720 с.
25. *Саввинов А.С.* Человек через призму “Кут-сур”. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1995. 112 с.
26. *Смирнова Ж.Г.* Влияние географического положения и климатических особенностей на национальный характер русских // Вестник славянских культур. 2008. № 3–4 (10). С. 137–141.
27. *Смирнова Н.Л.* Образ умного ребенка: исследование имплицитных концепций // Современная личность: социальные представления, мышление, развитие в норме и патологии / Отв. ред. К.А. Абульханова и др. М.: Изд-во “Институт Психологии РАН”, 2000. С. 18–25.
28. *Сухарев А.В.* Развитие русской ментальности. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2017. 398 с.
29. *Таршис Е.Я.* Ментальность человека: подходы к концепции и постановка задач исследования. 2-е изд. М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2012. 88 с.
30. *Харитонова Е.В.* Соотношение понятий “менталитет” и “ментальность” // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитонова. М.: Изд-во: “Институт психологии РАН”, 2015. С. 226–237
31. *Юревич А.В.* Базовые компоненты национального менталитета Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитонова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2015. С. 240–261.
32. *Azuma H.*, *Kashiwagi K.* Descriptors for an intelligent person: a Japanese study // Japanese Psychological Research. 1987. V. 1. P. 17–26.
33. *Stepanenko E.V.*, *Satraeva J.A.* Language interpretation of the picture of the world through the concept of “mentality” // Наука и реальность. 2020. № 1. С. 30–33.
34. *Sun J.*, *Goodwin G.P.* Do people want to be more moral? // Psychological Science. 2020. № 31. Iss. 3. P. 243–257. DOI: 10.1177/0956797619893078

ABOUT THE SYSTEM-FORMING CHARACTERISTICS OF THE YAKUT MENTALITY

N. D. Eliseeva

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.
Institute of Psychology of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University;
677027, Yakutsk, Kulakovsky str., 42, Russia.
PhD (Psychology), Doctoral Student of Laboratory of Psychology of Person,
Associate Professor of the Department of Psychology and Social Sciences.
E-mail: eliseeva_n_d@mail.ru

Received 11.01.2021

Abstract. Despite the existing variety of psychological theories and concepts, there is currently no empirical model of mentality. In the article, the empirical model of mentality is considered through representations. The hypothesis is substantiated that the mentality, being a system education, has a system-forming characteristic — the attitude to nature as a subject or object. Climatic and geographical conditions are relatively stable conditions and therefore can be a basic factor shaping the mentality. The Yakut mentality is defined as a model. The following results are obtained — the natural world is an integral part of the system of human relations with the envirement. In social and implicit representations, the natural world manifests itself as a living, active participant in human life. The natural world is endowed with the qualities of a subject. The subjective dialogical attitude to nature is a system-forming characteristic of the yakut mentality.

Keywords: mentality, factor, system-forming characteristic, Yakut mentality, subjective dialogical attitude to nature, social representations, implicit representations.

REFERENCES

1. *Adaev V.N.* Tradicionnaya e'kologicheskaya kul'tura xantov i nencev. Tyumen': Izd-vo "Vektor Buk", 2007. 240 p. (In Russian)
2. *Volovikova M.I.* Predstavleniya russkix o nravstvennom ideale. 2-e izd. Moscow: Izd-vo "Institut psixologii RAN", 2005. 332 p. (In Russian)
3. *Gucykova S.V.* Problemnoe pole professional'nogo mentaliteta i mental'nosti sub''ekta truda. Izd-vo "Institut psixologii RAN". Organizacionnaya psixologiya i psixologiya truda. 2019. V. 4. № 2. P. 153–170. (In Russian)
4. *Deryabo S.D.* Fenomen sub''ektifikacii prirodny'x ob''ektov: Dis. ... d-ra psixol. nauk. Moscow: MGPPU, 2002. 365 p. (In Russian)
5. *Dikevich L.L.* Oby'denny'e predstavleniya o poryadochnom cheloveke: Avtoref. dis. ... kand. psixol. nauk. Moscow: Izd-vo "Institut psixologii RAN", 1999. 28 p. (In Russian)
6. *Eliseeva N.D.* Issledovaniya yakutskogo mentaliteta v psixologii i smezhny'x naukax.Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. V. 21. № 3. P. 695–706. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-3-695-706. (In Russian)
7. *Emel'yanova T.P.* Social'ny'e predstavleniya: Istoriya, teoriya i e'mpiricheskie issledovaniya. Moscow: Izd-vo "Institut psixologii RAN", 2016. 476 p. (In Russian)
8. *Zhuravlev A.L.* Dinamika otnosheniya cheloveka k prirode v postkatastrofny'j period (na primere avarii na ChAE'S. Dinamika social'no-psixologicheskix yavlenij vizmenyayushhemsya obshhestve. Moscow: Izd-vo "Institut psixologii RAN", 1996. P. 186–195. (In Russian)
9. *Kazhenkin I.I.* Kut — sүrүөre'ҕe'. Yakutsk: RG "Media", 2017. 156 p. (In Russian)
10. *Karpova E.B., Isurina G.L., Zhuravlev A.L.* Psixololgichskaya koncepciya otnoshenij V.N. Myasishheva: osnovy' i soderzhanie. Psikhologicheskii zhurnal. 2020. V. 41. № 2. P. 5–14. (In Russian)
11. *Kol'czova V.A., Zhuravlev A.L.* Sushhnostny'e xarakteristiki i faktory' formirovaniya rossijskogo mentaliteta. Psikhologicheskii zhurnal. 2017. V. 38. № 3. P. 5–17. DOI: 10.7868/S0205959217030011. (In Russian)
12. *Larionova L.I., Safronova M.A.* Implicitny'e predstavleniya ob intellektual'no odarennoj lichnosti. Psixologiya. Istoriko-kriticheskie obzory' i sovremenny'e issledovaniya. 2018. V. 1A. № 7. P. 76–82. (In Russian)
13. *Lebedeva N.M., Tatarko A.N., Berri Dzh.U.* Social'no-psixologicheskie osnovy' mul'tikul'turalizma: proverka gipotez o mezhkul'turnom vzaimodejstvii v rossijskom kontekste. Psikhologicheskii zhurnal. 2016. V. 37. № 2. P. 92–104. (In Russian)
14. *Makarov E.D.* Formy' e'kologicheskogo vospitaniya. Yakutsk: Izd-vo MNiPO RS(Ya), 2002. 167 p. (In Russian)

15. Makropsixologiya sovremennogo rossijskogo obshhestva. Eds. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo “Institut psixologii RAN”, 2009. (In Russian)

16. *Marfusalova A.D.* Mudrost’ e’kotradicij severyan. Yakutsk: Izd-vo YaF SO RAN, 2002. 112 p. (In Russian)

17. *Novikov A.G.* O mentalitete saxa. Yakutsk: Izd-vo Analiticheskogo centra pri Prezidente RS(Ya), 1995. 141 p. (In Russian)

18. *Okoneshnikova A.P.* Noruot ujulҕata — iite’r үle’ tire’ҕe’. Yakutsk: Izd-voInstituta povy’sheniya kvalifikacii rabotnikov obrazovaniya RS(Ya), 1996. 175 p. (In Russian)

19. *Popov B.N.* Kul’tura semejnogo vospitaniya narodov Severa. Yakutsk: Bichik, 2000. 64 p. (In Russian)

20. *Portnyagin I.S.* E’tnopedagogika “Kut-sur”. Moscow: Academia, 1999. 164 p. (In Russian)

21. Psihologiya: Uchebnik dlya tehnicheskihvuzov. Ed. V.N. Druzhinina. Saint Petersburg: Piter, 2000. (In Russian)

22. *Repina N.V.*, *Voronczov D.V.*, *Yumatova I.I.* Osnovy’ klinicheskoj psihologii. Rostov-na-Donu: Feniks, 2003. 480 p. (In Russian)

23. *Rubinshtejn S.L.* Chelovek i mir. Saint Petersburg: Piter, 2012, 224 p. (In Russian)

24. Russko-yakutskij slovar’. Eds. P.S. Afanas’ev, L.N. Haritonov. Moscow: Sovetskaya e’nciklopediya, 1968. 720 p. (In Russian)

25. *Savvinov A.S.* Chelovek cherez prizmu “Kut-sur”. Yakutsk: YaNCz SO RAN, 1995. 112 p. (In Russian)

26. *Smirnova Zh.G.* Vliyanie geograficheskogo polozheniya i klimaticheskix osobennostej na nacional’ny’j xarakter russkix. Vestnik slavyanskix kul’tur. 2008. № 3–4 (10). P. 137–141. (In Russian)

27. *Smirnova N.L.* Obraz umnogo rebenka: issledovanie implicitny’x koncepcij. Sovremennaya lichnost’: social’ny’e predstavleniya, my’shlenie, razvitie v norme i patologii. Eds. K.A. Abul’xanova i dr. Moscow: Izd-vo “Institut Psixologii RAN”, 2000. P. 18–25. (In Russian)

28. *Suharev A.V.* Razvitie russkoj mental’nosti. Moscow: Izd-vo “Institut psixologii RAN”, 2017. 398 p. (In Russian)

29. *Tarshis E. Ya.* Mental’nost’ cheloveka: podxody’ k koncepcii i postanovka zadach issledovaniya. Izd. 2. Moscow: Knizhny’j dom “LIBROKOM”, 2012. 88 p. (In Russian)

30. *Haritonova E.V.* Sootnoshenie ponyatij “mentalitet” i “mental’nost’”. Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossijskogo mentaliteta. Eds. V.A. Kol’czova, E.V. Haritonova. Moscow: Izd-vo: “Institut psixologii RAN”, 2015. P. 226–237. (In Russian)

31. *Yurevich A.V.* Bazovy’e komponenty’ nacional’nogo mentaliteta Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossijskogo mentaliteta. Eds. V.A. Kol’czova, E.V. Haritonova. Moscow: Izd-vo: “Institut psixologii RAN”, 2015. P. 240–261. (In Russian)

32. *Azuma K.* Descriptors for an intelligent person: a Japanese study. Japanese Psychological Research, 1987. V. 1. P. 17–26.

33. *Stepanenko E.V.*, *Satraeva J.A.* Language interpretation of the picture of the world through the concept of “mentality”. Nauka i real’nost’. 2020. № 1. P. 30–33. (In Russian)

34. *Sun J.*, *Goodwin G.P.* Do people want to be more moral? Psychological science. 2020. № 31. Iss. 3. P. 243–257. DOI: 10.1177/0956797619893078

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 2, с. 96–104

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

УДК 159.938

НЕЛИНЕЙНЫЙ АНАЛИЗ ВАРИАБЕЛЬНОСТИ СЕРДЕЧНОГО РИТМА: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ[1]

© 2022 г. А. В. Бахчина

ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.
ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского";
603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, Россия.
Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психофизиологии им. В.Б. Швыркова ФГБУН Института психологии РАН; научный сотрудник лаборатории психофизиологической диагностики функциональных состояний Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
E-mail: nastya18-90@mail.ru

Поступила 06.08.2021

Аннотация. Вопрос о закономерностях и принципах взаимосодействия физиологических процессов (мозговых и в целом общеорганизменных) при реализации поведения является актуальным для психологии и ее предметной области — психофизиологии. Методика измерения вариабельности сердечного ритма относительно проста в применении и неинвазивна, а потому подходит для использования в экспериментах с участием людей. Благодаря этим особенностям методики количество психофизиологических исследований с применением анализа вариабельности сердечного ритма выросло в несколько раз за последние два десятилетия. В опубликованной литературе описаны стандарты и рекомендации по использованию данной методики. Однако необходимо учитывать, что при изучении индивида в свободном поведении, а не в предписанном клиническими стандартами покое в анализе вариабельности сердечного ритма возникает ряд особенностей, требующих поправок в интерпретациях. Задачей статьи является обзор современных методов анализа вариабельности сердечного ритма, их возможностей и ограничений при использовании в психологических (в том числе социально-психологических) и психофизиологических исследованиях. Описаны особенности нелинейных методов, обусловливающие эффективность их применения. Обсуждается, что современные алгоритмы анализа нелинейной динамики качественно дополняют традиционные стандарты измерения и интерпретации вариабельности сердечного ритма в применении к актуальным задачам психологии в исследованиях различных аспектов поведения. Данная работа призвана помочь исследователям, планирующим использовать анализ вариабельности сердечного ритма в психологических исследованиях.

Ключевые слова: вариабельность сердечного ритма, нелинейная динамика, энтропия, фрактальность, нейровисцеральные взаимодействия, системно-эволюционный подход.

DOI: 10.31857/S020595920019415-2

Начиная со второй половины XX в. анализ вариабельности сердечного ритма (ВСР) закрепился как объективный метод оценки функционального состояния человека. По показателям ВСР в первую очередь определяли статус вегетативной регуляции сердечного ритма (СР). Легкая в применении и устойчивая к артефактам методика получила распространение в исследованиях спортивной и космической медицины, в задачах контроля функционального состояния человека-оператора, в оценке вегетативного обеспечения эмоциональных и когнитивных аспектов поведения [4].

Вместе с частотой применения измерения ВСР за последние два десятилетия выросло и количество математических подходов к описанию ВСР [42]. Традиционно используются два подхода: статистический и частотный. На их основе сформировалась

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-113-50365.

классическая база интерпретации ВСР в физиолого-медицинских исследованиях [38]. При переносе методики в область психологии было показано, что более информативными оказываются метрики из области нелинейной динамики: энтропийные оценки временно́й последовательности, фрактальные размерности, геометрические характеристики распределений интервалов между ударами сердца в пространствах разной размерности [31]. Это связано с тем, что динамика СР индивида в покое, в относительно стационарном состоянии, как ее рекомендовано измерять в физиологических и медицинских исследованиях, и динамика СР в свободном поведении, которое характеризуется частой сменой поведенческих актов, имеют специфику. У индивида в покое в динамике СР обычно наблюдаются периодические компоненты, а также четко выражена дыхательная аритмия, тогда как в свободном поведении динамика СР становится менее периодической и более комплексной. В данной работе проанализированы особенности (преимущества и ограничения) разных параметров нелинейной динамики ВСР в отличие от классических статистических и спектральных показателей.

С позиций системной психофизиологии любой физиологический процесс вообще и регуляция СР вегетативной нервной системой в частности является процессом адаптации. Активность сердца варьирует для согласования с активностью других распределенных элементов актуализированных функциональных систем [2]. В этом смысле показатели ВСР могут быть использованы как индикаторы изменения набора актуализированных функциональных систем, обеспечивающих реализацию изучаемого поведения. В данной работе проведен обзор результатов применения анализа нелинейной динамики СР в психологических исследованиях, которые показывают, что методы оценки нелинейной динамики ритма сердца позволяют классифицировать внешне сходные поведение и решаемые субъектом задачи по имеющимся у них различиям в структуре актуализированного индивидуального опыта.

ПАРАМЕТРЫ НЕЛИНЕЙНОЙ ДИНАМИКИ ДЛЯ ОЦЕНКИ ВАРИАБЕЛЬНОСТИ СЕРДЕЧНОГО РИТМА

На данный момент принято выделять три математических подхода к анализу ВСР, которые исторически появились в следующем порядке: 1) статистические показатели, 2) спектральные показатели, 3) показатели нелинейной динамики. Как продемонстрировано во многих работах, различные показатели ВСР, будучи производными от одного сигнала, коррелируют друг с другом [20; 22], однако корреляции между показателями не сохраняются постоянными на всем диапазоне их значений. Каждый из математических подходов к анализу ВСР направлен на выделение разных аспектов изучаемого сигнала. Современное развитие методов анализа ВСР связано с исследованиями динамики нелинейных и автономных систем, фрактальности как свойства живых систем, теории сложности, теории хаоса [16].

В отличие от статистических параметров ВСР, которые отражают общую вариативность данных, характеризуя распределения *RR*-интервалов (интервалов времени между соседними ударами сердца), методы нелинейной динамики учитывают временну́ю структуру рассматриваемой последовательности. В связи с этим последовательности, имеющие схожие характеристики распределений и, соответственно, статистические показатели ВСР, могут различаться по структуре временно́й динамики. В таких ситуациях сравниваемые состояния индивида невозможно различить по оценкам среднего и отклонений распределения *RR*-интервалов, однако нелинейный анализ последовательностей *RR*-интервалов позволяет выявить специфику. Например, ассоциированные с диабетом кардиальные нейропатии проявляются в достоверных сдвигах энтропийных метрик СР и не могут быть идентифицированы через анализ статистических показателей ВСР [9].

Методы нелинейной динамики не используют заранее заданных паттернов и функций при анализе структуры последовательности в отличие от методов спектрального анализа (Фурье преобразование, периодограммы, вейвлет-анализ). Как правило, методы спектрального анализа не адаптированы для оценки коротких и нестационарных сигналов, что сильно ограничивает их использование в анализе СР, регистрируемого в свободном поведении индивида. Спектральный анализ направлен на определение периодических компонент в сигнале и не отражает нестационарные изменения в динамике. Однако последовательности со схожей спектральной структурой могут иметь различия в параметрах нелинейной динамики. Например, в случаях неонатального сепсиса показатели аппроксимированной энтропии демонстрировали достоверный сдвиг раньше других индексов [18].

Еще одним достоинством параметров нелинейной динамики ВСР является то, что большинство из них оказываются относительно более устойчивыми, чем

статистические и спектральные показатели, к контролируемо добавляемым в сигнал артефактам и шумам [40], которые часто встречаются в последовательностях *RR*-интервалов, получаемых в свободном поведении индивида.

Таким образом, классические статистические и спектральные показатели, которые продемонстрировали свою информативность в клинической диагностике донозологических состояний [4], не отражают важные свойства динамики СР, связанные с разномасштабной организацией и нестационарными изменениями. Иными словами, они ограничены в оценке всей сложности рассматриваемого сигнала.

С момента стандартизации правил анализа ВСР в клинике и в исследованиях, которые были опубликованы в руководстве 1996 г. [23], накопленные результаты использования методов нелинейной динамики в оценке ВСР стали доступны к сопоставлению и обобщению, однако на данный момент они не получили всесторонней интерпретации. Кроме того, использование новых показателей ВСР, характеризующих его нелинейную динамику, на данный момент затруднено из-за практических проблем (отсутствие стандартизированных диапазонов значений, регламентированных алгоритмов и переменных расчета). При этом стоит отметить, что расширяющееся применение методов нелинейной динамики в медицине и физиологии выдвинуло на первый план понятие сложности изучаемой системы, развиваемое в математических концепциях теории хаоса и дающее возможность предложить более холистичное понимание ВСР. Такой системный подход к ВСР может оказаться более продуктивным, чем традиционные измерения во временно́й и частотной областях, которые интерпретируются в основном упрощенно в терминах вегетативной регуляции [27].

Среди методов нелинейной динамики выделяют две основные группы показателей: оценки фрактальности и оценки энтропии временно́й последовательности *RR*-интервалов.

Оценки фрактальной размерности позволяют определять степень самоподобия, повторяемости паттернов внутри временно́й последовательности. На данный момент фрактальный анализ является наиболее проработанным методом оценки характеристик зашумленных и нестационарных временны́х последовательностей. Такие последовательности типичны для самоорганизующихся систем, поведение которых находится между непредсказуемой случайностью и строго предсказуемой детерминированностью. В контексте ВСР фрактальные оценки отражают различия флуктуаций активности сердца на разных интервалах времени [30]. Соответственно, низкие степени самоподобия на разных интервалах рассмотрения означают бо́льшую случайность, сниженные адаптивность и пластичность системы. Таким образом, оценки фрактальности ВСР могут быть информативными в клинических исследованиях, например в предсказании смертельно опасных сердечно-сосудистых нарушений [30; 37]. Однако на данный момент требуются дополнительные исследования для тестирования предлагаемых порогов и прогностических маркеров [37].

Корреляционная размерность (*correlation dimension*) — широко распространенный алгоритм оценки фрактальной размерности [18]. Корреляционная размерность отражает, как изменяются паттерны динамики в зависимости от интервала времени, в рамках которого они измеряются. В случае с ВСР корреляционная размерность отражает количество динамических переменных, необходимых и достаточных для определения и описания системы, формирующей рассматриваемую последовательность *RR*-интервалов. Более высокая корреляционная размерность связана с большей сложностью динамики СР. Например, в группе здоровых людей оценки корреляционной размерности СР достоверно выше, чем в группах с различными сердечно-сосудистыми отклонениями [18].

В последние годы алгоритм *DFA* (*detrended fluctuation analysis*) стал еще одним распространенным методом фрактального анализа, который аналогичным образом оценивает внутреннюю согласованность сигнала (степень его непредсказуемости) [28]. Алгоритм *DFA* позволяет вычислить корреляции между последовательными *RR*-интервалами в периоды времени разного масштаба. Как правило, для анализа используются записи длительностью в несколько часов. При вычислении *DFA* исключаются какие-либо виды нестационарности в сердечных временных рядах и, следовательно, любые ложные корреляции из-за артефактов нивелируются, что дает преимущество перед другими фрактальными методами [14; 29]. Например, через три месяца после осложненных родов у женщин наблюдалась нормализация состояния, что было видно по показателям *DFA*, в отличие от других (спектральных и статистических) методов анализа ВСР [44]. По показателям *DFA* и других нелинейных методов анализа ВСР удается классифицировать периоды, когда человек слышит эмоциональные звуки разной валентности (“позитивные” и “негативные”) с точностью до 85% [26].

Существует ряд других алгоритмов для оценки фрактальности, предложенных для анализа ВСР:

размерность Хигучи, экспонента Ляпунова и пр. Данные алгоритмы применяются в исследованиях патологических и околопатологических состояний, поскольку их использование в психологических исследованиях затруднено требованиями к длительности анализируемых последовательностей. Как правило, для использования этих процедур требуется последовательность *RR*-интервалов длительностью минимум 1000 точек (примерно 15 мин), поэтому в основном их применяют для анализа суточных записей.

Энтропийные оценки динамики отражают нерегулярность, нестационарность паттернов внутри последовательности.

Аппроксимированная энтропия (*ApEn*) была первой предложена S.M. Pincus для анализа нерегулярности СР и других физиологических сигналов [32]. Выборочная энтропия (*SampEn*) стала развитием алгоритма *ApEn* [35], предназначенным для снижения переоценки регулярности и усиления согласованности оценок при анализе последовательностей разной длительности [18]. Однако важным отличием между двумя алгоритмами является то, что *ApEn* позволяет оценить регулярность на основе коротких временны́х фрагментов, тогда как на основе *SampEn* оценивается весь временно́й ряд [12]. В связи с этим принято считать, что *ApEn* лучше подходит для оценки краткосрочных изменений ВСР, чем *SampEn*, которая чаще используется в качестве глобального индекса вариабельности [17]. В интерпретации результатов расчета *ApEn* и *SampEn* нерегулярность часто отождествляется со сложностью. Однако взаимосвязь между этими свойствами сигнала нелинейная, и потому между ними нельзя ставить знак прямой пропорции на всем диапазоне значений [11]. В итоге *ApEn* и *SampEn* при некоторых патологических синдромах неверно интерпретируют случайность в динамике ВСР как высокую сложность последовательности [10]. Для того чтобы точнее оценивать именно сложность динамики СР, отделяя ее от нерегулярности, связанной со случайным компонентом, был предложен алгоритм мультимасштабной энтропии (*multiscale entropy*, *MSE*) [10]. *MSE* включает оценку нерегулярности последовательности на разных масштабах времени и позволяет, например, определить сниженную сложность динамики СР при таких сердечно-сосудистых патологиях (например, фибрилляция предсердий), при которых наблюдается высокая случайность в динамике СР. Поскольку расчет *MSE* не может быть произведен на таких же коротких интервалах измерения СР, как *SampEn*, в последнее время разрабатываются разного рода модификации *MSE* (*refined MSE* и *refined composite MSE* [43]) для снижения требований к длине анализируемой последовательности. В некоторых работах уже апробировали новые подходы к анализу ВСР, например, при оценке рисков для здоровья у людей с лишним весом [7], для маркирования эпизодов остановки дыхания во время сна [34] и пр. В исследованиях, проведенных в рамках клинической психологии, показано, что характеристики мультимасштабной энтропии достоверно снижаются у пациентов с депрессивными расстройствами [21; 36], отрицательно коррелируя с тяжестью наблюдаемого синдрома [19]. Такие же эффекты наблюдаются и при тревожных расстройствах [13], таких как общее тревожное расстройство, социальное тревожное расстройство, паническое расстройство и посттравматическое стрессовое расстройство [41].

Таким образом, энтропийный анализ ВСР активно развивается, создаются новые алгоритмы, которые имеют преимущества по сравнению с традиционными. С 2010 г. был предложен ряд энтропийных оценок в анализе ВСР: энтропия Лэмпеля [8], перестановочная энтропия как непараметрическая процедура [34], энтропия Реная [9]. Все перечисленные алгоритмы были апробированы в клинической практике и показали свою эффективность. Данные алгоритмы пока не получили такого широкого распространения, как *ApEn* и *SampEn*, из-за ограничений на минимально достаточную длину последовательности. Оценка воспроизводимости результатов исследований и формирование обоснованной интерпретации этих показателей на данный момент затруднены из-за отсутствия единых стандартов для энтропийного анализа ВСР [24]. Однако это является актуальной задачей для исследований ближайшего будущего.

НЕЛИНЕЙНАЯ ДИНАМИКА СЕРДЕЧНОГО РИТМА И СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ

Для объяснения механизмов формирования ВСР сейчас чаще всего применяется концепция уровневой иерархической основы нейровисцеральной интеграции [39]. Основываясь на исследованиях функциональной анатомии, описываются восемь уровней организации нервной системы, которые включены в регуляцию активности сердца и, соответственно, формирование ВСР: 1) внутрикардиальная иннервация; 2) барорефлекторные процессы внутри сердечно-сосудистой системы; 3) координация между внутренними органами на уровне ядер ствола мозга; 4) координация с мышечной и эндокринной активностью на уровне ядер

гипоталамуса; 5) координация с внешней средой на уровне нейронов амигдалы; 6) координация с восприятием текущего состояния субъекта на уровне областей коры (медиальная префронтальная кора, цингулярная кора); 7) координация с восприятием внешней среды на основе предыдущего опыта; 8) координация в соответствии с текущими целями поведения. Следует отметить, что данная концепция является попыткой обосновать включенность активности сердца в организацию поведения субъекта и потому часто используется для интерпретации результатов анализа ВСР в психологических исследованиях.

Однако данная концепция имеет ряд ограничений. Во-первых, в основном авторы оперируют результатами работ, в которых ВСР сопоставляется с данными компьютерной магнитно-резонансной томографии мозга (фМРТ). Для характеристики ВСР используется по большей части только показатель мощности высокочастотных колебаний в спектре *RR*-интервалов (*HF*). Кроме того, выделение уровней координации не имеет строго обоснованного единого критерия. Фактически, если первые 5 уровней разделяются по анатомо-функциональному критерию, то 6, 7 и 8 уровни, имеющие единую нейрофизиологию, разделены без обоснований.

Динамика ВСР может быть объяснена с иных теоретических позиций, предполагающих учет различий в структуре поведения. В рамках системно-эволюционного подхода (см. подробнее в [2]) ВСР рассматривается как отражение включенности сердца в функциональные системы (ФС), обеспечивающие реализацию поведения. ВСР, таким образом, представляет собой постоянную “адаптацию” активности сердца к активности остальных компонентов актуализируемых общеорганизменных ФС в поведенческом континууме [6].

Системно-эволюционный подход предполагает рассматривать ВСР как результат более сложных и системных общеорганизменных процессов, чем классическое возбуждение и торможение ряда структур головного мозга (регуляторных центров). ВСР зависит от многих факторов: физиологических, психологических, средовых, генетических и пр., и является психофизиологическим феноменом, формируемым в целостной организации субъекта поведения [15]. Исходя из системных представлений об общеорганизменной организации субъекта поведения можно заключить, что активность сердца варьирует для согласования с активностью других актуализированных ФС, обеспечивающих реализацию поведения. Такая непрерывная координация физиологически осуществляется за счет эфферентных и афферентных нервных волокон парасимпатической и симпатической вегетативной нервной системы. В филогенетическом ряду увеличиваются количество иннервирующих сердце нервов и плотность волокон в них [33], т.е. наблюдается усложнение нейровисцеральной координации. Иными словами, активность сердца, включаясь как компонент в общеорганизменный процесс — поведение, оказывается связана с его характеристиками. К таким характеристикам можно отнести, например, домен индивидуального опыта (approach/withdrawal (приближение/отдаление)), “возраст” формирования и дифференцированность поведения. Эти и прочие аспекты поведения интенсивнее проявляются в нелинейных характеристиках динамики СР, чем в классических статистических и спектральных показателях.

Например, показано, что при реализации поведения, сформированного на относительно более ранних этапах развития (более “старого”), ВСР по показателям энтропии ниже, чем при реализации поведения, приобретенного на относительно более поздних этапах развития (более “нового”) [6]. При этом отсутствовали отличия ВСР по статистическим показателям. С позиций системно-эволюционного подхода такая динамика сложности СР объясняется разницей наборов ФС, актуализируемых для реализации поведения, сформированного на разных этапах индивидуального развития. ФС как элемент структуры индивидуального опыта фиксирована в специализации распределенной группы нейронов. Поскольку формирование новой ФС в процессе научения не вытесняет ранее сформированные ФС из уже имеющейся структуры индивидуального опыта, а новая ФС добавляется к ней, то развитие индивида проявляется как усложнение структуры индивидуального опыта за счет увеличения в ней ФС и связей между ними, обеспечивающих все более дифференцированное соотношение индивида со средой [2]. Поведение, сформированное на более поздних этапах развития, является, как правило, более дифференцированным соотношением организма со средой (более точным и детализированным) и обеспечивается сравнительно бóльшим набором систем и межсистемных связей, чем поведение, сформированное на более ранних этапах развития. Это объясняет, почему при реализации поведения, сформированного на более ранних стадиях индивидуального развития, сложность динамики СР ниже, чем при реализации поведения, сформированного позднее в индивидуальном развитии. В связи с тем, что работа сердца зависит от цели поведения, эта работа может обеспечиваться активностью разных наборов центральных

и периферических нейронов. ВСР зависит от базовых характеристик системной организации реализуемого поведения: чем более разнообразное поведение реализуется индивидом, тем большая ВСР при этом наблюдается. Напротив, в условиях отсутствия поведения (сон, наркоз, кома) или длительного повторения "одного и того же" простого поведения (монотония) наблюдаются снижение ВСР или периодическая (упрощенная) структура изменений СР [34]. Еще одним проявлением описанной закономерности являются эмпирические данные о том, что при обратимой системной дедифференциации (обратимом увеличении вклада более рано сформированных систем в обеспечение поведения [1]), индуцированной приемом алкоголя или острым стрессом, ожидаемо уменьшается сложность динамики СР (по показателям энтропии) [6].

Сходные эффекты были показаны и для социального поведения. Выявлено, что особенности принятия решения в социально значимых ситуациях (при решении моральных дилемм) отражаются в динамике сложности СР (оценивалась по показателю перестановочной энтропии). При оценке моральных дилемм, среди альтернатив решений которых было нанесение вреда другому субъекту бездействием или нанесение вреда нескольким субъектам активным действием, участники демонстрировали более высокие значения энтропии сердечного ритма [3], чем при оценке моральных дилемм с другими более простыми альтернативами: нанесение вреда другому субъекту через контакт или бесконтактно. При этом различий ВСР по статистическим показателям не было обнаружено. Понимание косвенных причинно-следственных связей в социальном взаимодействии формируется в развитии позднее, чем понимание прямых связей. Сложные соотношения с окружающей средой, в том числе в социальных контекстах, требуют актуализации более дифференцированной структуры индивидуального опыта, включающей системы, формируемые относительно поздно в развитии, что отражается в более высокой сложности динамики СР.

Индивидуальные особенности (например, тип ментальности) также могут проявляться в динамике нелинейных показателей ВСР. При сравнении групп людей с аналитическим и холистическим типом ментальности было продемонстрировано, что сложность динамики СР, оцениваемая с помощью выборочной энтропии, в аналитической группе была выше, чем в холистической во время решения когнитивных задач, и не отличалась от холистической группы в состоянии покоя [5]. Важно подчеркнуть, что не наблюдалось межгрупповых различий по статистическим показателям ВСР. При этом в группе аналитиков наблюдались более длительное время ответа и более высокая сложность СР при оценке размеров объекта относительно фона (холистическая задача), чем при оценке его независимо от фона (аналитическая задача). В холистической группе не наблюдалось различий во времени ответа или сложности СР между этими задачами. Это означает, что различия в системной организации индивидуального поведения, связанные с холистическим и аналитическим типами ментальности, могут отражаться не только в активности мозга, как было многократно показано ранее с использованием методов фМРТ и ЭЭГ, но также и на уровне нейровисцеральной координации, что проявляется в динамике нелинейных показателей ВСР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что современные алгоритмы анализа нелинейной динамики качественно дополняют традиционные стандарты измерения и интерпретации ВСР в применении к актуальным задачам психологии в исследованиях различных аспектов поведения. При этом использование методов нелинейной динамики в анализе ВСР оказывается эффективно для анализа и классификации состояний субъекта поведения с большей дискретностью [25]. Особенности поведения, не обнаруживаемые в статистических и спектральных показателях ВСР, проявляются в достоверных различиях в динамике нелинейных показателей. Дальнейшее развитие математических подходов для анализа нелинейной динамики СР предполагает формирование регламентированных процедур вычислений, определение характерных порогов диапазона "нормальных" значений и формирование общей системной интерпретации этих показателей.

На данный момент развитие методов анализа ВСР направлено также в область искусственного интеллекта [8]. Накопленные базы данных физиологических сигналов, в том числе активности сердца, позволяют применять алгоритмы машинного обучения для выделения еще более тонкой специфики в задачах классификации состояний и поведения человека. Кроме того, такие подходы позволяют оперировать еще более короткими последовательностями СР (10–30 сек), не ограничены требованием стационарности сигнала и через процедуры разного рода нормирования могут учитывать широкий диапазон индивидуальных особенностей человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
REFERENCES

1. *Alexandrov Y.I.*, *Feldman B.*, *Svarnik O.E.*, *Znamenskaya I.I.*, *Kolbeneva M.G.*, *Arutyunova K.R.*, *Krylov A.K.*, *Bulava A.I.* Regression I. Experimental approaches to regression // Journal of Analytical Psychology. 2020. V. 65. № 2. P. 345–365.
2. *Alexandrov Yu.I.*, *Sozinov A.A.*, *Svarnik O.E.*, *Gorkin A.G.*, *Kuzina E.A.*, *Gavrilov V.V.* Neuronal bases of systemic organization of behavior. Advances in Neurobiology // Systems Neuroscience / Cheung-Hoi Yu A., Li L. Springer, Cham, 2018. № 21. P. 1–33.
3. *Arutyunova K.R.*, *Bakhchina A.V.*, *Sozinova I.M.*, *Alexandrov Y.I.* Complexity of heart rate variability during moral judgement of actions and omissions // Heliyon. 2020. V. 6. № 11. e05394. doi:10.1016/j.heliyon.2020.
4. *Baevsky R.*, *Chernikova A.* Heart rate variability analysis: physiological foundations and main methods // Cardiometry. 2017. P. 66–76. DOI: 10.12710/cardiometry.2017.10.6676
5. *Bakhchina A.V.*, *Apanovich V.V.*, *Arutyunova K.R.*, *Alexandrov Y.I.* Analytic and Holistic Thinkers: Differences in the Dynamics of Heart Rate Complexity When Solving a Cognitive Task in Field-Dependent and Field-Independent Conditions // Frontiers in Psychology. 2021. V. 26. № 12. 762225. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.762225
6. *Bakhchina A.V.*, *Arutyunova K.R.*, *Sozinov A.A.*, *Demidovsky A.V.*, *Alexandrov Yu.I.* Sample Entropy of the Heart Rate Reflects Properties of the System Organization of Behaviour // Entropy. 2018. V. 20. № 449. DOI: 10.3390/e20060449
7. *Cabiddu R.*, *Trimer R.*, *Borghi-Silva A.*, *Migliorini M.*, *Mendes R.G.*, *Oliveira A.D.* Are complexity metrics reliable in assessing HRV control in obese patients during sleep? // PLoS One. 2015. V. 10. № 4. e0124458. DOI: 10.1371/journal.pone.0124458
8. *Cheffer A.*, *Savi M.A.*, *Pereira T.L.*, *de Paula A.S.* Heart rhythm analysis using a nonlinear dynamics perspective // Applied Mathematical Modelling. 2021. V. 96. P. 152–176. DOI: 10.1016/j.apm.2021.03.014
9. *Cornforth D.J.*, *Tarvainen M.P.*, *Jelinek H.F.* How to calculate Renyi entropy from heart rate variability, and why it matters for detecting cardiac autonomic neuropathy // Front Biotechnology and Bioengineering. 2014. № 2. 34. DOI: 10.3389/fbioe. 2014.00034
10. *Costa M.*, *Goldberger A.L.*, *Peng C.K.* Multiscale entropy analysis of biological signals // Physical Review. 2005. V. 71. 021906.
11. *Costa M.D.*, *Peng C.K.*, *Goldberger A.L.* Multiscale analysis of heart rate dynamics: entropy and time irreversibility measures // Cardiovasc Eng. 2008. V. 8. № 2. P. 88–93. DOI: 10.1007/s10558-007-9049-1
12. *Delgado-Bonal A.*, *Marshak A.* Approximate entropy and sample entropy: a comprehensive tutorial // Entropy. 2019. V. 21. № 6. 541.
13. *Dimitriev D.A.*, *Saperova E.V.*, *Dimitriev A.* State anxiety and nonlinear dynamics of heart rate variability in students // PLoS One. 2016. V. 11. e0146131.
14. *Echeverria J.*, *Woolfson M.*, *Crowe J.*, *Hayes-Gill B.*, *Croaker G.*, *Vyas H.* Interpretation of heart rate variability via detrended fluctuation analysis and alpha beta filter // Chaos Interdiscip. J. Nonlinear Sci. 2003. № 13. P. 467–475.
15. *Ernst G.* Heart-Rate Variability — more than heart beats? // Front. Public Health. 2017. V. 5. 240. DOI: 10.3389/fpubh.2017.00240
16. *Ernst G.* Hidden Signals — the history and methods of heart rate variability // Frontiers Research Foundation. 2017. V. 5. 265. DOI: 10.3389/fpubh.2017.00265
17. *Faes L.*, *Gómez-Extremera M.*, *Pernice R.*, *Carpena P.*, *Nollo G.*, *Porta A.*, *Bernaola-Galván P.* Comparison of methods for the assessment of nonlinearity in short-term heart rate variability under different physiopathological states // Chaos: An Interdisciplinary Journal of Nonlinear Science. 2019. № 29. 123114.
18. *Henriques T.*, *Ribeiro M.*, *Teixeira A.*, *Castro L.*, *Antunes L.*, *Costa-Santos C.* Nonlinear methods most applied to heart-rate time series: a review // Entropy. 2020. № 22. 309.
19. *Koenig J.*, *Kemp A.H.*, *Beauchaine T.P.*, *Thayer J.F.*, *Kaess M.* Depression and resting state heart rate variability in children and adolescents — A systematic review and meta-analysis // Clinical Psychology Review. 2016. № 46. P. 136–150.
20. *Laborde S.*, *Mosley E.*, *Thayer J.F.* Heart rate variability and cardiac vagal tone in psychophysiological research — recommendations for experiment planning, data analysis, and data reporting // Frontiers in Psychology. 2017. № 8. 213. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00213
21. *Leistedt S.J.*, *Linkowski P.*, *Lanquart J.P.*, *Mietus J.*, *Davis R.B.*, *Goldberger*, *A.L.*, *Costa M.D.* Decreased neuroautonomic complexity in men during an acute major depressive episode: Analysis of heart rate dynamics // Translational Psychiatry. 2011. V. 1. e27.
22. *Makowski D.*, *Pham T.*, *Lau Z.J.*, *Brammer J.C.*, *Lespinasse F.*, *Pham H.*, *Schölzel C.*, *Chen S.A.* NeuroKit2: A Python toolbox for neurophysiological signal processing // Behavior Research Methods. 2021. DOI: 10.3758/s13428-020-01516-y
23. *Malik M.* Heart rate variability: Standards of measurement, physiological interpretation, and clinical use // Circulation. 1996. 93. 1043–1065.
24. *Mayer C.C.*, *Bachler M.*, *Hortenhuber M.*, *Stocker C.*, *Holzinger A.*, *Wassertheurer S.* Selection of entropy-measure parameters for knowledge discovery in heart rate variability data // BMC Bioinformatics. 2014. V. 15. P. 1–11.
25. *Mourot L.*, *Bouhaddi M.*, *Gandelin E.*, *Cappelle S.*, *Nguyen N.U.*, *Wolf J.P.*, *Rouillon J.D.*, *Hughson R.*, *Regnard J.* Conditions of autonomic reciprocal interplay versus autonomic co-activation: effects on non-linear heart rate

dynamics // Autonomic Neuroscience. 2007. V. 137. № 2. P. 27–36. DOI: 10.1016/j.autneu.2007.06.284

26. *Nardelli M.*, *Valenza G.*, *Greco A.*, *Lanata A.*, *Scilingo E.P.* Recognizing Emotions Induced by Affective Sounds through Heart Rate Variability // IEEE Transactions on Affective Computing. 2015. V. 6. № 4. P. 385–394. DOI: 10.1109/TAFFC.2015.2432810
27. *Nicolini P.*, *Ciulla M.M.*, *De Asmundis C.*, *Magrini F.*, *Brugada P.* The prognostic value of heart rate variability in the elderly, changing the perspective: from sympathovagal balance to chaos theory // Pacing and Clinical Electrophysiology. 2012. V. 35. № 5. P. 622–638. DOI: 10.1111/j.1540-8159.2012.03335.x
28. *Peng C.K.*, *Havlin S.*, *Stanley H.E.*, *Goldberger A.L.* Quantification of scaling exponents and crossover phenomena in nonstationary heartbeat time series // Chaos: An Interdisciplinary Journal of Nonlinear Science. № 5. P. 82–87.
29. *Penzel T.*, *Kantelhardt J.W.*, *Grote L.*, *Peter J.H.*, *Bunde A.* Comparison of detrended fluctuation analysis and spectral analysis for heart rate variability in sleep and sleep Apnea // IEEE Transactions on Affective Computing. 2003. № 50. P. 1143–1151.
30. *Perkiomaki J.S.*, *Makikallio T.H.*, *Huikuri H.V.* Fractal and complexity measures of heart rate variability // Clinical and Experimental Hypertension. 2005. V. 27. № 2. P. 149–158.
31. *Pham T.*, *Lau Z.J.*, *Chen S.H.A.*, *Makowski D.* Heart rate variability in psychology: a review of HRV indices and an analysis tutorial // Sensors (Basel). 2021. V. 21. № 12. 3998. DOI: 10.3390/s21123998
32. *Pincus S.M.* Approximate entropy as a measure of system complexity // Proceedings of the National Academy of Sciences. 1991. V. 88. № 6. P. 2297–2301. DOI: 10.1073/pnas.88.6.2297
33. *Porges S.W.* The Polyvagal theory: phylogenetic contributions to social behavior // Physiology and Behavior. 2003. V. 79. № 3. P. 503–513.
34. *Ravelo-García A.G.*, *Navarro-Mesa J.L.*, *Casanova-Blancas U.*, *Martin-Gonzalez S.*, *Quintana-Morales P.*, *Guerra-Moreno I.*, *Canino-Rodríguez J.M.*, *Hernández-Pérez E.* Application of the permutation entropy over the Heart Rate Variability for the Improvement of Electrocardiogram-based Sleep Breathing Pause Detection // Entropy. 2015. № 17. P. 914–927. DOI: 10.3390/e17030914
35. *Richman J.S.*, *Moorman J.R.* Physiological time-series analysis using approximate entropy and sample entropy // American Journal of Physiology — Heart and Circulatory Physiology. 2000. № 278. H2039–H2049.
36. *Schulz S.*, *Koschke M.*, *Bär K.-J.*, *Vossl A.* The altered complexity of cardiovascular regulation in depressed patients // Institute of Physics and Engineering in Medicine Physiological Measurement. 2010. V. 31. № 3. P. 303–321.
37. *Sen J.*, *McGill D.* Fractal analysis of heart rate variability as a predictor of mortality: A systematic review and meta-analysis // Chaos: An Interdisciplinary Journal of Nonlinear Science. 2018. № 28. 072101. DOI: 10.1063/1.5038818
38. *Shaffer F.*, *Ginsberg J.* An Overview of Heart Rate Variability Metrics and Norms // Frontiers in Public Health. 2017. № 5. 258.
39. *Smith R.*, *Thayer J.F.*, *Khalsa S.S.*, *Lane R.D.* The hierarchical basis of neurovisceral integration // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2017. № 75. P. 274–296. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2017.02.003
40. *Stapelberg N.J.C.*, *Neumann D.L.*, *Shum D.H.K.*, *McConnell H.*, *Hamilton-Craig I.* The sensitivity of 38 heart rate variability measures to the addition of artifact in human and artificial 24-hr cardiac recordings // Annals of Noninvasive Electrocardiology. 2018. V. 23. № 1. e12483. DOI: 10.1111/anec.12483
41. *Thome J.*, *Densmore M.*, *Frewen P.A.*, *McKinnon M.C.*, *Théberge J.*, *Nicholson A.A.*, *Koenig J.*, *Thayer J.F.*, *Lanius R.A.* Desynchronization of autonomic response and central autonomic network connectivity in posttraumatic stress disorder // Human Brain Mapping. 2017. V. 38. № 1. P. 27–40. DOI: 10.1002/hbm.23340
42. *Tiwari R.*, *Kumar R.*, *Malik S.*, *Raj T.*, *Kumar P.* Analysis of heart rate variability and implication of different factors on heart rate variability // Current Cardiology Reviews. 2020. № 31. DOI: 10.2174/1573403X16999201231203854
43. *Wu S.-D.*, *Wu C.-W.*, *Lin S.-G.*, *Lee K.-Y.*, *Peng C.-K.* Analysis of complex time series using refined composite multiscale entropy // Physics Letters. 2014. № 378. P. 1369–1374.
44. *Yeh R.G.*, *Shieh J.S.*, *Chen G.Y.*, *Kuo C.D.* Detrended fluctuation analysis of short-term heart rate variability in late pregnant women // Autonomic Neuroscience. 2009. V. 150 (1–2). P. 122–126. DOI: 10.1016/j.autneu.2009.05.241

NONLINEAR ANALYSIS OF HEART RATE VARIABILITY: POSSIBILITIES OF USE IN PSYCHOLOGICAL RESEARCH[2]

A. V. Bakhchina

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.
National Research University Nizhny Novgorod State University Named after N.I. Lobachevsky;
603950, Nizhny Novgorod, Gagarin Ave, 23, Russia.
PhD (Psychology), Research Assistant, Laboratory of Psychophysiology Named after V.B. Shvirkov, Institute of Psychology RAS; Research Assistant, Laboratory of Psychophysiological Diagnostics of Functional States, National Research University Nizhny Novgorod State University Named after N.I. Lobachevsky.
E-mail: nastya18-90@mail.ru

Received 06.08.2021

Abstract. The question of the patterns and principles of the physiological processes' interaction (brain and body) in the organization of behavior is still relevant for psychology and psychophysiology. Heart rate variability indicators have been used as reliable and objective indicators of the activity of the autonomic nervous system. It is a relatively easy-to-use technique for data collection, non-invasive, and available for use in experiments on people. Therefore, the number of psychophysiological studies with the analysis of heart rate variability has increased several times over the past two decades. In the published literature, clinical standards and recommendations for the use of this technique and a number of meta-analyses are available. At the same time, there are a number of limitations and corrections in interpretations of heart rate variability measured not in the rest condition. The purpose of the article is to review modern approaches to the heart rate variability methodology in psychological (including social-psychological studies) and psychophysiological (including in the field of systems psychophysiology) experiments, possibilities, and limitations in the interpretation of nonlinear heart rate indicators in determining systems characteristics of the individual's behavior. This work is intended to help researchers planning to use heart rate variability, conducting a psychological experiment.

Keywords: heart rate variability, non-linear dynamics, entropy, fractal temporary structure, neurovisceral integration, system-evolutionary approach.

[2] The reported study was funded by RFBR, project № 20-113-50365.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 2, с. 105–115

ПСИХОЛОГИЯ И ИНТЕРНЕТ

УДК 316.62

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТОВ В ПСИХОЛОГИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ МИРОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ[1]

© 2022 г. Д. А. Китова*, А. Л. Журавлев**

ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, стр. 1, Россия.
**Доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии.*
E-mail: j-kitova@yandex.ru
***Академик РАН, профессор, научный руководитель Института психологии РАН.*
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Поступила 17.08.2021

Аннотация. Показывается, что повсеместное распространение информационных технологий актуализирует проблему перехода к автоматизированному анализу “цифровых следов” в Интернете, представленных в текстовых форматах. Раскрывается, как такого рода анализ используется для выявления разнообразных психологических свойств и состояний человека (отдельных социальных групп и общества в целом). Отмечается, что при развитии технологий анализа “цифровых следов” проявляются две основные тенденции. Первая из них применяется при обработке объективных данных информационного плана. Это полезно для соотнесения последних с психологическими характеристиками пользователей. Вторая непосредственно связана с поиском субъективной (психологической) информации, что требует использования трудоемких информационных и психологических процедур. В качестве примеров подобного рода исследований приводятся такие работы, как: анализ динамики наиболее актуальных проблем в психологической науке и повседневном общении ученых или пользователей социальных сетей; выявление психологических характеристик личности и гендерных особенностей; прогнозирование поведенческих эффектов (результатов экзамена или новой тематики в психологии) и т.д. Рассматриваются случаи использования информационных технологий анализа в различных областях психологии — экономической, юридической, клинической, а также в психологии управления, труда, искусства, СМИ и др. Предполагается, что проведенный анализ зарубежных исследований будет полезен для развития отечественной психологии, а изучение “цифровых следов” в психологии можно частично квалифицировать как “смену парадигм” эмпирического изучения социальных явлений (со своими преимуществами и проблемами). Кроме того, автоматизированные методы могут играть важную роль в обнаружении макропсихологических закономерностей развития общества, в частности привыявлении связей между массовыми психологическими характеристиками населения и сложившимися социально-экономическими условиями развития конкретного общества.

Ключевые слова: Интернет, социальные сети, “цифровые следы”, автоматизированный анализ, отрасли психологии, тенденции исследований, социальные явления.

DOI: 10.31857/S020595920019417-4

По сведениям, представленным в начале 2021 г., более 4.66 млрд человек в мире пользуются Интернетом, аудитория участников социальных сетей превысила 4.2 млрд, что составляет 53.6% населения планеты. Повсеместное распространение информационных технологий вносит значительный вклад в укрепление межкультурных связей, трансформирует привычные социальные модели поведения, оказывает влияние на течение многих социальных процессов, воздействуя на их структуру, направленность и динамику.

В условиях развития информационных технологий изучение важнейших психологических явлений также стало возможным благодаря автоматизированному анализу”цифровых следов” (текстов, сообщений, информационных релизов и т.д.), представленных в интернет-пространстве [2; 17; 21; 27; 35]. Непрерывное увеличение текстов, обсуждаемых пользователями проблем и вычислительных мощ-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-113-50385.

ностей, делает их освоение насущной необходимостью.

В современных условиях оказалось возможным применение автоматизированного анализа текстов для выявления у человека (групп, общества) разнообразных психологических свойств и состояний, таких как индивидуально-личностные различия, уровень интеллекта, характер интереса, мотивационная направленность, ложные утверждения в текстах, групповая динамика, культурные изменения, особенности разного рода отношений и др. Высокую эффективность показали и результаты исследований персонализированного воздействия, выполненные в различных прикладных областях знания (политика, экономика, здравоохранение). Так, например, личностно-ориентированная реклама в поддержку политика позволила резко улучшить отношение избирателей к нему (Л. Кротзек). В сфере маркетинга анализ “лайков” в Фейсбуке и информации о личностных чертах пользователей позволил повысить продажу рекламируемых товаров на 50% в случае совпадения личностных особенностей и типа сообщения (С. Матз).

Так, данные о том, что люди предпочитают просматривать сообщения, которые соответствуют их личностной позиции по поводу той или иной проблемы, позволили определить, что использование такого “поддерживающего” подхода приводит к изменению установок пользователей относительно новых технологий (С. Кноблох—Вестервик).

Некоторым недостатком развития данного направления является то, что разработкой машинных/интеллектуальных методов анализа информации успешно занимаются в основном программисты и лингвисты, хотя развитие этого методического подхода имеет большое значение для социогуманитарных наук в целом и для психологии в частности.

Недостаточное внимание психологов к машинным технологиям исследования пока остается актуальной научно-практической проблемой, не получившей своего разрешения среди отечественных специалистов, хотя в зарубежных исследованиях данная трудность не встречается.

Сказанное выше позволяет предположить, что представленный ниже анализ современных информационно-психологических исследований, выполненных с помощью автоматизированных систем, будет полезен для развития отечественной психологии и освоения инновационных научных технологий.

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ МИРОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В современном исследовательском пространстве технологий анализа “цифровых следов” в Интернете существуют две основные тенденции развития. Первая связана с фиксированием и обработкой *объективных* явлений, происходящих в виртуальном пространстве, к которым относится представленная в научной литературе информация о количественных характеристиках пользователей социальных сетей, динамике их суточной активности, результатах анализа сетевой репутации или “лайков” в Facebook. Все перечисленное не несет прямой психологической информации, но в последующем позволяет соотносить индивидуальные особенности пользователей с их объективными характеристиками (пол, возраст, география проживания, частота обращения к информационным ресурсам и т.д.).

Вторая тенденция связана с поиском *субъективной* информации, которая не может быть получена непосредственным образом и для получения которой требуются трудоемкие компьютерные алгоритмы, а также обоснованные теоретические концепции для анализа полученных данных [3; 28; 33; 34; 38; 40; 44]. Такие исследования позволили выявить, например, следующие факты: люди, находящиеся в депрессии, используют больше слов, связанных с негативными эмоциями; лица, пытающиеся ввести других в заблуждение, намеренно обманывающие, чаще используют слова из категории движений и реже — слова, связанные с причинно-следственными объяснениями; за последние два столетия слова, связанные с индивидуализмом и независимостью, стали употребляться чаще, а частота слов, выражающих заботу о других людях и оценку их моральных качеств, снизилась и т.д.

Анализ динамики проблем, изучаемых в психологии. Проведено картографирование 40-летней истории динамики основных тем и содержания научных статей в журнале “Кросскультурная психология” (JCCP). Предполагалось (с учетом популярности журнала), что динамика проблематики публикаций отражает общее состояние и тенденции мировых исследований в этой области. Авторы выявили изначально наиболее выраженную ориентацию публикаций в журнале, направленную на исследования по экспериментальной психологии (с упором на развитие ребенка в раннем возрасте). В настоящее же время большое внимание уделяется особенностям культур, в частности изучению ценностных ориентаций личности и групп, а также аккультурации

больших социальных сообществ. Общий вывод исследования связан с утверждением, что на современном этапе развития в анализируемом издании ведущее значение приобретают работы из области социальной психологии и психологии личности [11]. Выводы сделаны на основе изучения 1416 статей, сгруппированных по десятилетиям, с методологических позиций исследование проведено с использованием программы Leximancer[2], которая содержит большие возможности соответствующего анализа научных направлений современной отечественной психологии.

Выявление психологических характеристик личности посредством анализа текстов. Авторы предположили, что сообщения в социальных сетях являются отражением поведения пользователей в различных повседневных ситуациях [26]. Поэтому изучение характера поведенческих реакций, отраженных в текстах сообщений, могут быть использованы для определения темперамента человека, подобно тому, как это происходит в обширных исследованиях по анализу эмоционального фона сообщений, а также в набирающих популярность исследованиях по определению психологических характеристик личности по текстам. Анализ, проведенный в соответствии с классификацией структуры темпераментов Д. Кейрси посредством нейронных сетей, показал, что уровень точности определения темперамента по текстам сообщений пользователей достигает 70% и выше для типов Artisan и Guardian[3].

Анализ гендерных особенностей поведения. Появление пользовательского контента и онлайн-сообществ расширило сферу гендерных исследований [37; 39]. В этом отношении целесообразно обратить внимание на анализ различий среди пользователей мужского и женского пола в технологических онлайн-сообществах [36]. Исследование проведено на основе изучения сообщений в социальных сетях: в работе использованы данные сообщества Python Technology Community, а в качестве модели — модель LDA (Latent Dirichlet Allocation[4]), анализ настроений и регрессионный анализ. Авторы акцентировали внимание на характере эмоциональных состояний и активности пользователей в ходе обсуждения различных тем среди представителей мужского и женского пола. Результаты позволили прийти к следующим заключениям:

— мужчины в сообществах, как правило, запрашивают и предоставляют *информационную* помощь, в то время как женщины предпочитают межличностное *общение* и поиск *единомышленников*, а также проявляют повышенный интерес к *рекламной* продукции;

— как мужчины, так и женщины при общении выражают в основном *положительные эмоции*, которые женщинами выражаются *чаще*;

— эмоциональные состояния мужчин и женщин, обсуждающих различные темы, влияют на уровень их активности в сообществе, при этом *активность* пользователей женского пола *эмоционально* более выражена.

Анализ психологических трендов повседневной жизнедеятельности. Исследование, проведенное в связи с пандемией коронавирусной инфекции в социальной сети Twitter (2020 г.), показало, что число сообщений о коронавирусе резко возрастало по мере усиления пандемии, продемонстрировав беспрецедентный рост за очень короткий промежуток времени. Рассмотрение данного процесса предполагало два типа эмпирической оценки. Первый связан с анализом *частоты употребления* слов, используемых в Интернете, с целью определения закономерностей или тенденций изменения этой характеристики; а второй — с изучением *эмоционального фона* сообщений, что позволило фиксировать и отслеживать динамику психологических состояний пользователей Твиттера в условиях пандемии. Авторы проанализировали сообщения, поступающие от рядовых пользователей социальной сети (населения) и от Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Основными методами анализа выступили частотный анализ с использованием биграмм и триграмм, смоделированных степенным законом распределения, результаты выводились с использованием суммы квадратов регрессии (SSE), R2[5] и среднеквадратичной ошибки (RMSE). Итоговые результаты показали, что большинство твитов (как рядовых пользователей, так и сообщений ВОЗ) имели положительную модальность и только около 15% из них были отрицательными [32]. При этом твиты ВОЗ сохраняли положительный фон в 60.27%

[2] Программа, направленная на выявление ключевых тем (keythemes), концептов (concepts) в электронных документах дополнительно позволяет выводить статистику, производить частотный анализ слов и их категоризацию.

[3] Д. Кейрси выделил четыре типа темперамента: Guardian (сенсорно-планирующий — SJ), Artisan (сенсорно-перцептивный — SP), Idealist (интуитивно-чувствующий — NF), Rational (интуитивно-мыслящий — NT).

[4] Применяемая в машинном обучении порождающая модель позволяет объяснять результаты наблюдений с помощью неявных групп, благодаря чему возможно выявление причин сходства некоторых частей данных.

[5] В регрессии коэффициент детерминации R2 является статистической мерой того, насколько хорошо предсказания регрессии соответствуют реальным данным.

случаев. Среди населения этот показатель достигал лишь 29.33%. Твиты с нейтральным эмоциональным фоном представили 54.92% пользователей сети, среди сообщений ВОЗ этот процент составил 24.05%.

Общий вывод связан с утверждением, что ВОЗ в основном поддерживала позитивный фон сообщений, а среди населения лидировали нейтральные/сдержанные оценки происходящего (см. также [15]). Скорее всего, это объясняется более высокой значимостью и ответственностью сообщений негативного содержания, исходящих от ВОЗ, что вызывало сдержанность в высказываниях ее представителей.

Прогнозирование поведенческих эффектов. В качестве примера можно обратить внимание на изучение влияния психологических характеристик студентов на их успеваемость. Исследование проведено с целью прогнозирования ожидаемых/предстоящих результатов академической успеваемости обучающихся по завершению шестого (заключительного) семестра.

В качестве исходных данных модели авторами избраны предыдущие результаты успеваемости: итоговые баллы аттестата зрелости, вступительных экзаменов и периода обучения в вузе за пять предыдущих семестров.

Для анализа использовались два алгоритма, функционирующих на основе машинного обучения: нейронная сеть для числового прогнозирования CGPA[6] и деревья решений[7] — для прогнозирования возможных неудач в шестом семестре. Эффективность моделей оценивалась с использованием коэффициента корреляции R и среднеквадратичной ошибки. В качестве фоновых психологических факторов были зафиксированы мотивационные характеристики студентов, способность к обработке информации и ряд других навыков, признанных в научном сообществе воздействующими на результаты обучения.

Выявлено, что определяющее значение для прогнозирования результатов экзамена имеют уровень мотивации студентов и скорость восприятия информации при работе с учебными материалами [20].

[6] Использована модель прогнозирования совокупного среднего балла (CGPA).

[7] Непараметрический метод обучения нейронной сети, используемый для решения задач как Классификации (Classification), так и Регрессии (Regression). Метод направлен на создание модели, предсказывающей значение Целевой переменной (Target Feature), посредством анализа правил принятия решений, обнаруживаемых из характеристик исходных данных.

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ В РАЗЛИЧНЫХ ОБЛАСТЯХ ПСИХОЛОГИИ

Поиск наиболее популярных тем психологических исследований. С целью поиска маркеров наиболее популярных проблем в психологии обычно проводится анализ содержания онлайн-общения психологов в Twitter [5–8; 42]. В одном из исследований авторами было собрано 69 963 твита, опубликованных в период с августа 2007 по июль 2020 г. и взятых из 139 аккаунтов профессоров психологии, а также преподавателей факультетов психологии и сотрудников исследовательских институтов из немецкоязычных стран, а также представителей Немецкого психологического общества (DGP). Намерения авторов были связаны с выделением тематических направлений и их последующей (пролонгированной) проверкой в будущем с целью выявления исследовательских тенденций предстоящих научных публикаций. В целом было собрано 346 361 сообщение из базы данных PSYNDEX. Для определения эффективности данного подхода по сравнению с традиционным анализом конференций были собраны все доступные программы конференций DGP и его секций с 2010 г. Сравнительный анализ позволил выделить 21 тему, затрагивающую социальные проблемы общества (например, COVID-19), методологию проведения современных исследований (к примеру, машинное обучение), тенденции научных исследований (в частности, кризис репликации) и обсуждение различных областей психологических исследований (можно указать на рассмотрение моральных аспектов терроризма). Десять тем демонстрировали рост популярности, особенно связанных с методологией или научной прозрачностью (валидностью, репрезентативностью, методологической обоснованностью и т.д.). Семь Twitter-тем появились и обсуждались в Twitter раньше, чем на научных конференциях. Отмечается, что ни библиометрическое прогнозирование, ни содержание конференций не позволяют ожидать в рамках научных обсуждений следующие темы: “методологические вопросы метаанализа”, “склонность к игре”, “мобильная визуализация мозга/тела”. В целом можно отметить, что Twitter-майнинг заслуживает исследовательского внимания с целью выявления актуальных/новых психологических проблем, особенно в области социальной психологии. Чтобы получить наиболее полную проблематику перспективных психологических исследований, авторы рекомендуют совмещать Twitter-майнинг с библиометрическим анализом публикаций и мониторингом тем научных конференций [7]. Такие рекомендации

вполне реализуемы в отечественной психологии, в которой широко практикуются отдельно и библиометрический анализ, и мониторинг научных конференций.

Экономическая психология. В последнее время популярной стратегией увеличения стоимости бизнеса стал C–RM-маркетинг, который возник из возможностей брендов (торговых марок) "узнавать клиента", сопровождать его на протяжении всей его жизни и выстраивать с ним прямую коммуникацию. Но несмотря на растущее количество статей по данной проблеме за последнее десятилетие, всесторонний анализ наиболее обсуждаемых концептов C–RM-маркетинга пока еще не был реализован. С целью преодоления данного противоречия проведен комплексный анализ 246 статей, опубликованных в 40 различных журналах в период с 1988 по 2013 г. по проблемам C–RM-маркетинга (в работе использован байесовский алгоритм контекстного анализа, известный как Correlated Topic Model, а также CTM, Text Mining[8]). Авторами показано, что наиболее важными стратегическими направлениями, обсуждаемыми в маркетинге с 1988 г., являются такие темы, как "соответствие бренду", "закон и этика" и "корпоративная и социальная идентификация". Наиболее активно обсуждаемыми темами в настоящее время стали анализ сфер, затрагивающих проблемы "социального табу" и "моральные дебаты". Статья направлена на решение двух основных задач: во-первых, знакомит с техникой машинного анализа в области маркетинга, демонстрируя, как интеллектуальный анализ текста может направлять, упрощать и систематизировать процессы классификации, формируя объективные тематические блоки из обзорных публикаций; во-вторых, раскрывает и обобщает наиболее обсуждаемые темы в данном направлении [19]. Однако авторский подход не отразил проблем анализа конкретных стратегий, представленных в анализируемых публикациях.

Исследования в юридической психологии. Значительный рост политического экстремизма в западных странах вызывает новый интерес к психологической, в частности моральной, обусловленности данного явления [4]. В силу специфики экстремизма как социально-политического явления эмпирические исследования феномена с использованием традиционных опросных методик крайне затруднены отсутствием доступа к субъектам террористической деятельности (как к экстремистским группировкам, так и персоналиям), а непосредственное их изучение в рамках правовой науки не до конца учитывает психологические аспекты проблемы. Авторы рассмотрели психологическую и моральную привлекательность экстремизма в условиях общественной ситуации в США. Предметом исследования стал анализ 10 тыс. сообщений политических радикалов в Twitter. Анализу подверглись психологические особенности сообщений в текстах 5000 пользователей — представителей альтернативно-правых политических движений (alt-right) и 5000 консервативных (Antifa)[9]. Результаты исследования показали, что представители экстремистски настроенных политических движений демонстрируют меньше положительных и больше отрицательных эмоций, чем консервативные пользователи, но их различия по уровню достоверности несущественны. В ходе исследования были также проверены доказательства наличия или отсутствия моральных убеждений среди представителей как левых, так и правых радикалов, которые отличаются между собой лишь по принципу внутригрупповой лояльности. При этом доказательств наличия *высоких* моральных установок среди представителей радикально настроенных групп не обнаружено [1].

Психология управления. В этом направлении проведен анализ динамики стресса и характера эмоционального состояния работающих американцев в течение календарной недели. Исследование проведено с целью выявления "эффекта восстановления от работы" в выходные дни посредством изучения текстов сообщений в Twitter. Всего за 18 месяцев проанализировано 2 102 176 189 твитов, сбор которых производился на общенациональном уровне — на всей территории США. Такое исследование можно квалифицировать как уникальное, как минимум, по масштабу и характеру сбора первичных данных. Для изучения ежедневного содержания сообщений был использован лингвистический анализ, который проведен с помощью программного опросника Пеннебейкера (LIWC) посредством факторного анализа при ежедневном подсчете слов. При этом авторами был использован словарь подсчета слов для оценки рабочего стресса, слова группировались по 19 заданным тематическим направлениям, представленным в словарях LIWC. Динамический двухфакторный анализ эмоционального фона сообщений учитывал отрицательные эмоции, связанные с описаниями стрессов и их психосоматическими проявлениями,

[8] Программы позволяют проводить количественный, концептуальный и прогностический виды анализа информации.

[9] Автономные антирасистские группы международного уровня, которые отслеживают и разоблачают деятельность неонацистов.

Альтернативные правые (Alternative right), также альт-правые, альт-райт (Alt-right) — слабо связанные между собой ультраправые, белонационалистические движения.

и положительные эмоции, которые были связаны с такими темами, как еда, друзья, дом, семья и досуг. Выявлено, что элементы, связанные с работой (деньги, достижения и здоровье[10]), имеют выраженную отрицательную нагрузку. Еженедельный анализ динамики обсуждений позволил выявить явный "пятничный спад" рабочего стресса и негативных эмоций. В свою очередь, твиты с позитивными эмоциями показали "спад в середине недели" (со вторника по среду–четверг) и "пик на выходных" (с пятницы по воскресенье), тогда как твиты о работе показали "спад на выходных" (с пятницы по воскресенье). Полученные результаты частично подтверждают теорию о стрессовом воздействии работы на жителей США и указывают на "накопительное" стрессовое психофизиологическое состояние трудоспособного населения страны. Общий вывод обусловлен тем, что американцы не успевают восстанавливаться от рабочих стрессов за выходные дни. В работе также обсуждаются ограничения метода и перспективы дальнейших исследований [43]. Исследования в области управления различными социальными процессами привлекают внимание и многих других исследователей [13; 14; 22; 23; 25; 29; 47].

Клиническая психология и психиатрия. Технологии с использованием автоматизированного анализа/обучения в клинической психологии и психиатрии наиболее часто ориентированы на выявление статистических закономерностей на основе изучения многомерных неупорядоченных наборов данных, полученных в ходе наблюдения за различными терапевтическими и клиническими группами пациентов [10; 16]. Это позволяет выявлять скрытые закономерности и формулировать обобщенные прогнозы о предполагаемом течении болезни или изменении поведенческих характеристик пациентов. В частности, известна работа по обобщению возможностей автоматизированного анализа для повышения эффективности постановки диагноза, лечения больных и прогнозирования хода болезни для лиц, страдающих психическими расстройствами, основываясь на результатах медицинских анализов [16]. Эти работы имеют явно выраженное практическое значение, и в этом заключается их сильная сторона.

Психология профессиональных сообществ и психология труда (см. [18; 30; 46; 48]). Сравнительный анализ сообщений читателей психологических и политологических журналов был осуществлен на основе изучения статей из Web of Science, Altmetric.com и их обсуждений в социальной сети Twitter. Для анализа было использовано в общей сложности 91 826 твитов с 22 541 отдельным профилем пользователей Твиттера по психологической дисциплине и 29 958 твитов с 10 478 отдельными профилями пользователей Твиттера по политологии. В демографическом анализе учитывались пол, географическое положение, образование и профессиональный профиль — психология или политология. Основным методологическим подходом избран метод опорных векторов (SVM). Для классификации обсуждаемых тем использовался метод моделирования тем скрытого распределения Дирихле (LDA). Выявлено, что твиты о статьях из психологических журналов вызывали большую активность пользователей, чем публикации в области политологии: значительное превосходство проявлялось как в количестве обсуждаемых статей, так и численности пользователей, принимавших участие в обсуждении. Важно также указать на то, что выявлены значимые различия пользователей по демографическим признакам [45]. И в этом направлении нередки исследования в рамках самой психологической науки [24; 31–41; 50], результаты которых в основном не противоречат описанным выше работам.

Психология СМИ. Учитывая актуальность СПИДа как значимого вопроса общественного здравоохранения, в Италии проведено исследование роли средств массовой информации в социальном конструировании этого явления. Исследование было направлено на решение двух задач, которые связаны с необходимостью 1) изучить основные связанные со СПИДом темы в популярной итальянской прессе и 2) проанализировать динамику представлений о СПИДе за последние десятилетия. Для анализа были избраны газетные статьи, опубликованныев период с 1985 по 1990 г. и с 2005 по 2010 г. с использованием архивов двух основных национальных газет (*La Repubbliput* и *Corriere della Sera*), общий объем газетных публикаций составил 446 работ. Автоматизированный анализ и последующее группирование полученных результатов позволили описать пять различных тематических областей (кластеров), отражающих такие вопросы, как: медицинское обслуживание (7.5%), поддержка семьи (37.0%), дискурсы о науке и религии (27.0%), социальное избегание/изоляция (17.6%) и политика в области здравоохранения (10.9%). Эти тематические области задуманы по двум основным неявным параметрам (факторам), которые объясняют 72.5% дисперсии данных и, соответственно, связаны с отношением к людям со СПИДом (забота и избегание) и социальным управлением в отношении СПИДа (бессилие и контроль). Результаты исследования также

[10] Точнее, связанные со здоровьем финансовые и организационные проблемы.

продемонстрировали потенциальную динамику представлений о людях со СПИДом, которая характеризуется более терпимым к ним отношением [9].

Психология искусства. С точки зрения культурного взаимодействия очень важно понять воздействие литературы, искусства и танцев разных стран и народов на психологию людей, представляющих иную культурную среду, и выявить различия и универсальные особенности восприятия [12; 49]. Предметом исследования стали особенности восприятия исполнительных искусств (сценические постановки) и традиционных танцев Японии, Китая и Южной Кореи. Задачей исследования выступило изучение впечатлений, вызванных этими видами искусства. Эмпирический этап исследования реализован посредством изучения ответов на открытые вопросы анкеты. Для анализа ответов были избраны такие программы автоматизированного анализа текстов, как WordClouds и KH coder, которые использовались для анализа частоты слов и их сочетаний. Путем интерпретации визуализированных результатов и сравнения данных каждого участника (представителя одного из трех стран) были выявлены связи между характеристиками исполнительского искусства и танцев представленных стран и их психологического воздействия на зрителей. В результате можно отметить, что традиционные танцы каждой страны обладают уникальными характеристиками, которые могут восприниматься по-разному в зависимости от национальности и культуры зрителей [49].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важно обратить внимание на наиболее популярные методы психологического анализа больших объемов текстов. В первой группе представлены "пользовательские словари", что позволяет исследователям самостоятельно задавать психологические характеристики искомых значений (слов, словосочетаний или конкретных выражений). Во второй группе сконцентрированы методы, которые можно условно определить как "извлечение признаков", при этом исследователи используют компьютерные алгоритмы, чтобы выявить психологические закономерности, которые имеются в анализируемых текстах. В третьей группе, определяемой как "сочетание слов", акцент делается на характерных особенностях одновременного употребления различных слов или словосочетаний. Анализ и систематизация информационно-психологических разработок и исследований, выполненных с их помощью, будут полезны для развития отечественной психологии и освоения инновационных научных технологий.

Исследования "цифровых следов" в психологии можно частично квалифицировать как "смену парадигм" эмпирического изучения социальных явлений. Можно обозначить ряд преимуществ, которые дает исследование "цифровых следов", а именно: удешевление условной единицы научной продукции; создание потенциала для повышения эффективности использования уже существующих информационно-цифровых активов; создание условий для оперативного реагирования на вызовы глобализации и анализа рисков общественного развития через отслеживание массовых "критических точек" и "точек роста"; возможность создания междисциплинарных групп для комплексного анализа, моделирования и прогнозирования социально-психологических явлений; создание систем мониторинга социально-психологического климата в обществе/на производствах; дополнительно можно отметить возможность усиления конкурентоспособности российских психологов на международном уровне.

К преимуществам данного рода исследований также можно отнести возможность изучения массовых явлений, релевантных обществу в целом, таких как: жизнеспособность общества, особенности национальных менталитетов, массовые представления больших социальных групп, которые (исследования) теряют значимость при изучении единичных социальных явлений на уровне человека или группы, а также межличностного или межгруппового взаимодействия.

Вместе с преимуществами "цифровых" технологий исследования в психологии важно отметить и проблемы, связанные с ними. Так, увеличение объема информации и скорости ее нарастания требует разработки инновационных систем анализа большого массива текстов, что заложено не столько в самом их объеме, сколько в несовершенстве соответствующего научно-аналитического инструментария. Ситуация усугубляется и тем, что усложняется сама структура данных и технологии их демонстрации, что еще более усиливает потребность в разработке и выборе эффективных программных систем и программного обеспечения. Сложность представляет и междисциплинарный характер исследований, что связано не только с усиливающейся потребностью в специалистах с междисциплинарной подготовкой, но и различием в понятийно-терминологическом аппарате, межкультурным разнообразием в их трактовке.

Возникают проблемные ситуации и частного характера. Так, автоматизированный анализ,

произведенный на основе конкретных слов (“деньги”, “счастье”, “дети”, “власть” и т.д.), может усложняться наличием неучтенного множества синонимов. К примеру, смысл слова “деньги”, может выражаться в рамках таких терминов, как “финансы”, “сбережения”, “капитал”, или же в экспрессивном сленговом формате — “капуста”, “косарь”, “штука” и т.д. Они же могут транслироваться в рамках комплексных тем, например — экономика, уровень жизни, оплата труда, налоговые выплаты/вычеты и т.д.

Такого рода ограничения могут быть связаны и с работой в конкретных электронных базах данных (к примеру — библиотекой или конкретным архивом), которые не могут отражать всего массива наличной информации; ограниченностью исследований на конкретном языке (к примеру, русском, английском или китайском), что обедняет первичную информацию, и т.д. Представленные ограничения сужают информационное поле анализа и, как следствие, его научный потенциал.

В будущем описанные теоретические позиции, методологические подходы и методы будут непрерывно совершенствоваться, что определяется способностью нейронных сетей адаптироваться и переобучаться. В этом направлении наиболее *перспективной* задачей представляется обнаружение закономерных связей между массовыми психологическими характеристиками населения и сложившимися особенностями социально-экономического состояния конкретного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Alizadeh M.*, *Weber I.*, *Cioffi-Revilla C.*, *Fortunato S.*, *Macy M.* Psychology and morality of political extremists: evidence from Twitter language analysis of alt–right and Antifa // Journ. EPJ Data Science. 2019. V. 8. № 1. URL: https://epjdatascience.springeropen.com/articles/10.1140/epjds/s13688-019-0193-9#citeas (date of access: 22.06.2021). DOI: 10.1140/epjds/s13688-019-0193-9
2. *Bakshy E.*, *Hofman J.*, *Mason W.A.*, *Watts D.* Everyone’s an influencer: quantifying influence on twitter // WSDM ’11: Proceedings of the fourth ACM international conference on Web search and data mining. 2011. P. 65–74. DOI: 10.1145/1935826.1935845
3. *Behr H.*, *Ho A.S.*, *Mitchell E.S.*, *Yang Q.*, *DeLuca L.*, *Michealides A.* How Do Emotions during Goal Pursuit in Weight Change over Time? Retrospective Computational Text Analysis of Goal Setting and Striving Conversations with a Coach during a Mobile Weight Loss Program // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. V. 18. № 12. 6600. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8296374. (date of access: 20.06.2021). DOI: 10.3390/ijerph 18126600
4. *Beinart P.* The rise of the violent left: Antifa’s activists say they’re battling burgeoning authoritarianism on the American right. Are they fueling it instead? // The Atlantic’s Politics and Policy. 2017. URL: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2017/09/the-rise-of-the-violent-left/534192 (date of access: 24.07.2021).
5. *Bittermann A.* Development of a user-friendly a P for exploring and analyzing research topics in psychology // Proceedings of the 17th Conference of the International Society for Scientometrics and Informetrics / G. Catalano, C. Daraio, M. Gregori, H.F. Moed, G. Ruocco (Eds.). Rome: Edizioni Efesto, 2019. P. 2634–2635. DOI: 10.23668/psycharchives.2521
6. *Bittermann A.*, *Fischer A.* How to identify hot topics in psychology using topic modeling // Journ. Zeitschrift für Psychologie. 2018. № 226. P. 3–13. DOI: 10.1027/2151-2604/a000318
7. *Bittermann A.*, *Batzdorfer V.*, *Müller S.*, *Steinmetz H.* Mining Twitter to Detect Hotspots in Psychology // Journ. Zeitschrift für Psychologie. 2021. № 229. P. 3–14. DOI: 10.1027/2151-2604/a000437
8. *BošnjakM.*, *Wedderhoff N.*, *Steinmetz H.* Hotspots in Psychology — 2021 edition // Journ. Zeitschrift für Psychologie. 2021. № 229. P. 1–2. DOI: 10.1027/2151-2604/a000438
9. *Caputo A.*, *Giacchetta A.*, *Langher V.* AIDS as social construction: text mining of AIDS-related information in the Italian press // Journ. AIDS Care. 2016. V. 28. № 9. P. 1171–1176. DOI: 10.1080/09540121.2016.1153591
10. *Chang H.M.*, *Huang E.W.*, *Hou I.C.*, *Liu H.Y.*, *Li F.S.*, *Chiou S.F.* Using a Text Mining A Proach to Explore the Recording Quality of a Nursing Record System // The Journal of Nursing Research. 2019. V. 27. № 3. P. 1–8. DOI: 10.1097/jnr.0000000000000295
11. *Cretchley J.*, *Rooney D.*, *Gallois C.* Mapping a 40-Year History With Leximancer: Themes and Concepts in the Journal of Cross-Cultural Psychology // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2010. V. 41. № 3. P. 318–328. DOI: 10.1177/0022022110366105
12. *Daigo E.*, *Kimura K.*, *Sakuno S.* The Effects of Ballet A Preciation Programs on the A Preciation Ability of Audiences: An Attempt to Structure Sports A Preciation Behavior // Japanese Journal of Management for Physical Education and Sports. 2019. № 32. P. 25–47. (In Japanese). DOI: 10.24519/jsmpes.32.0_25
13. *Dal Mas F.* The Relationship Between Intellectual Capital and Sustainability // Analysis of Practitioner’s Thought, Intellectual Capital Management as a Driver of Sustainability / Matos F., Vairinhos V., Selig P.M., Edvinsson L. (Eds). Springer. 2019. P. 11–24. DOI: 10.1007/978-3-319-79051-0_2
14. *de Oliveira Júnior G.A.*, *de Oliveira Albuquerque R.*, *Borges de Andrade C.A.*, *de Sousa R.T. Jr.*, *Sandoval Orozco A.L.*, *GarcíaVillalba L.J.* Anonymous Real-Time

Analytics Monitoring Solution for Decision Making Su Ported by Sentiment Analysis // Journ. Sensors. 2020. V. 20. № 4557. P. 1–29. DOI: 10.3390/s20164557

15. *Dubey A.D.* Twitter Sentiment Analysis during COVID-19 Outbreak // Social Science Research Network (SSRN). 2020. URL: https://ssrn.com/abstract=3572023 (date of access: 10.06.2021). DOI: 10.2139/ssrn.3572023
16. *Dwyer D.B.*, *Falkai P.*, *Koutsouleris N.* Machine Learning A Proaches for Clinical Psychology and Psychiatry // Annual Review of Clinical Psychology. 2018. V. 14. № 1. P. 91–118. DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-032816-045037
17. *Farooqui N.*, *Ritika M.*, *Saini A.* Sentiment Analysis of Twitter Accounts using Natural Language Processing // International Journal of Engineering and Advanced Technology (IJEAT). 2019. V. 8. № 3. P. 473–479.
18. *Foti K.*, *Xanthopoulou D.*, *Papagiannidis S.*, *Kafetsios K.* The Role of Tweet–Related Emotion on the Exhaustion — Recovery from Work Relationship // Digital Transformation for a Sustainable Society in the 21st Century I3E2019. Lecture Notes in Computer Science / Pa Pas I.O., Mikalef P., Dwivedi Y.K., Jaccheri L., Krogstie J., Mäntymäki M. (Eds). Springer. 2019. V. 11701. DOI: 10.1007/978-3-030-29374-1_31
19. *Guerreiro J.*, *Rita P.*, *Trigueiros D.* A Text Mining-Based Review of Cause-Related Marketing Literature // J Bus Ethics. 2016. № 139. P. 111–128. DOI: 10.1007/s10551-015-2622-4
20. *Halde R.R.*, *Deshpande A.*, *Mahajan A.* Psychology assisted prediction of academic performance using machine learning // IEEE International Conference on Recent Trends in Electronics, Information & Communication Technology (RTEICT). 2016. P. 431–435. DOI: 10.1109/RTEICT.2016.7807857
21. *Heidbreder L.M.*, *Lange M.*, *Reese G.* #PlasticFreeJuly — Analyzing a Worldwide Campaign to Reduce Single–use Plastic Consumption with Twitter // Environmental Communication. 2021. P. 1–17. DOI: 10.1080/17524032.2021.1920447
22. *Hu Q.* Twitter data in public administration: a review of recent scholarship // International Journal of Organization Theory & Behavior. 2019. V. 22. № 2. P. 209–222. DOI: 10.1108/IJOTB-07-2018-0085
23. *Kim K.*, *Park O.J.*, *Yun S.*, *Yun H.* What makes tourists feel negatively about tourism destinations? A Plication of hybrid text mining methodology to smart destination management // Journ. Technological Forecasting and Social Change. 2017. V. 123. № C. P. 362–369. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.01.001
24. *Knobloch-Westerwick S.*, *Johnson B.K.*, *Silver N.A.*, *Westerwick A.* Science Exemplars in the Eye of the Beholder: How Exposure to Online Science Information Affects Attitudes // Journ. Science Communication. 2015. V. 37. № 5. P. 575–601. DOI: 10.1177/1075547015596367
25. *Krotzek L.J.* Inside the Voter's Mind: The Effect of Psychometric Microtargeting on Feelings Toward and Propensity to Vote for a Candidate // International Journal of Communication. 2019. V. 13. P. 3609–3629.
26. *Lima A.C.E.S.*, *de Castro L.N.* Predicting Temperament from Twitter Data // 2016 5th IIAI International Congress on Advanced A Plied Informatics (IIAI-AAI). 2016. P. 599–604. DOI: 10.1109/IIAI-AAI.2016.239
27. *Ma J.*, *Tse Y.K.*, *Sato Y.*, *Zhang M.*, *Lu Z.* Exploring the social broadcasting crisis communication: insights from the mars recall scandal // Enterprise Information Systems. 2021. V. 15. № 3. P. 420–443. DOI: 10.1080/17517575.2020.1765023
28. *Marechal C.*, *Mikołajewski D.*, *Tyburek K.*, *Prokopowicz P.*, *Bougueroua L.*, *Ancourt C.*, *Węgrzyn-Wolska K.* Survey on AI-Based Multimodal Methods for Emotion Detection // High–Performance Modelling and Simulation for Big Data A Plications. Lecture Notes in Computer Science / Kołodziej J., González-Vélez H. (Eds). Springer, Cham. 2019. V. 11400. P. 307–324. DOI: 10.1007/978-3-030-16272-6_11
29. *Matz S.C.*, *Kosinski M.*, *Nave G.*, *Stillwell D.J.* Psychological targeting as an effective a Proach to digital mass persuasion // Proceedings of the National Academy of Sciences U.S.A. 2017. V. 114. № 48. P. 12714–12719. DOI: 10.1073/pnas.1710966114
30. *Meho L.I.*, *Yang K.* Impact of data sources on citation counts and rankings of LIS faculty: Web of science vs Scopus and Google scholar // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2007. V. 58. P. 2105–2125. DOI: 10.1002/asi.20677
31. *Nelhans G.*, *Lorentzen D.G.* Twitter conversation patterns related to research papers // Information Research. 2016. V. 21. № 2. URL: http://informationr.net/ir/21-2/SM2.html (date of access: 27.06.2021).
32. *Rajput N.K.*, *Grover B.A.*, *Rathi V.K.* Word frequency and sentiment analysis of twitter messages during coronavirus pandemic // arXiv preprint arXiv:2004.03925, 2020. URL: https://arxiv.org/abs/2004.03925v1?utm_source=feedburner&utm_medium=feed&utm_campaign=Feed%253A+CoronavirusArXiv+%2528Coronavirus+Research+at+ArXiv%2529 (date of access: 29.06.2021).
33. *Robila M.*, *Robila S.A.* A Plications of Artificial Intelligence Methodologies to Behavioral and Social Sciences // Journal of Child and Family Studies. 2019. № 29. P. 2954–2966. DOI: 10.1007/s10826-019-01689-x
34. *Smith A.*, *Humphreys M.* Evaluation of unsupervised semantic ma Ping of natural language with Leximancer concept ma Ping // Behavior Research Methods. 2006. № 38. P. 262–279. DOI: 10.3758/BF03192778
35. *Stone J.A.*, *Can S.H.* Linguistic analysis of municipal Twitter feeds: Factors influencing frequency and engagement // Journ. Government Information Quarterly. 2020. V. 37. № 4. 101468. URL: https://www.sciencedirect.com/ science/article/pii/S0740624X19304873 (date of access: 20.07.2021). DOI: 10.1016/j.giq.2020.101468
36. *Sun B.*, *Mao H.*, *Yin C.* Male and Female Users' Differences in Online Technology Community Based on Text

Mining // Frontiers in Psychology. 2020. V. 11. P. 806. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.00806

37. *Teso E.*, *Olmedilla M.*, *Martínez-Torres M.R.*, *Toral S.L.* A Plication of text mining techniques to the analysis of discourse in eWOM communications from a gender perspective // Technological Forecasting and Social Change. 2018. V. 129. № C. P. 131–142. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.12.018

38. *Thelwall M.*, *Haustein S.*, *Larivière V.*, *Sugimoto C.* Do Altmetrics Work? Twitter and Ten Other Social Web Services // PLoS One. 2013. V. 8. № 5. e64841. URL: https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0064841 (date of access: 24.06.2021). DOI: 10.1371/journal.pone.0064841

39. *Thelwall M.*, *Wilkinson D.*, *U Pal S.* Data mining emotion in social network communication: gender differences in MySpace // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2010. № 61. P. 190–199. DOI: 10.1002/asi.21180

40. *Tripathy A.*, *Agrawal A.*, *Rath S.K.* Classification of sentiment reviews using n-gram machine learning a Proach // Expert Systems with A Plications. 2016. № 57. P. 117–126. DOI: 10.1016/j.eswa.2016.03.028

41. *Vainio J.*, *Holmberg K.* Highly tweeted science articles: who tweets them? An analysis of Twitter user profile descriptions // Scientometrics. 2017. V. 112. P. 345–366.

42. *Vassilakis C.*, *Maniataki D.*, *Lepouras G.*, *Antoniou A.*, *Spiliotopoulos D.*, *Poulopoulos V.*, *Wallace M.*, *Margaris D.* Database Knowledge Enrichment Utilizing Trending Topics from Twitter // Proc. IEEE/ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (ASONAM), 2020. P. 870–876. DOI: 10.1109/ASONAM49781.2020.9381421

43. *Wang W.*, *Hernandez I.*, *Newman D.A.*, *He J.*, *Bian J.* Twitter Analysis: Studying US Weekly Trends in Work Stress and Emotion // A Plied Psychology. 2016. V. 65. № 2. P. 355–378. DOI: 10.1111/a Ps.12065

44. *Wu J.*, *Ma J.*, *Wang Y.*, *Wang J.* Understanding and Predicting the Burst of Burnout via Social Media // Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction. 2020. V. 4. № CSCW3. Art. 265. P. 1–27. DOI: 10.1145/3434174

45. *Xu H.*, *Zhang N.*, *Zhou L.* Validity Concerns in Research Using Organic Data // Journal of Management. 2020. V. 46. № 7. P. 1257–1274. DOI: 10.1177/0149206319862027

46. *Yan Y.*, *Davison R.M.*, *Mo C.* Employee creativity formation: The roles of knowledge seeking, knowledge contributing and flow experience in Web 2.0 virtual communities // Computers in Human Behavior. 2013. V. 29. № 5. P. 1923–1932. DOI: 10.1016/j.chb.2013.03.007

47. *Yulita Y.*, *Idris M.A.*, *Dollard M.F.* Effect of psychosocial safety climate on psychological distress via job resources, work engagement, and workaholism: A multilevel longitudinal study // International Journal of Occupational Safety and Ergonomics. 2020. URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10803548.2020.1822054 (date of access: 10.06.2021). DOI: 10.1080/10803548.2020.1822054

48. *Zhao D.*, *Rosson M.* How and why people Twitter: the role that micro-blogging plays in informal communication at work // GROUP '09: Proceedings of the ACM 2009 international conference on Su Porting group work. 2009. P. 243–252. DOI: 10.1145/1531674.1531710

49. *Zheng H.*, *Komatsu S.*, *Aoki K.*, *Kato C.* Analysis of the Impressions before and after A Preciation of Japanese, Chinese and Korean Traditional Dance Based on Text Mining // Psychology. 2020. V. 11. P. 845–864. DOI: 10.4236/psych.2020.116055

50. *Zhou Y.*, *Na J.* A comparative analysis of Twitter users who Tweeted on psychology and political science journal articles // Online Information Review. 2019. V. 43. № 7. P. 1188–1208. DOI: 10.1108/OIR-03-2019–0097

AUTOMATED TEXT ANALYSIS IN PSYCHOLOGY: STATE AND PROSPECTS OF WORLD RESEARCH[11]

D. A. Kitova*, A. L. Zhuravlev**

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.
**Doctor of Psychology, Professor, Leading Researcher of Laboratory of History of Psychology and Historical Psychology.*
E- mail: j-kitova@yandex.ru
***Academician of RAS, Scientific Supervisor of Institute of Psychology RAS.*
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Received 17.08.2021

Abstract. The paper notes that the widespread dissemination of information technologies actualizes the problem of transition to the automated analysis of "digital traces" on the Internet, presented in text formats. It is shown how this kind of analysis is used to identify various psychological properties and states of a person (individual social groups and society as a whole). It is noted that the development of digital footprint analysis technologies is characterized by two main trends. The first is related to the processing of objective data of an informational nature, which is useful for correlating them with the subjective characteristics of users. The second is associated with the direct search for subjective (psychological) information, which requires the use of laborious information and psychological procedures. As examples of this kind of research, the following works are cited: analysis of the dynamics of the most pressing problems in psychological science and in everyday communication of scientists or users of social networks; identification of psychological characteristics of a person and gender characteristics; predicting behavioral effects (exam results or new topics in psychology), etc. It also provides examples of the use of information technology analysis in various fields of psychology — economic, legal, clinical, as well as in the psychology of management, labor, art, media, etc. It is assumed that the presented analysis of foreign studies will be useful for the development of Russian psychology, and the study of "digital traces" in psychology can be partially qualified as a "paradigm shift" of the empirical study of social phenomena (with its own advantages and problems). In addition, automated methods can be important in detecting the macropsychological patterns of the development of society, in particular, in detecting connections between the mass psychological characteristics of the population and the prevailing socio-economic conditions for the development of a particular society.

Keywords: Internet, social networks, "digital footprints", automated analysis, branches of psychology, research trends, social phenomena.

[11] The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-113-50385.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 2, с. 116–127

ПСИХОЛОГИЯ И ИНТЕРНЕТ

УДК 159.9:62

ИНТЕРФЕЙС МОЗГ–КОМПЬЮТЕР: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ. ЧАСТЬ II. ИНТЕРФЕЙСЫ НА ОСНОВЕ РЕГИСТРАЦИИ ДВИЖЕНИЙ ГЛАЗ И УРОВНЯ ОКСИГЕНАЦИИ КРОВИ[1]

© 2022 г. А. А. Медынцев

ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.
Научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества.
E-mail: MedyncevAA@ipran.ru

Поступила 27.05.2021

Аннотация. Представлена заключительная часть информационно-аналитического обзора принципов, лежащих в основе разработки интерфейсов “мозг–компьютер”. В данной части рассмотрены “зависимые” интерфейсы, основанные на видеорегистрации движений глаз (направления взора), регистрации электроокулограммы, а также на показателях оксигенации крови. Сделан вывод о том, что во всех приведенных исследованиях точность опознания управляющего сигнала редко падала ниже 60%, а в некоторых случаях стремилась к более чем 90%. На основе анализа принципов, представленных в двух частях обзора, делаются выводы относительно проблем, которые не позволяют технологии занять прочное место в нашей жизни — выйти на “плато продуктивности”. Предполагается, что основным препятствием, стоящим на пути развития ИМК-технологии, является сосредоточенность разработчиков на показателях точности распознавания управляющего сигнала в ИМК-системах без необходимого учета удобства и легкости взаимодействия пользователя с системой. Кроме того, отмечено, что для реализации потенциала технологии “интерфейс мозг–компьютер” необходимо решить проблемы скорости передачи данных и предварительного обучения пользователя и компьютера.

Ключевые слова: интерфейс “мозг—компьютер”, движения глаз, направление взгляда, электроокулограмма, оксигенация крови.

DOI: 10.31857/S020595920019418-5

Интерфейсы “мозг—компьютер” (ИМК), основанные на регистрации электрической активности мозга (ЭЭГ), которые были описаны в первой части обзора, наиболее распространены. В поисковой веб-платформе *Web of Science* с 2012 по 2016 г. 46% от всех статей, посвященных тематике ИМК, было посвящено интерфейсам, связанным с регистрацией ЭЭГ [39].

Эта часть обзора будет посвящена менее распространенным, но не менее перспективным направлениям в разработке ИМК. Это ИМК, основанные на регистрации движений глаз и показателях оксигенации крови.

Интерфейс “мозг—компьютер”, основанный на регистрации движений глаз, является типичным примером так называемого “зависимого интерфейса”, т.е. использующего традиционные каналы получения команд от мозга пользователя [42]. Это значительно упрощает проблему обучения субъекта пользованию подобным ИМК, выделения “управляющего сигнала” и немного увеличивает скорость обмена данными между пользователем и управляемым устройством.

Регистрация показателей оксигенации крови традиционно связывается с применением функциональной магнитно-резонансной томографии. Сложность в эксплуатации и дороговизна магнитных томографов могут вызвать оправданный вопрос о возможности практического использования таких ИМК. Однако помимо томографии современные исследователи располагают и другими методами измерения оксигенации крови. В частности, определенное распространение в исследованиях получила методика “ближней инфракрасной спектроскопии” (*near-infrared spectroscopy*) [21], которая является более дешевым (хотя и менее точным) аналогом томографии. Исследования в области ИМК с ее использованием будут представлены ниже.

[1] Работа выполнена по госзаданию № 0138-2022-0009.

1. ИМК, ОСНОВАННЫЕ НА РЕГИСТРАЦИИ ДВИЖЕНИЙ ГЛАЗ

Интерфейсы, основанные на регистрации движений глаз, недалеко ушли от традиционной формы взаимодействия человека с компьютером. В управление устройством вовлекаются глазодвигательные мышцы, которые сознательно контролируются пользователем. Задача ИМК сводится лишь к точному определению направления взгляда и выполнению соответствующей команды.

Развитие ИМК, основанных на движении глаз, имеет определенные перспективы. Подобные ИМК могут быть востребованы здоровыми пользователями в ситуациях, когда управление руками или ногами сильно затруднено. Кроме того, такие ИМК могут использоваться пациентами с “неполным” синдромом деэфферентации, когда пациент сохраняет способность двигать глазами [5].

Ниже будут рассмотрены два подхода к созданию таких ИМК:

— ИМК, основанный на видеорегистрации движений глаз;

— ИМК, основанный на регистрации электроокулограммы (ЭОГ);

1.1. ИМК, основанный на видеорегистрации движений глаз

В основе метода видеорегистрации направления взгляда (*video-based eye tracker*) лежат два эффекта, связанных с взаимодействием света и глазного яблока: способность роговицы глаза отражать источник света, создавая блик, и способность сетчатки отражать инфракрасный свет. Анализ взаимного положения подсвеченной сетчатки и блика на роговице, при условии, что источник инфракрасного излучения статичен, позволяет рассчитать направление взгляда [18].

Использование методики имеет свои недостатки. Корректной видеофиксации направления взгляда могут помешать другие источники инфракрасного света, блики от очков или контактных линз, тушь на ресницах или отвисшие веки. Кроме того, перед работой с видеорегистратором пользователю необходимо пройти процедуру калибровки — сопоставить положения блика и подсвеченной сетчатки с конкретными точками на экране [7]. Следует отметить, что наиболее часто применяемый в таких ИМК принцип работы был предложен задолго до широкого распространения самой техники видеорегистрации. Он получил название *Eye-Link* и применялся для облегчения общения с обездвиженными пациентами.

Метод требовал использования широкой пластины из плексигласа с нанесенными на нее буквами и словами (рис. 1). Получатель сообщения медленно поднимал такую пластину на уровне глаз отправителя (пациента) и, медленно двигая пластину по вертикали и горизонтали, следил за тем, на какой букве (или слове) пациент зафиксирует взгляд. Выбор того, каким образом сообщение будет передаваться (по буквам или целыми словами), осуществлялся в самом начале. Пациент указывал взглядом влево (слова) или вправо (буквы) [16].

Взяв данную методику за основу, разработчики ИМК автоматизировали ее. Для оценки фиксации взгляда было использовано “время фиксации” — время задержки взгляда на выбранном пользователем знаке (*dwell time*).

Такой ИМК представлял собою виртуальную клавиатуру, отображаемую на экране монитора компьютера перед пользователем. Для набора слов пользователь переводил взгляд от буквы к букве, выбирая нужную. Выбрав нужную букву, пользователь фиксировал на ней взгляд. Программа ИМК определяла направление взгляда и подсчитывала время фиксации. Фиксация, превышающая определенное время, считалась командой к исполнению

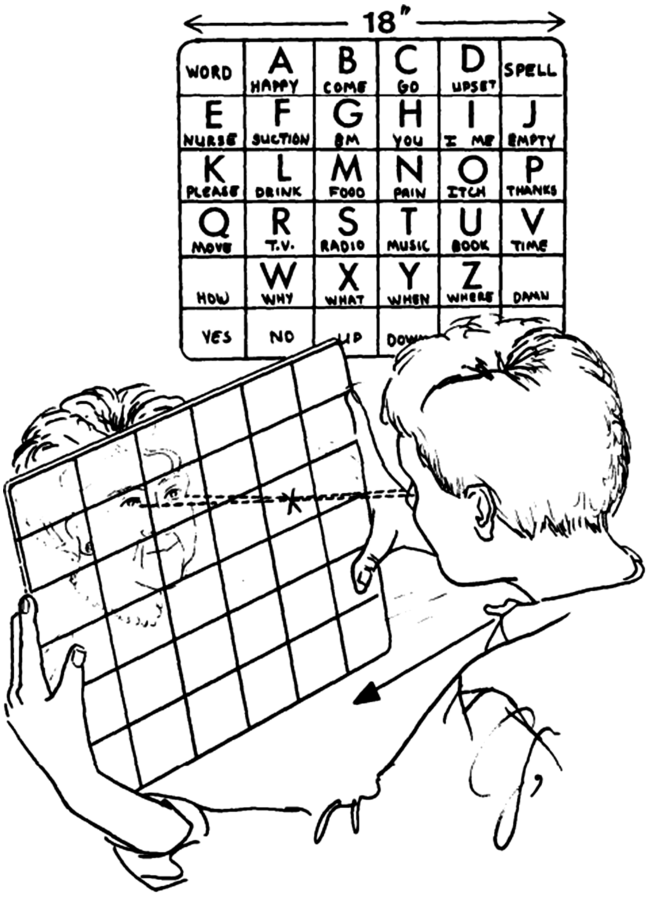

Рис. 1. Техника общения Eye-Link (взято из [16])

[20; 27]. Время такой “пороговой” фиксации варьировалось в разных работах, обычно составляя от 400 до 1000 мс. При этом точность определения символа на данной клавиатуре после корректно проведенной калибровки являлась высокой.

Подобный принцип применялся не только для работы с клавиатурой. В разные годы на этом принципе исследователями были разработаны система управления компьютером при помощи меню с древовидной иерархической структурой [18] и программа для управления роботом-манипулятором [14].

Но, к сожалению, время фиксации напрямую влияло на скорость передачи данных от пользователя. В случае с клавиатурой скорость набора текста составляла не более 6–7 слов в минуту [27].

Попытки уменьшить время фиксации (и увеличить скорость ввода информации) привели исследователей к проблеме, названной проблемой “прикосновения Мидаса” (*Midas Touch*). Суть ее заключается в том, что при выполнении задачи сделать что-либо при помощи клавиатуры (или пульта управления) пользователь часто непреднамеренно фиксирует взгляд на объектах управления (виртуальных кнопках) до возникновения желания что-либо делать с ними. В случае ИМК, основанного на длительности фиксаций, такие непреднамеренные фиксации воспринимаются как команды к действию [20]. Это приводит к ложным срабатываниям и, следовательно, уменьшению точности распознавания команд.

Борьба с проблемой “прикосновения Мидаса” при одновременной попытке увеличить скорость передачи данных пошла по двум направлениям:

— изменение принципа ввода команд и попытка отказаться от использования времени фиксаций (принцип *dwell-free*);

— создание “гибридных систем”, где регистрация движений глаз совмещается с регистрацией ЭЭГ, а триггером принятия команды служат нейрональные корреляты, связанные с фиксацией.

Одним из примеров *dwell-free*-принципа является интерфейс, использованный в одной из работ [40]. В данном исследовании авторы самостоятельно

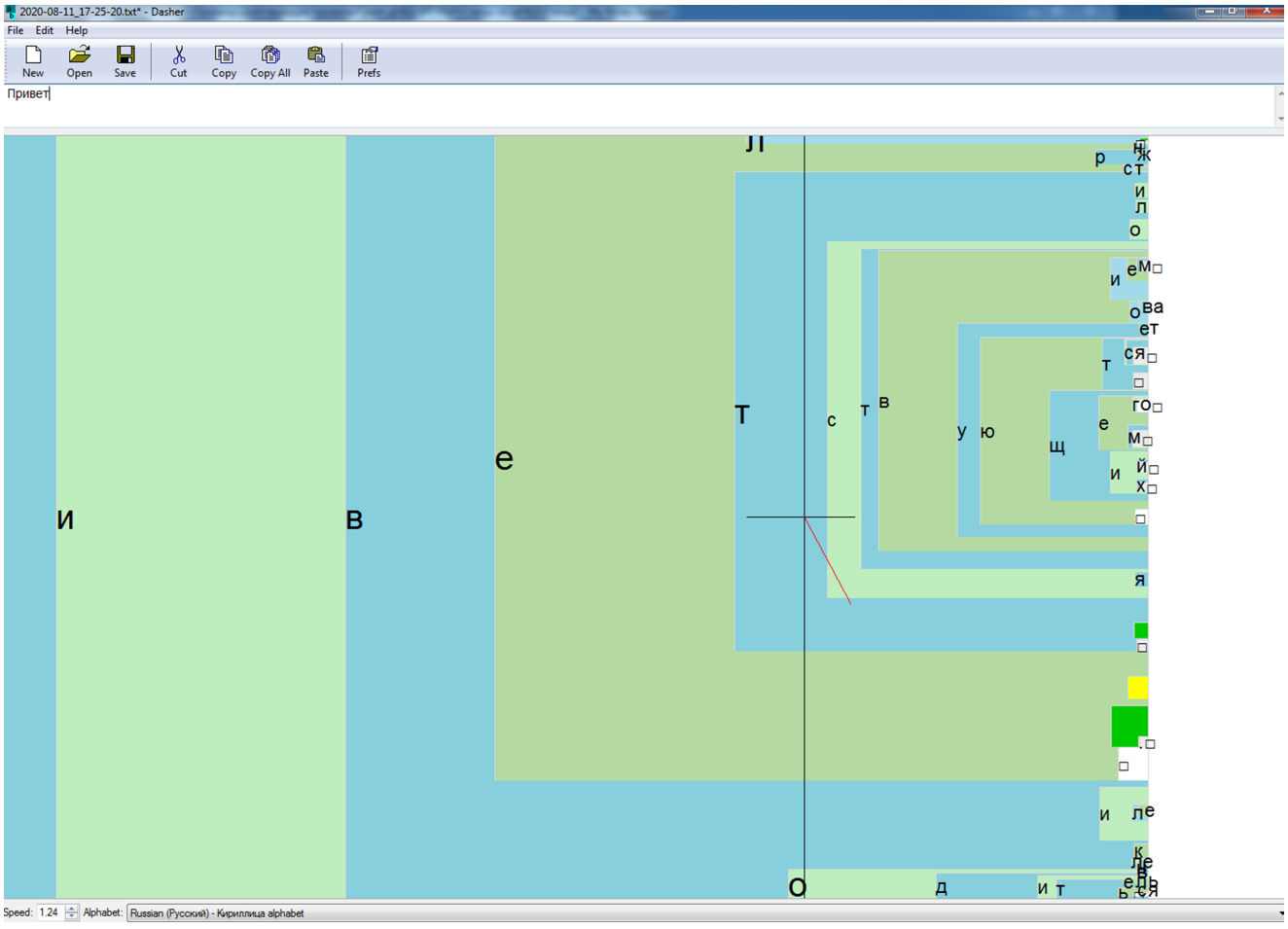

Рис. 2. Интерфейс программы ввода текста *Dasher* (http://www.inference.org.uk/dasher/)

не разрабатывали какой-то новый принцип, а использовали разработанный и свободно распространяемый интерфейс бескнопочного ввода *Dasher* (http://www.inference.org.uk/dasher/).

Окно программы интерфейса *Dasher* разделено на две части вертикальной линией. Буквы для ввода расположены справа от линии. Указывая курсором мышки на одну из букв пользователь инициирует ее приближение к вертикальной линии в центре. Та буква, которая миновала линию, считается напечатанной (рис. 2). Если сделать курсор чувствительным к фиксации взгляда, то в получившейся ИМК-технологии время фиксации не будет критически важно для выбора букв. Именно так и поступили авторы исследования. В результате авторы избавились от проблемы "прикосновения Мидаса", одновременно увеличив скорость письма до 25 слов в минуту [40].

Еще один тип *dwell-free*-решения был предложен Esteves с соавторами для использования в глазодвигательном управлении "умными" часами. В их модели ИМК элементы управления (в виде иконок) двигаются по своеобразным орбитам вокруг центра циферблата. Для активации одного из элементов пользователь должен некоторое время отслеживать взглядом его движение [12]. Благодаря нестатичности элементов управления данная система избавлена от срабатываний при случайных фиксациях.

Некоторые варианты ИМК продолжают использовать фиксации, но организуют их таким образом, чтобы избежать проблемы "прикосновения Мидаса". Например в работе Kurauchi с соавторами для выбора нужной буквы на виртуальной клавиатуре пользователь некоторое время фиксируется на нужной букве. После этого на экране появляется кнопка "Действие". Для того чтобы ввести букву, следует посмотреть на кнопку "Действие" и затем опять посмотреть на нужную букву. Используя такой алгоритм и дополнив его усовершенствованным алгоритмом автоопределения слов (от пользователя требовалось указать первую и последнюю буквы слова), авторы сообщили о возможности печатать 11.7 слова в минуту после 30 мин практики [24].

В целом следует отметить, что использование алгоритмов автоопределения слов (широко распространенных в современных программах) значительно повышает скорость передачи данных ИМК. В работе Sengupta с соавторами был использован алгоритм, который предугадывает слово на основании уже нажатых букв. При этом угаданное слово появляется на кнопке виртуальной клавиатуры, которую недавно нажимал пользователь. В результате нужное слово может быть напечатано целиком путем дополнительной фиксации на этой кнопке. В ходе исследования (где требовалось напечатать определенный текст) таким образом было напечатано 54.4% всех слов. При этом скорость ввода текста в среднем составила 9.34 слова в минуту [35].

Создание "гибридных систем", соединивших контроль за движением глаз и регистрацию ЭЭГ, стало еще одним способом устранения проблемы "прикосновения Мидаса". Предположив, что, равно как и любые сенсомоторные события (такие как нажатие на клавишу), движения глаз должны сопровождаться электрической активностью, целью исследователей стало изучение потенциалов ЭЭГ, связанных с произвольными и непроизвольными фиксациями на элементах управления. В случае обнаружения различий в паттернах ЭЭГ между типами фиксаций, их можно будет использовать для распознавания команд. Как и следовало ожидать, различия были обнаружены в амплитудных характеристиках медленных потенциалов коры. В работе Protzak с соавторами была обнаружена негативность, предшествующая фиксации выбора цели, которая не наблюдалась в тех случаях, когда участник фиксировался на позиции без особого намерения что-либо выбрать (рис. 3). Данная негативность развивалась в интервале от 1100 до 800 мс до фиксации. Использование негативности в качестве маркера выбора позволило с точностью 81% классифицировать намерения участников [33].

Эта особенность была продемонстрирована и другими исследователями [3; 36]. Так, в работе Shishkin с соавторами участники играли в игру "Линии", используя движения глаз. В ЭЭГ наблюдалась более высокоамплитудная негативная волна с максимумом в теменно-затылочной области в ситуации волевой фиксации по сравнению со спонтанной фиксацией [36].

1.2. ИМК, основанные на регистрации электроокулограммы

Глазное яблоко представляет собой электрический диполь, где сетчатка является отрицательным полюсом, а роговица — положительным. Таким образом, глаз является источником сильного электрического поля. При помощи электродов, установленных особым образом вокруг глаз (рис. 4), это поле может быть зарегистрировано [3].

При движении глаза полюса диполя изменяют свое положение относительно электродов, что приводит к изменению электрического поля и значений потенциалов на электродах (рис. 5). Анализируя эти значения, можно восстановить направление и амплитуду движений глаз. Знак изменения потенциала

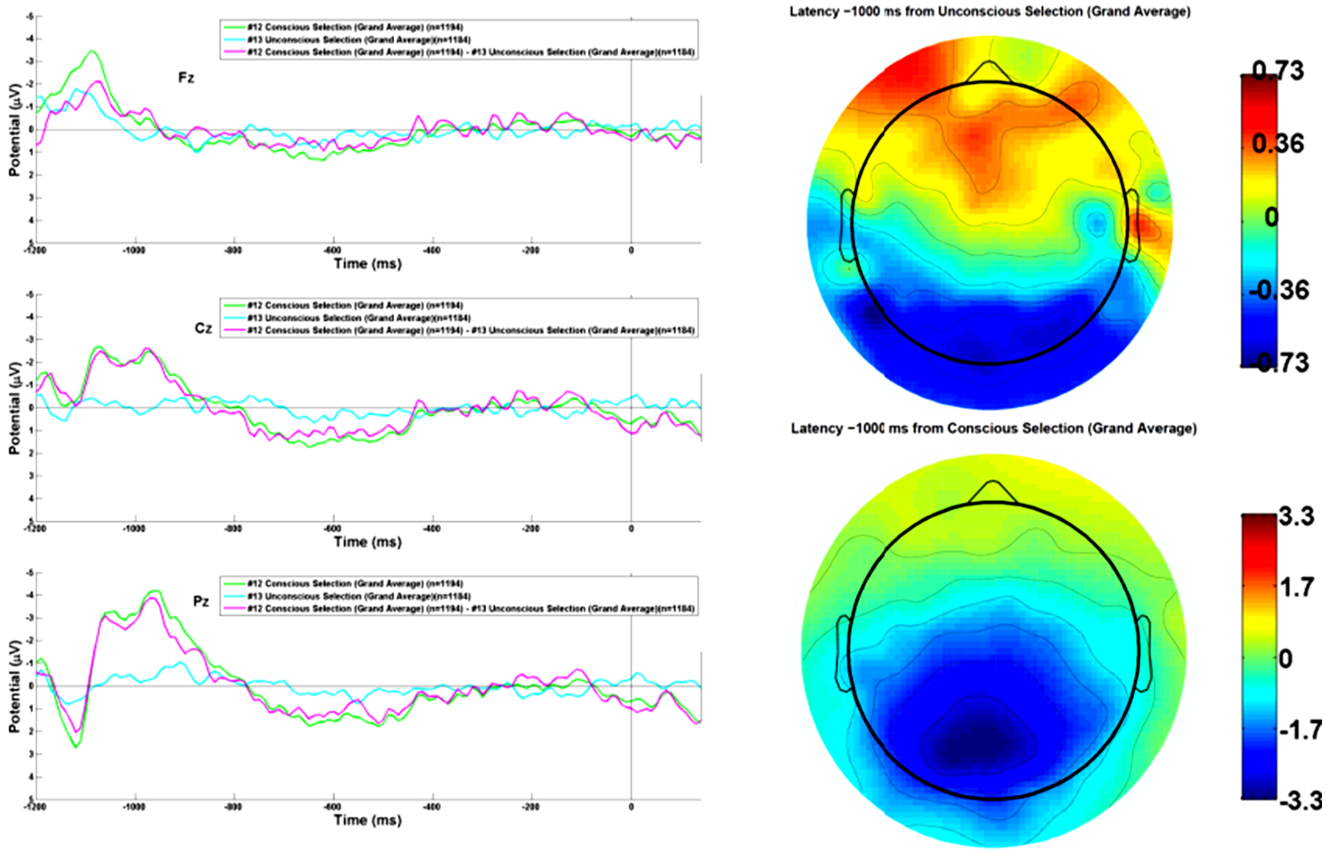

Рис. 3. Негативность в ЭЭГ, связанная с фиксациями разных типов. Зеленая кривая — произвольная фиксация, синяя кривая — спонтанная фиксация, розовая кривая — различия двух фиксаций. Карта распределения амплитуд потенциалов по скальпу (интервал — 1000 мс до фиксации) сверху показывает состояние при непроизвольной фиксации, снизу — при произвольной (взято из [33])

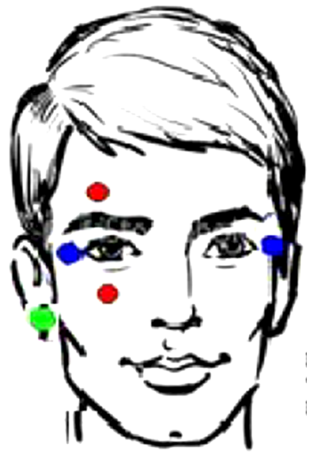

Рис. 4. Места установки электродов для регистрации ЭОГ (взято из [3])

зависит от направления движения глаз относительно электрода, а амплитуда — от угла поворота глазного яблока [3].

Конечно, такая методика регистрации движений глаз менее точна, чем видеорегистрация. Кроме того, электроокулограмма (ЭОГ) чувствительна к промышленным электрическим полям и артефактам биологического происхождения (таким как мышечные потенциалы и случайные мигания).

Однако многие исследователи отмечают одно ее несомненное достоинство: ИМК, основанный на ЭОГ, более дешев и прост в использовании [3]. В связи с этим предпринимается немало попыток создания ИМК, основанных на электроокулограмме.

В исследовании Banerjee с соавторами ЭОГ использовалась для управления движением компьютерного курсора. Для этого в системе *Matlab* был разработан интерфейс, который позволял участнику вызвать медсестру, отправить электронное письмо, сыграть в игру “сапер” и многое другое. Перед началом работы проводилась калибровка. Участников просили двигать глазами в разные стороны. Перед работой с графическим интерфейсом участников просили выбрать 4 значка в крайних углах. В качестве клика мышкой использовалось двукратное мигание (что было вызвано необходимостью отличать команду от случайных миганий). В качестве сигналов для классификации команд использовались отрезки в 2 с перед каждой командой. Результаты показали точность опознания команд, равную 95.83% [3].

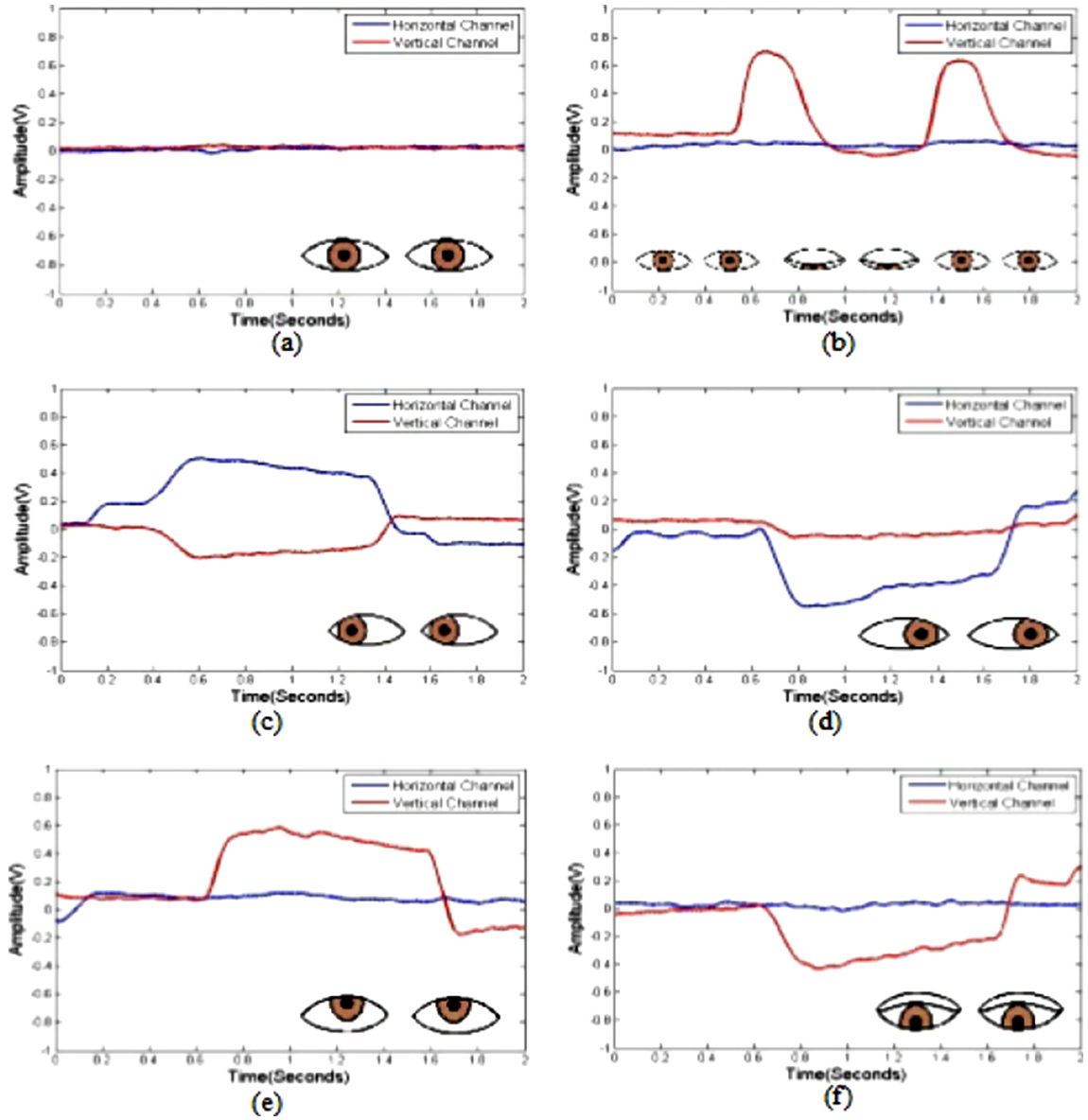

Рис. 5. Паттерны ЭОГ при движении глаз (взято из [3])

Lledó с соавторами применили ЭОГ для работы с интернет-браузером. От участника требовалось выполнить несколько заданий (открыть браузер, загрузить страницу www.google.es и т.д.). Отдельно был проведен тест на управление мышкой. Согласно полученным данным, работа с браузером занимала от 93 до 133 с. Время выполнения манипуляций курсором мыши заняло от 75 до 160 с [26].

Lee с соавторами использовали ЭОГ для "глазного письма". При помощи движений глаз участники писали прописные буквы. Пользователям было предложено писать такими движениями глаз, как если бы они писали рукописные символы. Были разработаны паттерны для 26 строчных букв и три функциональных шаблона ввода (клавиши "Пробел", "Backspace" и "Enter"). Исследования с участием 20 человек показали среднюю точность распознания 87.38% [25].

Также предпринимались попытки использовать ЭОГ в управлении роботом-манипулятором — движение рукой робота управлялось движением глаз [41] и движением роботоподобного механизма на экране [34].

2. ИМК, ОСНОВАННЫЕ НА ПОКАЗАТЕЛЯХ ОКСИГЕНАЦИИ КРОВИ

Анализ показателей оксигенации является информативным инструментом в нейронауке, поскольку в ряде исследований было показано, что

изменения уровня оксигенации крови в русле капилляров в изучаемой области мозга напрямую связаны с активностью данной области [28].

В данном обзоре будут рассмотрены два метода:

— ближняя инфракрасная спектроскопия (*near-infrared spectroscopy*);

— BOLD-функциональная магнитно-резонансная томография.

Из этих двух методов *BOLD* (*blood oxygenation level dependent contrast*) функциональная магнитно-резонансная томография (фМРТ) наиболее известна.

Работы с использованием ближней инфракрасной спектроскопии (БИС) в целом встречаются не так часто, как фМРТ-исследования. Однако если считать только ИМК-исследования, то БИС упоминается чаще. Как и в случае с ЭОГ, это связано с относительной простотой и дешевизной метода. Метод БИС основан на способности волн инфракрасного спектра (в интервале от 630–1300 нм) проникать через череп на достаточную глубину (рис. 6). Часть этих волн отражается и может быть зарегистрирована в нескольких сантиментах от источника. Однако определенные части спектра поглощаются дизоксигемоглобином и оксигемоглобином. В результате спектральный анализ отраженных волн может быть использован для оценки степени оксигенации крови [6; 21].

Регистрация *BOLD*-сигнала основана на разных магнитных свойствах оксигенированного (соединенного с кислородом) и дезоксигенированного (бедного кислородом) гемоглобина. Кровь, насыщенная кислородом, практически не искажает магнитное поле окружающей ткани, в то время как капилляры и вены, содержащие большое количество дезоксигемоглобина, значительно влияют на магнитное поле [28].

Одним из несомненных преимуществ фМРТ является способность точно локализовать области мозга, изменения в кровоснабжении которых связаны с осуществляемым поведением. В частности, анализ области сенсомоторной коры позволил выявить характеристики активности этой зоны мозга при разных движениях. Так, в одном из исследований участников просили во время сканирования делать несколько движений ртом (выпячивание губ, движение языка, сжатие зубов и воспроизведение звука, активирующего гортань). Полученные результаты позволили с достаточно высокой точностью (> 80%) классифицировать действия, производимые участники [8]. С чуть меньшей точностью (63%) в сходных условиях получилось классифицировать жесты языка глухонемых [9].

В работах, непосредственно связанных с реализацией ИМК, исследователи стараются использовать известные и хорошо выделяемые особенности изменения кровоснабжения в определенных зонах мозга. Так, в исследовании Sorger с соавторами здоровых людей просили выполнить в уме три задачи: “воображение движения”, “решение математических задач” и “внутренняя речь” и при этом регистрировали фМРТ. Затем им предложили мысленно ответить на ряд вопросов с несколькими

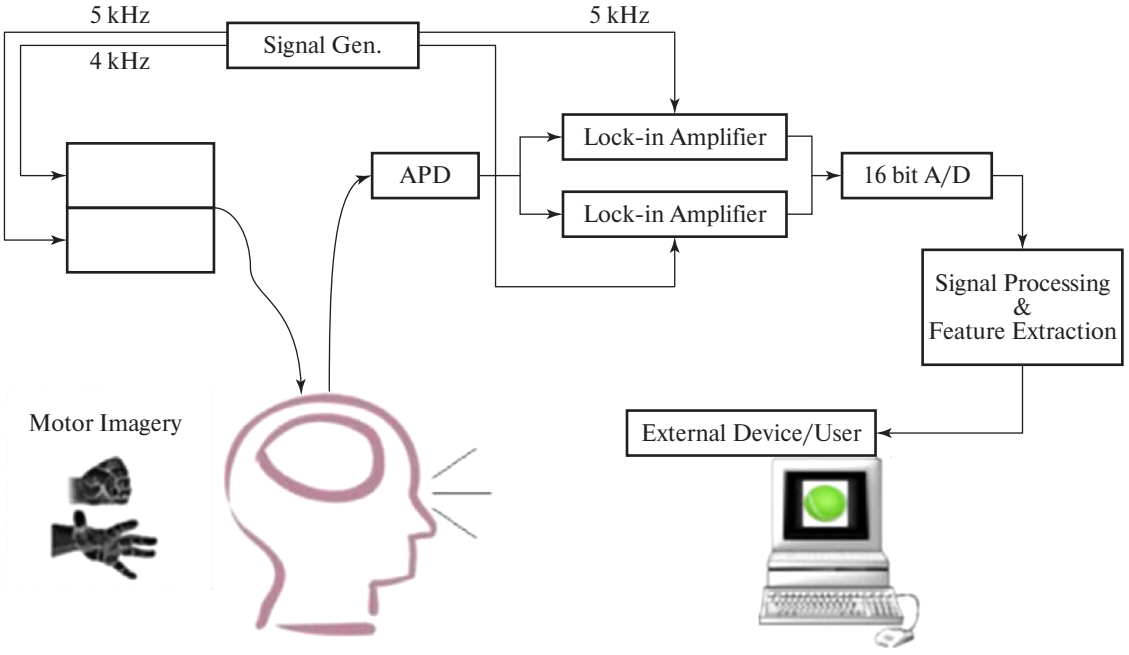

Рис. 6. Устройство для регистрации активности мозга участников исследования с помощью БИС (взято из [10])

вариантами ответа. При выборе одного из вариантов (вариант A, B, C или D) было предложено выполнить одну из вышеперечисленных “умственных задач” в определенный интервал времени (о соответствии задачи и определенной буквы договаривались заранее). Точность определения выполняемой в уме задачи по характеристикам активности мозга, зарегистрированным с помощью фМРТ, составила 94.9% [37].

В исследовании Naci и Owen изучались особенности изменения кровоснабжения в определенных зонах мозга, связанных с вниманием. В исследовании участвовали три человека, перенесшие тяжелую травму и находившиеся в “минимальном сознании”. В ходе исследования участникам предъявлялись слова (в частности, “да” и “нет”) и вопросы (такие как “Вы находитесь в госпитале?”, “Вы находитесь в супермаркете?”). Слова предъявлялись несколько раз. От участников требовалось считать, сколько раз звучало выбранное ими слово. Было обнаружено, что у одного из участников при подсчете ответов (“да” и “нет”) регистрировался устойчивый паттерн, связанный с активацией лобно-височных отделов коры [30].

Несмотря на накопленные результаты, следует учесть, что процедура регистрации фМРТ не отличается простотой. В связи с этим вряд ли можно себе представить, что дорогие и сложные в обслуживании томографы когда-либо станут технической основной для востребованной ИМК-технологии.

С этой точки зрения наиболее применимой является методика БИС, которая позволяет при меньших усилиях и материальных затратах получить сходные результаты в экспериментальных парадигмах, которые используются как при регистрации БИС, так и при регистрации фМРТ.

В работе Coyle с соавторами использовался оптод, состоящий из светодиодов с длинами волн 700 и 880 нм, которые по-разному поглощаются окси- и дезоксигемоглобином, и частотой 4 и 5 кГц, и фотодиода-детектора, расположенного на расстоянии 3–4 см от них. Данный оптод был размещен в области отведения C3 согласно международной системе 10 × 20 (сенсомоторная область коры). Участников просили зрительно представить сжатие резинового мяча правой рукой (контрлатеральной той области, над которой установлен электрод). На экране компьютера предъявлялся круг, который менял свой радиус в ответ на сигналы от спектрографа, служа обратной связью (см. рис. 6). Было показано, что система имела точность распознавания движений, равную 75%. Подобные результаты, по мнению авторов, позволят использовать данный метод в создании ИМК [10].

В исследовании Naseer с соавторами была предпринята попытка повторить исследование Sorger с коллегами, но с использованием БИС-техники. Участников (всего 14 человек) просили давать мысленные ответы “да” или “нет” в ответ на вопросы. При этом для утвердительного ответа участники должны были решать задачу в уме, которая вызывает когнитивную нагрузку на префронтальную кору (арифметические вычисления), для отрицательного ответа участников просили максимально расслабиться. Оптоды, установленные в области префронтальной коры, позволили определить ответы участников с точностью от 74.28 до 82% (в зависимости от использованных методов обработки) [31]. Аналогичный эксперимент был проведен и другими исследователями [15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем обзоре были рассмотрены наиболее популярные подходы к разработке интерфейса “мозг–компьютер”. Данное направление исследований активно развивается. К примеру, недавно появилась работа с описанием гибридного ИМК, совмещающего ЭЭГ и трансчерепную ультразвуковую допплерографию [22]. Однако остается непонятным, почему, несмотря на столь бурное и длительное развитие, интерфейс “мозг–компьютер” все еще не достиг своего “плато продуктивности”. Отвечая на этот вопрос, логично оценить ИМК с позиции двух параметров, которые являются ключевыми для развития любой технологии: надежности и цены.

В обеспечении надежности исследователи достигли большого прогресса. Во всех приведенных исследованиях точность опознания управляющего сигнала редко падала ниже 60%, а в некоторых случаях стремилась к более чем 90% [17; 19; 23]. Конечно, в процессе работы исследователи сталкивались со специфическими проблемами типа проблемы “прикосновения Мидаса”, однако легко находили решение, например изменяя принципы ввода команд [40] или используя “гибридные” нейроинтерфейсы [3]. Уровень развития современных вычислительных мощностей позволяет использовать надежные методы обработки сигналов для повышения эффективности даже явно устаревших ИМК-методик [38].

Доступность технических элементов для ИМК-технологии также является довольно высокой. Конечно, ИМК, основанные на BOLD фМРТ, остаются за рамками данного обсуждения, однако технологические решения, связанные с регистрацией ЭЭГ или электроокулораммы, дешевеют.

К примеру, уже сейчас в продаже имеются чипы *Neurosky inc.*, позволяющие регистрировать ЭЭГ с одного отведения с частотой дискретизации 500 Гц. Цена подобного чипа доступна рядовому потребителю [2].

Видеорегистраторы движений глаз, хотя и остаются дорогими, но тем не менее предпринимаются попытки сделать их массово доступными. В качестве примера можно привести датский стартап *EyeTribe* (см. заметку в Интернете: Майзелс Н. The Eye Tribe Tracker: первое устройство ввода информации при помощи глаз. URL: http://obzor.bymobile.ru/2013/09/14/the-eye-tribe-tracker/ (дата обращения: 18.02.2022)), некоторое время назад поставлявший на рынок доступные по цене видеорегистраторы, пока не был куплен компанией *Facebook* (см. заметку в Интернете: Вискалин В. Facebook купил стартап по отслеживанию взгляда The Eye Tribe // URL: https://rb.ru/news/fb-eye-tribe/ (дата обращения: 18.02.2022)).

Таким образом, с параметрами цены и надежности у ИМК дела обстоят неплохо.

Первым препятствием, стоящим на пути развития ИМК-технологии, является именно то, что большинство исследователей подходят к ней как к сугубо научной проблеме. Некоторые авторы отмечают, что подавляющее число исследователей ИМК в первую очередь сосредоточены на выборе методов и разработке систем высокоточного распознавания управляющего сигнала, совершенно не уделяя внимания удобству и легкости взаимодействия системы с пользователем [32].

С одной стороны, никто не должен ограничивать творческую мысль ученого. Но трудно себе представить, в какой практической области будет востребован робот, управляемый движениями глаз [41] или воображаемыми движениями языком [29]. Обычные пользователи вряд ли будут использовать интерфейс, где щелчок мышью осуществляется двукратным миганием [3], а ослабленные и обездвиженные пациенты не смогут долго общаться со своими родственниками, поочередно осуществляя мысленные арифметические операции [37].

Погоня за точностью привела еще к двум проблемам, которые предстоит решить.

1. *Проблема предварительного обучения*. Как можно было заметить, практически все ИМК, представленные в обзоре, требовали определенного периода обучения. Эти периоды могли быть достаточно долгими, составляя недели [23; 42].

Обучение пользователей — еще половина проблемы. Определенное обучение должен пройти и классификатор команд (см., например, [29]). С одной стороны, именно обучение лежит в основе высокой точности распознавания управляющего сигнала. С другой стороны, как отмечают сами исследователи, длительные периоды обучения могут вызвать разочарование и привести к отказу от использования устройства [10]. Именно поэтому важной проблемой разработчиков ИМК является поиск компромисса между технологией классификации ИМК и количеством тренировок, необходимых для успешной его работы [1].

2. *Проблема скорости передачи данных*. Эта проблема отчасти является следствием выше описанной проблемы. С относительно давнего времени [13] и по сей день скорость передачи данных от пользователя находится в обратной связи с точностью опознания команды пользователя. В результате пользователю требуется от 5 до 10 с, чтобы заставить робота совершить одно действие [29], или 1 мин для ввода около 6 символов [35; 38]. Конечно, если пользователь воспользуется ИМК, основанным на регистрации движений глаз, то скорость ввода может возрасти до 9–11 слов в минуту [24; 35], однако это не может сравниться со значением от 52 слов в минуту, что составляет среднее значение скорости печати на стандартной клавиатуре [11]. В исследовании 2003 г. авторы пытались изучить сравнительную эффективность выполнения аналогичных задач обычной компьютерной мышкой, мышкой, управляемой движениями головы, и мышкой, основанной на движении глаз. Наибольшую эффективность показала обычная мышь. Однако результаты также показали, что использование мыши, основанной на движении глаз, может приблизиться по эффективности к компьютерной только при изменении интерфейса программы и хорошей обученности пользователей [4]. Таким образом скорость передачи данных тесно зависит от эффективности обучения пользователя и желания обучаться.

Для решения описанных проблем в самых общих чертах можно порекомендовать исследователям больше уделять внимание эргономичности и удобству использования разрабатываемых ИМК. Кроме того, следует сосредоточить внимание на повышении скорости передачи команд, возможно, отчасти пожертвовав точностью их опознания. В конце концов, даже используя традиционные методы взаимодействия с компьютером (к примеру, набирая текст в текстовом редакторе), многие пользователи допускают ошибки и опечатки. Однако скорость, с которой можно исправить ошибку, сводит на нет негативное влияние ошибок на результаты работы.

В любом случае приведенные выше проблемы вряд ли можно назвать неразрешимыми. Можно выразить уверенность, что время, когда потенциал технологии интерфейса “мозг–компьютер” будет реализован полностью, вовсе не за горами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
REFERENCES

1. *Allison B.*, *Dunne S.*, *Leeb R.*, *Millan J.*, *Nijholt A.* Towards practical brain-computer interfaces: bridging the gap from research to real-world applications. Berlin: Springer Berlin Heidelberg, 2012. DOI: 10.1007/978-3-642-29746-5
2. *Alshear O.* Brain wave sensors for every body // 2018. DOI: 10.13140/RG.2.2.22223.69280. URL: https://www.researchgate.net/publication/311582768_Brain_Wave_Sensors_for_Every_Body.
3. *Banerjee A.*, *Monalisa P.*, *Shreyasi D.*, *Tibarewala D.*, *Konar A.* Voluntary eye movement controlled electrooculogram based multitasking graphical user interface // International journal of biomedical engineering and technology. 2015. V. 3. № 18. DOI: 10.1504/IJBET.2015.070574
4. *Bates R.*, *Istance H.* Why are eye mice unpopular? — a detailed comparison of head and eye controlled assistive technology pointing devices // Universal access in the information society. 2003. V. 3. № 2. P. 280–290. DOI: 10.1007/s10209-003-0053-y
5. *Bauer G.*, *Gerstenbrand F.*, *Rumpl E.* Varieties of the locked-in syndrome // Journal of neurology. 1979. V. 9. № 221. P. 77–91. DOI: 10.1007/BF00313105
6. *Bauernfeind G.*, *Leeb R.*, *Wriessnegger S.*, *Pfurtscheller G.* Development, set-up and first results for a one-channel near-infrared spectroscopy system // Biomedizinische technik. 2008. V. 1. № 53. P. 36–43. DOI: 10.1515/bmt.2008.005
7. *Beesley T.*, *Pearson D.*, *Le Pelley M.* Eye tracking as a tool for examining cognitive processes // Biophysical measurement in experimental social science research. Academic Press, 2019. P. 1–30.
8. *Bleichner M.*, *Jansma J.*, *Salari E.*, *Freudenburg Z.*, *Raemaekers M.*, *Ramsey N.* Classification of mouth movements using 7 t fMRI // Journal of neural engineering. 2015. V. 6. № 12. DOI: 10.1088/1741-2560/12/6/066026
9. *Bleichner M.*, *Jansma J.*, *Sellmeijer J.*, *Raemaekers M.*, *Ramsey N.* Give me a sign: decoding complex coordinated hand movements using high-field fMRI // Brain topography. 2013. № 27. P. 248–257.
10. *Coyle S.*, *Ward T.*, *Markham C.*, *Mcdarby G.* Give on the suitability of near-infrared (nir) systems for next-generation brain–computer interfaces // Physiological measurement. 2004. V. 4. № 25. P. 815–822. DOI: 10.1088/0967-3334/25/4/003
11. *Dhakal V.*, *Feit A.*, *Kristensson P.*, *Oulasvirta A.* Observations on typing from 136 million keystrokes // Proceedings of the 36th ACM conference on human factors in computing systems. ACM Press, 2018. P. 1–12.
12. *Esteves A.*, *Velloso E.*, *Bulling A.*, *Gellersen H.* Orbits: gaze interaction for smart watches using smooth pursuit eye movements // Proceedings of the 28th annual ACM symposium on user interface software & technology. 2015. DOI: 10.1145/2807442.2807499
13. *Farwell L.*, *Donchin E.* Talking off the top of your head: toward a mental prosthesis utilizing event-related brain potentials // Electroencephalogr clin neurophysiol. 1988. V. 6. № 70. P. 510–523. DOI: 10.1016/0013-4694(88)90149-6
14. *Fedorova A.A.*, *Shishkin S.L.*, *Nuzhdin Y.O.*, *Velichkovsky B.M.* Gaze based robot control: the communicative approach // The international IEEE/EMBS conference on neural engineering (ner). 2015. DOI: 10.1109/ner.2015.7146732
15. *Gallegos-Ayala G.*, *Furdes A.*, *Takano K.*, *Ruf C.* How many people could use an SSVEP BCI? // Neurology. 2014. V. 21. № 82. P. 1930–1932. DOI: 10.1212/WNL.0000000000000449
16. *Goossens C.*, *Crain S.* Overview of nonelectronic eye-gaze communication techniques // Augmentative and alternative communication. 1987. V. 2. № 3. P. 77–89. DOI: 10.1080/07434618712331274309
17. *Guger C.*, *Allison B.*, *Growindhager B.*, *Pruckl R.*, *Hintermuller C.*, *Kapeller C.*, *Bruckner M.*, *Krausz G.*, *Edlinger G.* How many people could use an SSVEP BCI? // Front neurosci. 2012. V. 169. № 6. P. 1–6. DOI: 10.1080/07434618712331274309
18. *Hutchinson T.E.*, *White K.P.*, *Martin W.N.*, *Reichert K.C.*, *Frey L.A.* Human-computer interaction using eye-gaze input // IEEE Transactions on systems, man, and cybernetics. 1989. V. 19. № 6. P. 1527–1534. DOI: 10.1109/21.44068
19. *Hwang H.*, *Lim J.*, *Jung Y.*, *Choi H.*, *Lee S.*, *Im C.* Development of an SSVEP-based BCI spelling system adopting a qwerty-style led keyboard // J neurosci methods. 2012. V. 1. № 208. P. 59–65. DOI: 10.1016/j.jneumeth.2012.04.011
20. *Jacob R.* Eye movement-based human-computer interaction techniques: toward non-command interfaces // Advances in human-computer interaction. 1993. № 4. P. 151–190. DOI: 10.1126/science.929199
21. *Jobsis F.* Noninvasive, infrared monitoring of cerebral and myocardial oxygen sufficiency and circulatory parameters // Science. 1977. V. 4323. № 198. P. 1264–1270. DOI: 10.1126/science.929199
22. *Khalaf A.*, *Sejdic E.*, *Akcakaya M.* Brain-computer a novel motor imagery hybrid brain computer interface using eeg and functional transcranial doppler ultrasound // Journal of neuroscience methods. 2019. № 313. P. 44–53. DOI: 10.1016/j.jneumeth.2018.11.017

23. *Kubler A.*, *Neumann N.*, *Kaiser J.*, *Kotchoubey B.* Brain-computer communication: self-regulation of slow cortical potentials for verbal communication // Archives of physical medicine and rehabilitation. 2001. V. 11. № 82. P. 1533–1539. DOI: 10.1053/apmr.2001.26621

24. *Kurauchi A.*, *Feng W.*, *Joshi A.*, *Morimoto C.*, *Betke M.* Eyeswipe: dwell-free text entry using gaze paths // Proceedings of the 2016 chi conference on human factors in computing systems. 2016. DOI: 10.1145/2858036.2858335

25. *Lee K.*, *Chang W.*, *Kim S.*, *Im C.* Real-time "eye-writing" recognition using electrooculogram // Ieee transactions on neural systems and rehabilitation engineering. 2017. V. 1. № 25. P. 37–48. DOI: 10.1109/tnsre.2016.2542524

26. *Lledo L.*, *Ubeda A.*, *Ianez E.*, *Azorin J.* Internet browsing application based on electrooculography for disabled people // Expert systems with applications. 2013. V. 7. № 40. P. 2640–2648. DOI: 10.1016/j.eswa.2012.11.012

27. *Majaranta P.*, *Kari-jouko R.* Twenty years of eye typing // Proceedings of the symposium on eye tracking research and applications. N.Y.: ACM, 2002. P. 15–22.

28. *Matthews P.*, *Jezzard P.* Functional magnetic resonance imaging // Journal of neurology, neurosurgery, and psychiatry. 2004. № 75. P. 6–12. DOI: 10.1142/9781860948961_0015

29. *Mishchenko Y.*, *Kaya M.*, *Ozbay E.*, *Yanar H.* Developing a three- to six-state EEG-based brain-computer interface for a virtual robotic manipulator control // IEEE trans biomed eng. 2019. V. 4. № 66. P. 977–987. DOI: 10.1109/TBME.2018.2865941

30. *Naci L.*, *Owen A.* Making every word count for nonresponsive patients // Jama neurology. 2013. V. 10. № 70. P. 1235–1241. DOI: 10.1001/jamaneurol.2013.3686

31. *Naseer N.*, *Hong M.*, *Hong K.* Online binary decision decoding using functional near-infrared spectroscopy for the development of brain-computer interface // Experimental brain research. 2013. V. 2. № 232. P. 555–564. DOI: 10.1007/s00221-013-3764-1

32. *Nijboer F.* Technology transfer of brain-computer interfaces as assistive technology: barriers and opportunities // Annals of physical and rehabilitation medicine. 2015. V. 1. № 58. P. 35–38. DOI: 10.1016/j.rehab.2014.11.001

33. *Protzak J.*, *Ihme H.*, *Zander T.* A passive brain-computer interface for supporting gaze-based human-machine interaction // Universal access in human-computer interaction. design methods, tools, and interaction techniques for elnclusion. UAHCI 2013. Lecture notes in computer science. Berlin: Springer, 2013. P. 662–671.

34. *Qiuping D.*, *Kaiyu T.*, *Guang L.* Development of an EOG (electro-oculography) based human-computer interface // 27th annual international conference of the engineering in medicine and biology society, IEEE-EMBS. 2005. P. 6829–6831. DOI: 10.1007/978-3-642-39188-0_71

35. *Sengupta K.*, *Menges R.*, *Kumar C.*, *Staab S.* Gaze the key: interactive keys to integrate word predictions for gaze-based text entry // The 22nd annual meeting of the intelligent user interfaces (iui 2017). 2017. DOI: 10.1145/3030024.3038259

36. *Shishkin S.L.*, *Nuzhdin Y.O.*, *Svirin E.P.*, *Trofimov A.G.*, *Fedorova A.A.*, *Kozyrskiy B.L.*, *Velichkovsky B.M.* EEG negativity in fixations used for gaze-based control: Toward converting intentions into actions with an eye-brain-computer interface // Frontiers in neuroscience, 2016. 10, 528.

37. *Sorger B.*, *Dahmen B.*, *Reithler J.*, *Gosseries O.* Gazethekey: interactive keys to integrate word predictions for gaze-based text entry // Progress in brain research. 2009. № 177. P. 275–292. DOI: 10.1016/S0079-6123(09)17719-1

38. *Speier W.*, *Chandravadia N.*, *Roberts D.*, *Pendekanti S.*, *Pouratian N.* Online BCI typing using language model classifiers by ALS patients in their homes // Brain-computer interfaces. 2016. V. 2. № 4. P. 114–121. DOI: 10.1080/2326263x.2016.1252143

39. *Sun X.*, *Huang S.*, *Wang N.* Neural interface: frontiers and applications: cochlear implants // Adv exp med biol. 2019. № 1101. P. 167–206. DOI: 10.1007/978-981-13-2050-7_7

40. *Tuisku O.*, *Majaranta P.*, *Isokoski P.*, *Raiha K.* Now dasher! Dash away!: longitudinal study of fast text entry by eye gaze // Etra '08: Proceedings of the 2008 symposium on eye tracking research & applications. 2008. P. 19–26. DOI: 10.1145/1344471.1344476

41. *Ubeda A.*, *Ianez E.*, *Azorin J.* Wireless and portable eog-based interface for assisting disabled people // Ieee/asme transactions on mechatronics. 2011. V. 5. № 26. P. 870–873. DOI: 10.1109/tmech.2011.2160354

42. *Wolpaw J.*, *Birbaumer N.*, *Mcfarland D.*, *Pfurtscheller G.*, *Vaughan T.* Brain–computer interfaces for communication and control // Clinical neurophysiology. 2002. V. 6. № 113. P. 767–791. DOI: 10.1016/s1388-2457(02)00057-3

BRAIN-COMPUTER INTERFACE: BASIC APPROACHES. PART II. BCI BASED ON EYE MOVEMENT AND BLOOD OXYGENATION LEVELS[2]

A. A. Medyntsev

Institute of Psychology, *Russian Academy of Sciences*;
129366, *Moscow*, *Yaroslavskaya str.*, *13*, *bldn. 1*, *Russia*.
Researcher at the Laboratory of Psychology and Psychophysiology of Creativity.
E-mail: *MedyncevAA@ipran.ru*

Received on 27.05.2021

Abstract. The final part of information-analytical review of the principles underlying the development of brain-computer interfaces is presented. In this part "dependent" interfaces based on video recording of eye movements (gaze direction), electro-oculogram registration, as well as on blood oxygenation indices, are considered. It is concluded that in all the cited studies the accuracy of recognition of the control signal rarely fell below 60%, and in some cases tended to more than 90%. Based on the analysis of the principles presented in two parts of the review, conclusions are drawn regarding the problems that prevent technology from taking a firm place in our lives — reaching a "plateau of productivity". It is assumed that the main obstacle to the development of BCI technology is the focus of developers on the accuracy of recognition of the control signal in BCI systems without the necessary consideration of the convenience and ease of user interaction with the system. In addition it is noted that to realize the potential of brain-computer interface technology it is necessary to solve the problems of data transmission speed and preliminary training of user and computer.

Keywords: brain-computer interface, eye movements, gaze direction, electro-oculogram, blood oxygenation.

[2] Work carried out under government contract no. 0138-2022-0009.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 2, с. 128–141

ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

УДК 159.923:316.6

ИДЕАЛИЗАЦИЯ ТЕЛА В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА[1]

© 2022 г. Н. А. Польская*, Д. К. Якубовская**

Московский государственный психолого-педагогический университет;
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Россия.
**Доктор психологических наук, профессор кафедры клинической психологии и психотерапии.*
E-mail: polskayana@yandex.ru
***Студентка факультета консультативной и клинической психологии.*
E-mail: darrafy@gmail.com

Поступила 25.04.2021

Аннотация. Рассмотрены социокультурные риски, психологические последствия и инструменты идеализации тела, а также типы контента в социальных сетях, связанные с презентацией телесных идеалов. Социокультурные риски определены через широко обсуждаемую тенденцию объективации/сексуализации женского тела, которая подвергается критике во многих исследованиях из-за неблагоприятных последствий как для психического здоровья, так и межличностных отношений в целом. Следствием объективации выступает самообъективация — нарушение субъектной позиции в отношении тела. Самообъективация вносит вклад в формирование психологической уязвимости из-за внешнего вида (отчуждение от тела, стыд тела, негативная оценка внешности, чувствительность к отвержению из-за внешности), что может привести к депрессии и расстройствам пищевого поведения. В социальных медиа самообъективация оказывается в основе поведения, сфокусированного на внешности. В качестве одного из инструментов идеализации тела рассматривается автопортрет (селфи). Описаны два типа контента социальных медиа, ориентированных на достижение идеального тела: “#thinspiration” (букв. “вдохновение худобой”, мотивирует к похудению) и “#fitspiration” (букв. “вдохновение стройностью”, мотивирует к достижению спортивного телосложения). В обоих случаях идеалы физической привлекательности ассоциируются с их сексуализированной демонстрацией, призывом к ограничениям питания и физическим нагрузкам, репрессивным по отношению к биологическим потребностям и сигналам тела, следствием чего оказывается сфокусированность на внешности в ущерб физическому и психическому здоровью.

Ключевые слова: идеализация тела, неудовлетворенность телом, социальные медиа, объективация, самообъективация, социальные сравнения, чувствительность к отвержению из-за внешности, нарушения психического здоровья.

DOI: 10.31857/S020595920018771-4

В современном обществе внешность является важным аспектом идентичности человека, а ее восприятие и оценка обусловлены социокультурным контекстом [5; 6; 12]. Повышенное внимание к физической привлекательности непосредственно связано с широкой распространенностью социальных медиа, их влиянием на предпочтения и интересы пользователей. Социальные медиа вносят значительный вклад в формирование “идеалов” физической привлекательности с помощью изображений и текстуального контента, которые благодаря многомиллионной аудитории пользователей стремительно распространяются, становясь примером для подражания. Чаще всего в качестве идеала выступают изображения (фотографии, видеоролики, рисунки) сексуализированной, тонкой/хрупкой или тонкой/спортивной женской фигуры (реже мускулистой мужской фигуры). Фокус на сексуализированном теле, характерный в целом для современных СМИ, подвергается критической оценке в ряде исследований как усиливающий гендерные стереотипы [29], способствующий росту неудовлетворенности телом и внешностью [3; 13; 31; 36], вносящий вклад в нарушения психического здоровья [27; 28; 46].

Сексуализация женского тела присутствует и в других типах медиа, включая печатные издания, видеопродукцию, компьютерные игры [39], однако именно в социальных сетях она приобретает масштабность, становясь частью самопрезентации

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-013-00429.

девочек-подростков, девушек и молодых женщин [38; 57; 62].

Индивидуальная восприимчивость к декларируемым в социальных медиа представлениям о физической привлекательности и идеальном теле определяется тем, насколько человек склонен сравнивать себя с другими, например свой внешний вид с изображениями в СМИ. Чем более выражена склонность к социальному сравнению [2; 11], тем выше вероятность психологических дисфункций и нарушений психического здоровья из-за несоответствия медиаобразцам.

Цель данной статьи — рассмотреть социокультурные факторы, психологические последствия и инструменты идеализации тела в социальных медиа, а также типы контента, ориентированного на достижение “идеального” тела.

НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ТЕЛОМ, ОБЪЕКТИВАЦИЯ И ИДЕАЛИЗАЦИЯ ТЕЛА

Широкая распространенность неудовлетворенности телом среди людей разного возраста отмечается во многих исследованиях, но в подростковой популяции она наиболее выражена [17; 37; 40; 44]. Одной из влиятельных теорий, объясняющих растущую неудовлетворенность телом, является теория объективации, согласно которой женщины в западном обществе подвергаются сексуализации, т.е. воспринимаются как объекты: сексуальные тела или сексуализированные части тела, которые существуют для использования другими и доставления удовольствия и чья ценность заключается в первую очередь в их физической привлекательности [27; 28]. Согласно результатам австралийского исследования, в котором отслеживались объективирующие события в течение одной недели повседневной жизни молодых женщин (N = 81), участницы исследования чувствовали себя мишенью объективации (чаще всего объективирующего взгляда) примерно один раз в два дня и были свидетельницами сексуальной объективации более одного раза в день [35].

Рабочей группой Американской психологической ассоциации, исследовавшей проблему сексуализации девочек, объективация определяется как один из индикаторов сексуализации: она означает, что человек превращен в объект для сексуального использования другими, а не рассматривается как личность, способная к независимым действиям и принятию решений [15].

Объективация как социокультурная практика отношения к телу, а также объективирующее отношение со стороны других могут интернализироваться, следствием чего оказывается нарушение субъектной позиции — *самообъективация*, т.е. восприятие себя как объекта, когда внешнему виду придается особое значение в ущерб внутренним ощущениям, чувствам и качествам. Эта позиция ведет к допустимости объективации других людей, основная ценность которых оказывается напрямую связана с их сексуальной привлекательностью. Самообъективация концептуализируется и как черта личности, и как состояние, вызванное воздействием СМИ [19]. Выделяют ее когнитивные (например, акцент на внешности) и поведенческие компоненты (например, постоянный мониторинг тела) [39].

В качестве факторов, опосредующих интернализацию объективирующего отношения, называют сексуализирующие семейные установки, в частности обусловленные самообъективацией матери [52], среду сверстников [59], отношения с романтическим партнером [64], средства массовой информации [16; 62]. Объективирующее отношение к другим связано с усилением самообъективации [36; 64].

Эти факторы затрагиваются в ряде исследований. Так, в студенческой выборке было обнаружено, что самообъективация положительно связана со степенью объективации романтических партнеров, причем мужчины сообщили о более высоком уровне объективации партнера, чем женщины, тогда как по самообъективации гендерных различий обнаружено не было [64]. В другом исследовании женщины оказались более склонны к самообъективации (по сравнению с мужчинами), более высокая самообъективация у женщин коррелировала с меньшей удовлетворенностью телом; женщины с большей вероятностью объективировали других женщин, чем себя [53].

Самообъективация вносит негативный вклад в самооценку, переживание счастья и успешности, ставя их в зависимость от степени соответствия внешнего вида декларируемым в СМИ идеалам привлекательного тела. Она может привести к дистрессу из-за собственного физического несовершенства, переживанию личностного краха, отчуждению от собственного тела и негативной оценке внешности. Самообъективация усиливает стыд из-за тела и внешности [47]. Она связана с чувствительностью к отвержению из-за внешности, что проявляется в беспокойстве и ожидании отвержения на основании внешнего вида [8; 10; 34; 48]. Эта

связь одинаково значима как для женщин, так и для мужчин [48].

В ряде исследований, сфокусированных на традиционных формах медиа (телевидение, печатные журналы), были обнаружены значимые связи между просмотром медиаизображений, идеализирующих тело, и неудовлетворенностью телом среди женщин [31; 32]. В метаанализе, посвященном проверке сексуализирующих эффектов СМИ, отмечается, что потребление сексуализированного контента напрямую связано с высоким уровнем неудовлетворенности телом, самообъективацией, усилением сексистских и враждебных сексуальных убеждений, а также терпимостью к сексуализированному насилию по отношению к женщинам [62].

Особый риск самообъективации связан с подростковым возрастом, когда взрослеющие дети чувствуют растущую потребность в самоидентификации по половому признаку. У девочек-подростков переход к женственности может сопровождаться страхом, стыдом и отвращением, возможно, потому, что они чувствуют, что становятся более заметными как сексуальные объекты [46]. Проверка влияния самообъективации на психическое здоровье девочек раннего подросткового возраста ($N = 204$, 10–12 лет, $M_{возр} = 11.6$) показала, что просмотр публикаций в женских и подростковых журналах, время, проведенное в Интернете, разговоры о внешности с друзьями предсказывают самообъективацию, тогда как самообъективация служит предиктором стыда тела, который, в свою очередь, оказывает влияние на следование диетам и возникновение депрессивных симптомов [57]. Важная роль в самообъективации подростков отводится общению с друзьями на темы внешности, тому, чтобы выглядеть привлекательно в социальных сетях; внешний вид становится приоритетнее интеллекта или здорового образа жизни [59].

Ниже на основе обобщения результатов эмпирических исследований представлена схема развития психологической уязвимости (повышенной восприимчивости к темам, связанным с внешним видом) и нарушений психического здоровья вследствие объективации и самообъективации (рис. 1).

Таким образом, рост неудовлетворенности телом, наблюдаемый в современной культуре, обусловлен широкой распространенностью социальных практик идеализации тела, по существу представляющих собой объективирующий взгляд на тело. Следствием подобных практик оказываются самообъективация и объективирующее отношение к другим людям, что приводит к нарушениям психологического и психического функционирования из-за неудовлетворенности собственным телом и внешностью. Центральное место в идеализации тела отводится социальным медиа.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В САМООБЪЕКТИВАЦИИ И ИДЕАЛИЗАЦИИ ТЕЛА

Социальные медиа, по сравнению с традиционными СМИ, вносят больший вклад в самообъективацию и идеализацию тела как среди женщин, так и среди мужчин [37; 39]. Это обусловлено характерными особенностями социальных медиа: их интерактивностью, автономностью пользователей, личной представленностью создателей контента, многообразием субкультурных течений [49].

Интерактивность определяется двойственными возможностями пользователей как потребителей

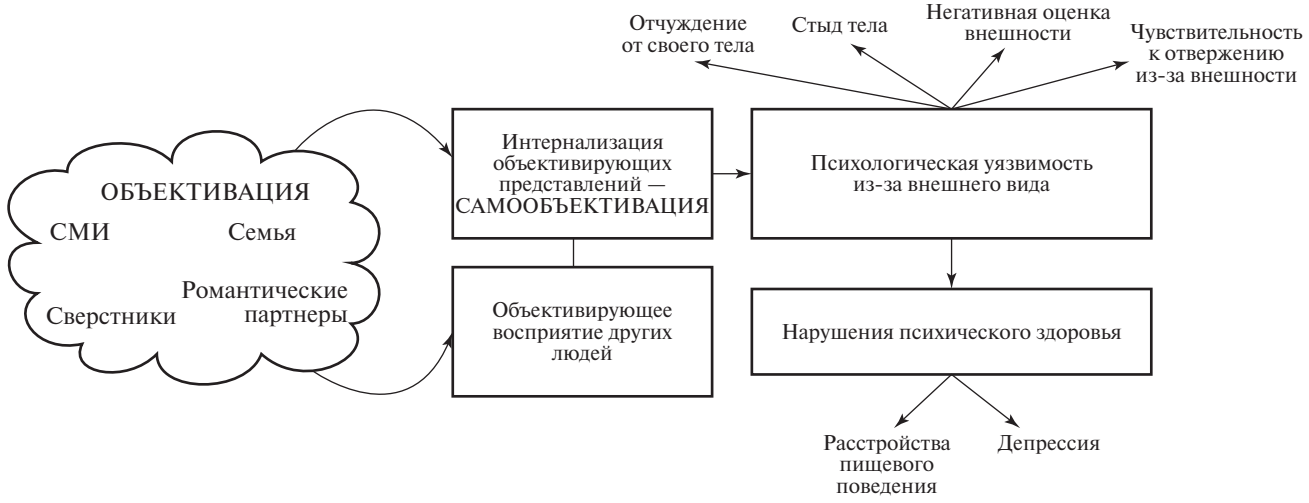

Рис. 1. Развитие психологической уязвимости из-за внешнего вида и нарушений психического здоровья вследствие объективации и самообъективации

и создателей контента. Принимая непосредственное участие в создании контента и коммуникациях с другими, пользователи оказываются активными *автономными участниками* процесса, что значительно отличается от пассивной роли потребителя, предлагаемой традиционными медиа. Определяющим является и *личностная представленность в социальных сетях* (персональные страницы, снимки самого себя и т.д.). Личные страницы часто включают интересы и мнения пользователей, а также фотографии частной жизни, близких родственников и друзей. В отличии от традиционных медиа с огромной неоднородной аудиторией, онлайн-ресурсы развивают и поддерживают множество *субкультурных течений*, клубов по интересам, что позволяет найти сообщество по предпочтениям [49].

Просмотр, передача, размещение фотографий, видео, текстов и другая активность в социальных сетях оказываются инструментами создания новейших стандартов идеального тела. Эмпирически подтверждено, что воздействие этих стандартов приводит к усилению самообъективации и социальных сравнений. В исследовании с участием австралийских подростков в возрасте от 11 до 17 лет ($N = 1579$, $M_{возр} = 13.45$, 55.4% юношей) было обнаружено, что интернализация и социальные сравнения (независимо от пола) опосредуют связи между более активным участием в социальных сетях и более низким уровнем удовлетворенности телом [37]. Согласно результатам другого исследования, использование *Facebook* ассоциировано с более частым восходящим социальным сравнением и самообъективацией, что, в свою очередь, связано со сниженной самооценкой и обеспокоенностью внешностью [33]. Проведение большого количества времени в *Instagram* также усиливает самообъективацию [25]. Вне зависимости от восходящей или нисходящей направленности социального сравнения сравнение себя с более худощавыми сверстниками неблагоприятным образом сказывается на отношении к своему телу [42].

Таким образом, многоролевая позиция (автора, редактора, потребителя), которую занимают пользователи социальных сетей, способствует вовлеченности в сетевую активность. В контенте, связанном с телом и внешностью, значительное место занимают изображения идеализированных, сексуализированных тел. Вовлеченность в сетевую активность может усиливать самообъективацию и склонность к социальным сравнениям, а также повышать уязвимость пользователей к возможным ситуациям оценивания их внешности с точки зрения соответствия изображениям, размещаемым в Сети.

Наиболее распространенным инструментом идеализации тела в социальных сетях является селфи (*selfie*).

СЕЛФИ КАК ИНСТРУМЕНТ ИДЕАЛИЗАЦИИ ТЕЛА

Селфи — фотографии-автопортреты, имеющие особую композицию и характерный ракурс [7]. Потребление и публикация такого типа фотографий позволяют оценить свою внешность в сравнении с внешностью других пользователей. Создатели подобного контента имеют возможность редактировать снимки с помощью различных фильтров и публиковать улучшенные версии себя [49]. Ретуширование фото дает возможность продемонстрировать собственный идеализированный образ, минимизируя при этом субъективные недостатки внешности [56].

Селфи-активность, включающая процесс съемки автопортретов, их обработки и публикации, наиболее распространена среди девушек [24]. Она дает возможность самовыражаться, исследовать и контролировать свою идентичность в онлайн-пространстве, а также получать положительный отклик от сверстников с помощью комментариев [20]. Собственная внешность сравнивается с изображениями других пользователей, выкладывающих в Сеть обработанные селфи, иногда значительно отличающиеся от оригинала. По всей видимости, речь здесь идет не столько о создании виртуальной или альтернативной идентичности [1], сколько об исследовании *возможного* Я [4]: физически более привлекательного, социально более успешного, психологически более удовлетворенного. Но если в онлайн-пространстве процесс идеализации собственного облика может проходить относительно успешно, то отношение к себе и своему телу может ухудшаться из-за осознания недостижимости идеала [45].

По некоторым данным, взаимодействие с личной страницей в социальных сетях только повышает обеспокоенность внешностью [22], а публикации селфи могут приводить к повышению социальной восприимчивости (заинтересованности человека в суждениях и реакциях других людей по отношению к нему), что обусловлено комментариями и сообщениями, получаемыми в социальных сетях [44; 51]. В выборке молодых женщин ($N = 259$, $M_{возр} = 22.97$) было выявлено, что именно селфи-активность в социальных сетях, а не общее их использование были связаны с увеличением неудовлетворенности телом и симптоматикой булимии [21]. Негативные эффекты селфи также были

обнаружены среди подростков: девочки (N = 101; $M_{возр}$ = 13.1), регулярно публиковавшие селфи-снимки, имели значимо более выраженные неудовлетворенность телом и интернализованный идеал худого тела, переоценивали собственный вес и чаще прибегали к диетическим ограничениям в питании [44].

Распространенность использования фотофильтров и ретуши заслуживает особого внимания, так как, по мнению исследователей, любая модификация селфи (даже такая незначительная, как улучшение фона снимка) приводит к снижению удовлетворенности собственной внешностью [60]. Редактирование селфи также влечет за собой снижение настроения, при этом степень выраженности вносимых изменений является предиктором уровня неудовлетворенности чертами лица [55]. В исследовании с экспериментальным дизайном было обнаружено, что после публикации своих фотографий девушки (N = 113; $M_{возр}$ = 19) чувствовали себя менее физически привлекательными, чем до нее, при этом возможность сделать несколько снимков и воспользоваться ретушированием снимка перед публикацией лишь незначительно снижала тревогу и не оказывала влияния на переживание собственной непривлекательности по завершению процесса [45].

Вовлеченность в процесс редактирования селфи может выступать модератором связи сфокусированной на внешности фотоактивности в социальных медиа (*appearance-related photo activity on social media*) и интернализации идеалов тела, а также интернализации идеалов тела и сравнения внешности [40]. Сам процесс съемки автопортрета приводит к снижению настроения и обострению самообъективации независимо от того, будет ли снимок в дальнейшем опубликован [26]. Селфи-активность без намерений опубликовать снимки может служить способом мониторинга тела (*body checking*) и усугублять у лиц с расстройствами пищевого поведения психопатологическую симптоматику [63].

Таким образом, образуется своеобразный цикл обратной связи. (1) Активность, сфокусированная на внешности, включающая съемку, постобработку и публикацию селфи, создание и потребление соответствующего контента (тексты, комментарии), общение с другими в тематических группах и чатах, расширяет (2) контент социальных медиа, идеализирующий тело. Идеализация тела происходит в русле социокультурных тенденций объективации тела — отождествления тела с сексуализированным объектом. (3) Взаимодействие с этим контентом побуждает пользователя к сравнению своей внешности с изображениями “идеала” и усиливает социальное сравнение и самообъективацию, что подразумевает постоянный самомониторинг тела (“как я сейчас выгляжу”) и сравнение себя (своих фотографий) с другими по внешним признакам (“насколько я привлекателен(-льна) или непривлекателен(-льна) относительно других”). Это приводит к (4) спектру проблем, связанных с неудовлетворенностью телом (рис. 2).

Неудовлетворенность телом еще более усиливает самообъективацию и склонность к сравнению своего внешнего вида с изображениями, опубликованными в социальных сетях, что поддерживает активность, сфокусированную на внешности, которая, в свою очередь, вносит вклад в сетевой дискурс идеализации тела. “Идеализированные версии себя” приводят к еще большему отчуждению от реального, физического тела, что побуждает искать средства и способы его “улучшения”, которые нередко оказываются репрессивными по отношению к телесным потребностям и усиливают самообъективацию (как отчуждение от субъективных телесных переживаний). Все это поддерживает

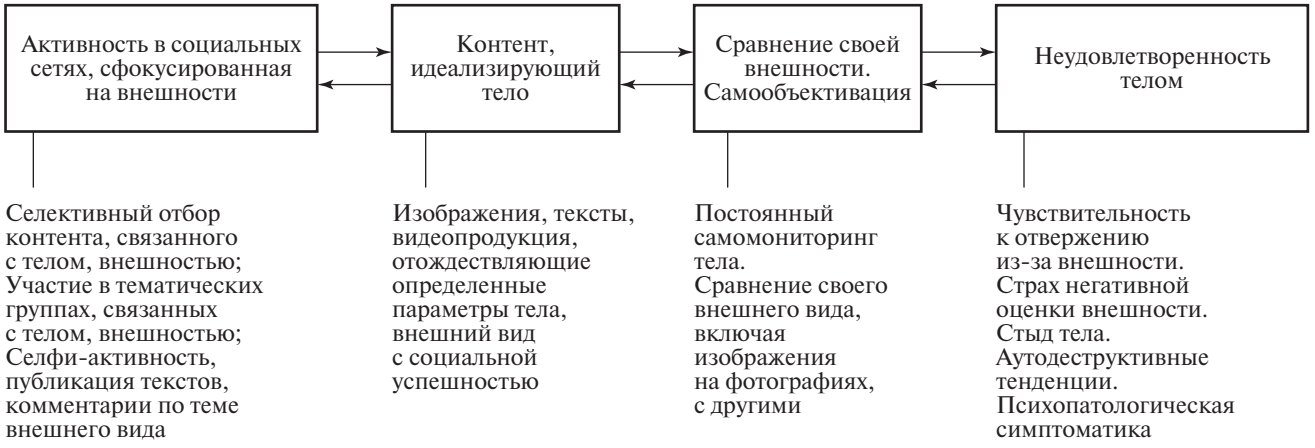

Рис. 2. Цикл обратной связи между активностью в социальных сетях, сфокусированной на внешности, и неудовлетворенностью телом

активность в социальных сетях, сфокусированную на внешности, и потребление/создание соответствующего контента.

ТИПЫ КОНТЕНТА, ОРИЕНТИРОВАННЫЕ НА ДОСТИЖЕНИЕ ИДЕАЛЬНОГО ТЕЛА

Среди контента, сфокусированного на внешности, можно выделить два типа вдохновляющего на достижение идеального тела: #thinspiration (букв. “вдохновение худобой”), мотивирующего к похудению, и #fitspiration (букв. “вдохновение стройностью”), мотивирующего к достижению спортивного телосложения.

#Thinspiration. Направление, отражающее идеал худого тела в англоязычном сегменте онлайн-медиа, известно под хэштегами #thinspiration или #thinspo. #Thinspiration, вдохновляющая худоба, часто рассматривается как контент сообществ, посвященных расстройствам пищевого поведения, соседствуя с хештегами #proana (pro-anorexia, проанорексия); #ednos (eating disorder not otherwise specified, неуточненное расстройство пищевого поведения) и пр. Изображения экстремально истощенных тел с выступающими костями объединяются под хештегом #bonespiration (или #bonepo, букв. “вдохновение костями”) [30; 54]. Подобные сообщества отличает отказ от понимания анорексии или булимии как расстройств, требующих помощи извне. Вместо этого нарушения пищевого поведения (например, использование агрессивных способов коррекции веса на постоянной основе) предлагается воспринимать в качестве приемлемого жизненного выбора [61].

Thinspiration-контент в подобных группах пропагандирует похудение, зачастую романтизируя аутоагрессивные и опасные методы снижения веса [41]. Популярность контента под хештегом #thinspiration высока, выходит за рамки локальных онлайн-сообществ и обнаруживается во многих социальных сетях. Согласно результатам анализа 300 изображений, размещенных под этими хэштегами на платформах *Twitter* и *Pinterest*, большинство изображений (89%) показывали женское тело, также часто демонстрировались живот (80%), бедра (78%) и хотя бы частично демонстрировали область таза (80%). Реже всего изображались голени (36%) и голова (47%). Чрезмерная худоба демонстрировалась с помощью заметно выступающих костей таза (46%), ребер (37%) и ключиц (27%). Сексуализированность изображения являлась предиктором социального одобрения поста в форме лайков (отметок поста как понравившегося) и сохранений. Комментарии под подобными постами свидетельствовали о выраженной тенденции к сравнению собственных фигур с изображенными “идеальными” телами и выражали восхищение фотографиями, стремление к идеалу, отвращение к большому весу и его набору или неприязнь к собственному телу [30].

Названия хештегов в аутодеструктивных онлайн-сообществах часто завуалированы и не всегда очевидны, в том числе во избежание блокировки контента онлайн-платформой [9]. Интересно, что могут быть различия в изображениях в зависимости от использованного хештега (#thinspiration или #thinspo). Так, для изображений под тегом #thinspo характерна значительно большая сексуализированность и демонстрация экстремально худых тел [30]. Помимо этого, некоторые публикации могут иметь несколько хештегов: не только про-анорексичных групп, но и иной тематики, что существенно расширяет аудиторию просмотра про-анорексичного контента и может как привлечь неофитов, так и ухудшить состояние подростков с проблемным пищевым поведением, не состоящих в таких сообществах.

#Fitspiration. Другим примером “вдохновляющего” контента является #fitspiration — фитнес-вдохновение. Это направление противопоставляется рассмотренному выше #thinspiration, мотивируя на достижение спортивного, здорового тела через правильное питание, физическую активность и заботу о себе. Казалось бы, идеал мускулистого тела в целом несет меньше опасностей, чем восхищение экстремально худым телом, но направление #fitspiration также может снизить самооценку внешности [50].

Провозглашаемое стремление к здоровому образу жизни и физической силе иллюстрируется однотипно: большинство фото изображают один тип фигуры, наиболее соответствующий современным идеалам красоты: худощавое и атлетичное тело у женщин, среднее телосложение и развитая мускулатура у мужчин [54; 58]. Эти изображения могут быть сексуализированными и сексуально объективирующими по отношению как к женщинам, так и к мужчинам, сфокусированными на определенных позах, отдельных частях тела и его характеристиках [18; 58]: так, в *Instagram* 90% подобных снимков изображали худых людей, 55% — мускулистых [23]. Для большинства эти идеалы остаются недостижимыми, что приводит к неудовлетворенности телом и внешностью [25; 50].

В контент-анализе публикаций под хештегом #fitspiration в сети *Instagram* были выделены следующие темы, обобщающие основной смысл, заложенный в сообщениях данной направленности:

1) спортивное тело привлекательно и сексуально;

2) атлетичное тело требует усилий и самоконтроля;

3) “ты — это твои решения”, т.е. решения, не ведущие к достижению идеального тела, интерпретируются как свидетельство личностной слабости;

4) удовольствие и стойкость достигаются через боль;

5) внутренняя борьба между желанием достичь цели и сопротивлением тела;

6) чествование сообщества и его участников (поддержка и сплочение) [23].

Выделенные темы позволяют увидеть, как публикации #fitspiration закрепляют существующие идеалы и способствуют дальнейшей объективации тела, выделяя физическую активность как приемлемый способ достижения подобных целей. Так, подчеркивается индивидуальная ответственность за соответствие внешности идеалу, тело требуется победить, при этом спортивные тренировки, не приносящие страданий, считаются неэффективными. Авторы также отмечают, что это направление способствует самообъективации: предлагается игнорировать телесные сигналы в процессе физической активности для достижения наилучших результатов [23].

Аналогичный вывод формулируется и в других исследованиях: контент под хештегом #fitspiration действительно может дарить ощущение возросшей мотивации молодым женщинам, однако это ведет к повышению неудовлетворенности телом, медиатором при этом является социальное сравнение [58]. Однотипность представленных изображений худощавого/мускулистого тела приводит к ошибочному отождествлению фитнеса с худобой, что может стать причиной дисфункционального поведения, связанного с чрезмерными физическими упражнениями и ограничениями питания. Смысл занятий фитнесом как способа улучшения своего здоровья и самочувствия смещается на озабоченность внешностью: то, как выглядит тело, оказывается гораздо более важным, чем то, как оно себя чувствует. В этом fitspiration- и thinspiration-сообщества оказываются похожи.

Fitspiration- и thinspiration-публикации опираются на идеализацию и сексуализацию тел, также в обоих типах сообществ акцентируется внимание на ограничениях в питании. Несмотря на то что контент fitspiration-сообществ может мотивировать к здоровому образу жизни с помощью популяризации упражнений и здорового питания [58], он включает больше обвиняющих идей, провоцирующих чувство вины за форму тела и вес [14], прямо или косвенно пропагандируя беспорядочное питание и чрезмерные физические нагрузки [58]. Поэтому идеализированные изображения атлетичного тела могут усиливать неудовлетворенность телом у женщин наравне с идеализированной худобой [50].

Таким образом, контент, вдохновляющий на достижение идеального тела, содержит призывы либо к радикальному похудению, либо к достижению спортивного телосложения. Однако оба типа контента расцениваются исследователями как побуждающие к самообъективации и усиливающие у участников онлайн-групп неприятие своего тела. В конечном счете и в том и в другом случае в качестве идеального тела выступает сексуализированное и тонкое тело (только в одних изображениях подчеркивается худоба и кости, а в других — худоба и мышцы). Естественное тело оказывается телом, которое следует победить, а страдание (от чрезмерных физических упражнений или строгих диет) является частью работы над собой, тогда как естественные сигналы тела игнорируются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальные преимущества привлекательной внешности определяют одну из ключевых тем социальных медиа, широко транслируемую онлайн: достижение идеальных форм тела и связанные с этим пути, способы и формы улучшения своего внешнего облика. Создается и множится контент, демонстрирующий идеализированные изображения социально успешных и довольных жизнью людей, излучающих здоровье, внутреннее благополучие и гармонию в межличностных отношениях. Однако за этой красивой картинкой нередко стоят исключительно технологии ее производства, слабо связанные с реальной жизнью.

Идеализированные тела изображаются подчеркнуто сексуализированными, что связано с современными социокультурными тенденциями объективации и самообъективации тела. Одним из популярных инструментов идеализации в социальных медиа выступают селфи: фотографии-автопортреты, которые нередко подвергаются постобработке с целью улучшения оригинала. Публикация

отретушированных снимков, как отмечается во многих исследованиях, не улучшает субъективного благополучия, а, наоборот, усиливает негативное отношение к телу, снижает самооценку, повышает самообъективацию, восприимчивость к социальным оценкам, чувствительность к отвержению из-за внешности, усиливает риски аутодеструктивного отношения к телу.

Тексты, мотивирующие к физическим изменениям и размещаемые в сообществах #fitspiration и #thinspiration, содержат аутодеструктивные формулировки, которые призывают к строгим ограничениям в питании и чрезмерным физическим нагрузкам. В качестве альтернативы этим сообществам развиваются онлайн-группы бодипозитивной направленности, например #fatspiration (вдохновляющая полнота) [43]. И хотя в данной статье мы не затронули исследования бодипозитивных сообществ, судя по контенту некоторых бодипозитивных групп, участие в них не служит надежной защитой от самообъективации, а скорее претендует на расширение социокультурных представлений о физической привлекательности.

В связи с вышесказанным мы видим как минимум два направления для возможных психологических вмешательств: 1) разработка психологических методик, позволяющих дифференцировать личностные проявления самообъективации и сексуализации тела от естественного и здорового желания выглядеть физически привлекательно, нравиться другим людям, быть желанными; 2) внедрение психолого-просветительских программ, включая повышение медийной грамотности, в работу с группами риска (например, девочками-подростками) и сетевыми сообществами, в целях формирования представлений о различиях между естественной природой человека и сексуальностью тела как частью этой природы, и сексуализированным, самообъективирующим отношением к телу как к вещи, ценность и функции которой назначаются кем-то другим.

Проблема идеализации тела — это не проблема его параметров, веса, формы, а проблема отчуждения субъекта от своих желаний, потребностей и чувств, усугубляемая иллюзией возможностей модификаций собственного облика в виртуальной реальности и изменений тела в реальности физического мира. Тело, становясь идеализированным/сексуализированным объектом, порождает озабоченность внешним видом и растущую неудовлетворенность из-за невозможности достичь множащиеся и ускользающие “лучшие версии себя”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Войскунский А.Е.*, *Евдокименко А.С.*, *Федунина Н.Ю.* Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2013. № 1. С. 66–83.
2. *Гаранян Н.Г.* Теория социального сравнения в клинической психологии // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 36–49.
3. *Григорьева Д.А.*, *Польская Н.А.* Идеализация тела в социальных сетях как фактор риска нарушений пищевого поведения у девушек // VII Всероссийская научно-практическая конференция по психологии развития (чтения памяти Л.Ф. Обуховой) “Возможности и риски цифровой среды”: Сборник материалов конференции (тезисов). Т. 2. / Ред. Т.А. Басилова и др. М.: Изд-во ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. С. 346–348.
4. *Знаков В.В.* Психология возможного: Новое направление исследований понимания. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2021.
5. *Лабунская В.А.* Взаимовлияние самооценок привлекательности внешнего облика, его вклада в положение человека в обществе и самоотношения студентов // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 5. С. 37–46. DOI: 10.17759/pse.2019240504
6. *Лабунская В.А.* Отношение к внешнему облику, его ценность и значимость как факторы субъективного благополучия молодых людей // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 51–66. DOI: 10.17759/sps.2019100304
7. *Никифорова Е.Ф.*, *Хухлаева О.В.* Особенности самопрезентации посредством селфи // Социальная психология: вопросы теории и практики: Материалы III Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (10–11 мая 2018 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2018. С. 62–65.
8. *Польская Н.А.*, *Цейтлина М.Д.*, *Якубовская Д.К.* Чувствительность к отвержению и психическое здоровье // Вопросы психологии. 2020. № 5. Т. 66. С. 119–129.
9. *Польская Н.А.*, *Якубовская Д.К.* Влияние социальных сетей на самоповреждающее поведение у подростков // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 156–174. DOI: 10.17759/cpp.20192703010
10. *Разваляева А.Ю.*, *Польская Н.А.* Русскоязычная адаптация методик “Чувствительность к отвержению из-за внешности” и “Страх негативной оценки внешности” // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 4. С. 118–143. DOI: 10.17759/cpp.2020280407
11. *Самойленко Е.С.* Проблемы сравнения в психологическом исследовании. М.: Институт психологии РАН, 2010.

12. *Холмогорова А.Б.*, *Тарханова П.М.* Стандарты внешности и культура: роль физического перфекционизма и его последствия для здоровья подростков и молодежи // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 52–64.

13. *Якубовская Д.К.*, *Польская Н.А.* Идеал “худого тела” и самообъективация в социальных медиа // VII Всероссийская научно-практическая конференция по психологии развития (чтения памяти Л.Ф. Обуховой) “Возможности и риски цифровой среды”: Сборник материалов конференции (тезисов). Т. 2 / Ред. Т.А. Басилова и др. М.: Изд-во ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. С. 368–371.

14. *Alberga A.S.*, *Withnell S.J.*, *von Ranson K.M.* Fitspiration and thinspiration: a comparison across three social networking sites // Journal of Eating Disorders. 2018. V. 6 (1). P. 1–10. DOI: 10.1186/s40337–018–0227-x

15. American Psychological Association, Task Force on the Sexualization of Girls. Report of the APA task force on the sexualization of girls. Washington, DC: American Psychological Association, 2007. URL: http://www.apa.org/pi/women/pro grams/girls/report-full.pdf (date of access: 13.04.2021).

16. *Aubrey J.S.*, *Gerding A.* The cognitive tax of self-objectification: Examining sexually objectifying music videos and female emerging adults’ cognitive processing of subsequent advertising // Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications. 2015. V. 27 (1). P. 22–32. DOI: 10.1027/1864-1105/a000128

17. *Bearman S.K.*, *Martinez E.*, *Stice E. et al.* The skinny on body dissatisfaction: A longitudinal study of adolescent girls and boys // Journal of Youth and Adolescence. 2006. V. 35 (2). P. 217–229.

18. *Boepple L.*, *Thompson J.K.* A content analytic comparison of fitspiration and thinspiration websites // International Journal of Eating Disorders. 2016. V. 49 (1). P. 98–101. DOI: 10.1002/eat.22403

19. *Calogero R.M.* Operationalizing self-objectification: Assessment and related methodological issues // Calogero R.M., Tantleff-Dunn S., Thompson J.K. (eds). Self-objectification in women: Causes, consequences, and counteractions. Washington, DC: American Psychological Association, 2011. P. 23–50. DOI: 10.1037/12304-002

20. *Chang L.*, *Li P.*, *Loh R.S.M. et al.* A study of Singapore adolescent girls’ selfie practices, peer appearance comparisons, and body esteem on Instagram // Body image. 2019. V. 29. P. 90–99. DOI: 10.1016/j.bodyim.2019.03.005

21. *Cohen R.*, *Newton-John T.*, *Slater A.* “Selfie”-objectification: The role of selfies in self-objectification and disordered eating in young women // Computers in Human Behavior. 2018. V. 79. P. 68–74. DOI: 10.1016/j.bodyim.2019.03.005

22. *de Vries D.A.*, *Peter J.*, *Nikken P. et al.* The effect of social network site use on appearance investment and desire for cosmetic surgery among adolescent boys and girls // Sex Roles. 2014. V. 71 (9–10). P. 283–295. DOI: 10.1007/s11199-014-0412-6

23. *Deighton-Smith N.*, *Bell B.T.* Objectifying fitness: A content and thematic analysis of #fitspiration images on social media // Psychology of Popular Media Culture. 2018. V. 7 (4). P. 467–483. DOI: 10.1037/ppm0000143

24. *Dhir A.*, *Pallesen S.*, *Torsheim T. et al.* Do age and gender differences exist in selfie-related behaviours? Computers in Human Behavior. 2016. V. 63. P. 549–555. DOI: 10.1016/j.chb.2016.05.053

25. *Fardouly J.*, *Willburger B.K.*, *Vartanian L.R.* Instagram use and young women’s body image concerns and self-objectification: Testing mediational pathways // New Media & Society. 2018. V. 20. № 4. С. 1380–1395. DOI: 10.1177/1461444817694499

26. *Fox J.*, *Vendemia M.A.*, *Smith M.A. et al.* Effects of taking selfies on women’s self-objectification, mood, self-esteem, and social aggression toward female peers // Body image. 2021. V. 36. P. 193–200. DOI: 10.1016/j.bodyim.2020.11.011

27. *Fredrickson B.*, *Roberts T.*, *Noll S. et al.* That swimsuit becomes you: sex differences in self-objectification, restrained eating, and math performance // Journal of personality and social psychology. 1998. V. 75 (1). P. 269–284. DOI: 10.1037/0022-3514.75.1.269

28. *Fredrickson B.L.*, *Roberts T.A.* Objectification theory: Toward understanding women’s lived experiences and mental health risks // Psychology of women quarterly. 1997. V. 21 (2). P. 173–206. DOI: 10.1111/j.1471-6402.1997.tb00108.x

29. *Galdi S.*, *Maass A.*, *Cadinu M.* Objectifying media: Their effect on gender role norms and sexual harassment of women // Psychology of Women Quarterly. 2014. V. 38 (3). P. 398–413. DOI: 10.1177/0361684313515185

30. *Ghaznavi J.*, *Taylor L.D.* Bones, body parts, and sex appeal: An analysis of #thinspiration images on popular social media // Body image. 2015. V. 14. P. 54–61. DOI: 10.1016/j.bodyim.2015.03.006

31. *Grabe S.*, *Ward L.M.*, *Hyde J.S.* The role of the media in body image concerns among women: a meta-analysis of experimental and correlational studies // Psychological bulletin. 2008. V. 134 (3). P. 460–476. DOI: 10.1037/0033-2909.134.3.460

32. *Groesz L.*, *Levine M.*, *Murnen S.* The effect of experimental presentation of thin media images on body satisfaction: A meta-analytic review // The International journal of eating disorders. 2002. V. 31 (1). P. 1–16. DOI: 10.1002/eat.10005

33. *Hanna E.*, *Ward L.M.*, *Seabrook R.C. et al.* Contributions of Social Comparison and Self-Objectification in Mediating Associations Between Facebook Use and Emergent Adults’ Psychological Well-Being // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2017. V. 20 (3). P. 172–179. DOI: 10.1089/cyber.2016.0247

34. *Hawes T.*, *Zimmer-Gembeck M.J.*, *Campbell S.M.* Unique associations of social media use and online appearance preoccupation with depression, anxiety, and appearance rejection sensitivity // Body Image. 2020. V. 33. P. 66–76. DOI: 10.1016/j.bodyim.2020.02.010

35. *Holland E.*, *Koval P.*, *Stratemeyer M. et al.* Sexual objectification in women's daily lives: A smartphone ecological momentary assessment study // British Journal of Social Psychology. 2017. V. 56 (2). P. 314–333. DOI: 10.1111/bjso.12152

36. *Holland G.*, *Tiggemann M.* A systematic review of the impact of the use of social networking sites on body image and disordered eating outcomes // Body image. 2016. V. 17. P. 100–110. DOI: 10.1016/j.bodyim.2016.02.008

37. *Jarman H.*, *Marques M.*, *McLean S. et al.* Social media, body satisfaction and well-being among adolescents: A mediation model of appearance-ideal internalization and comparison // Body Image. 2021. V. 36. P. 139–148. DOI: 10.1016/j.bodyim.2020.11.005

38. *Kapidzic S.*, *Herring S.C.* Race, gender, and self-presentation in teen profile photographs // New Media & Society. 2015. V. 17(6). P. 958–976. DOI: 10.1177/1461444813520301

39. *Karsay K*, *Knoll J*, *Matthes J.* Sexualizing Media Use and Self-Objectification: A Meta-Analysis // Psychology of Women Quarterly. 2018. V. 42 (1). P. 9–28. DOI: 10.1177/0361684317743019

40. *Lee M.*, *Lee H.* Social media photo activity, internalization, appearance comparison, and body satisfaction: The moderating role of photo-editing behavior // Computers in Human Behavior. 2021. V. 114. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106579

41. *Lewis S.P.*, *Arbuthnott A.E.* Searching for Thinspiration: The Nature of Internet Searches for Pro-Eating Disorder Websites // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2012. V. 15 (4). P. 200–204. DOI: 10.1089/cyber.2011.0453

42. *Lin L.F.*, *Kulik J.A.* Social Comparison and Women's Body Satisfaction // Basic and Applied Social Psychology. V. 24 (2). P. 115–123. DOI: 10.1207/s15324834basp2402_4

43. *Lupton D.* Digital media and body weight, shape, and size: An introduction and review // Fat Studies. 2016. V. 6 (2). P. 119–134. DOI: 10.1080/21604851.2017.1243392

44. *McLean S.A.*, *Paxton S.J.*, *Wertheim E.H. et al.* Photoshopping the selfie: Self photo editing and photo investment are associated with body dissatisfaction in adolescent girls // International Journal of Eating Disorders. 2015. V. 48 (8). P. 1132–1140. DOI: 10.1002/eat.22449

45. *Mills J.S.*, *Musto S.*, *Williams L. et al.* "Selfie" harm: Effects on mood and body image in young women // Body image. 2018. V. 27. P. 86–92. DOI: 10.1016/j.bodyim.2018.08.007

46. *Muehlenkamp J.J.*, *Saris-Baglama R.N.* Self-objectification and its psychological outcomes for college women // Psychology of Women Quarterly. 2002. V. 26 (4). P. 371–379. DOI: 10.1111/1471-6402.t01-1-00076

47. *Noll S.M.*, *Fredrickson B.L.* A Mediational Model Linking Self-Objectification, Body Shame, and Disordered Eating // Psychology of Women Quarterly. 1998. V. 22 (4). P. 623–636. DOI: 10.1111/j.1471-6402.1998.tb00181.x

48. *Park L.E.*, *DiRaddo A.M.*, *Calogero R.M.* Sociocultural influence and appearance-based rejection sensitivity among college students // Psychology of Women Quarterly. 2009. V. 33 (1). P. 108–119. DOI: 10.1111/j.1471-6402.2008.01478.x

49. *Perloff R.M.* Social media effects on young women's body image concerns: Theoretical perspectives and an agenda for research // Sex Roles. 2014. V. 71 (11–12). P. 363–377. DOI: 10.1007/s11199-014-0384-6

50. *Robinson L.*, *Prichard I.*, *Nikolaidis A. et al.* Idealised media images: The effect of fitspiration imagery on body satisfaction and exercise behaviour // Body Image. 2017. V. 22. P. 65–71. DOI: 10.1016/j.bodyim.2017.06.001

51. *Shin Y.*, *Kim M.*, *Im C. et al.* Selfie and self: The effect of selfies on self-esteem and social sensitivity // Personality and Individual Differences. 2017. V. 111. P. 139–145. DOI: 10.1016/j.paid.2017.02.004

52. *Slater A.*, *Tiggemann M.* The influence of maternal self-objectification, materialism and parenting style on potentially sexualized "grown up" behaviours and appearance concerns in 5–8 year old girls // Eating Behaviors. 2016. V. 22. P. 113–118. DOI: 10.1016/j.eatbeh.2016.05.002

53. *Strelan P.*, *Hargreaves D.* Women who objectify other women: The vicious circle of objectification? // Sex Roles. 2005. V. 52 (9–10). P. 707–712. DOI: 10.1007/s11199-005-3737-3

54. *Talbot C.V.*, *Gavin J.*, *van Steen T. et al.* A content analysis of thinspiration, fitspiration, and bonespiration imagery on social media // Journal of Eating Disorders. 2017. V. 5 (1). P. 1–8.

55. *Tiggemann M.*, *Anderberg I.*, *Brown Z.* Uploading your best self: Selfie editing and body dissatisfaction // Body Image. 2020. V. 33. P. 175–182. DOI: 10.1016/j.bodyim.2020.03.002

56. *Tiggemann M.*, *Miller J.* The Internet and adolescent girls' weight satisfaction and drive for thinness // Sex Roles. 2010. V. 63 (1–2). P. 79–90. DOI: 10.1093/jpepsy/jsv021

57. *Tiggemann M.*, *Slater A.* The role of self-objectification in the mental health of early adolescent girls: Predictors and consequences // Journal of Pediatric Psychology. 2015. V. 40 (7). P. 704–711. DOI: 10.1093/jpepsy/jsv021

58. *Tiggemann M.*, *Zaccardo M.* "Strong is the new skinny": A content analysis of #fitspiration images on Instagram // Journal of Health Psychology. 2016. V. 23 (8). P. 1003–1011. DOI: 10.1177/1359105316639436

59. *Trekels J.*, *Eggermont S.* Me, myself, and my favorite media figure: An objectification perspective on the role of media and peers in early adolescents' self-sexualization // Mass Communication and Society. 2021. V. 24 (1). P. 31–56. DOI: 10.1080/15205436.2020.1817943

60. *Vendemia M.A.*, *DeAndrea D.C.* The effects of engaging in digital photo modifications and receiving favorable comments on women's selfies shared on social media // Body Image. 2021. V. 37. P. 74–83. DOI: 10.1016 / j.bodyim.2021.01.011

61. *Wang T.*, *Brede M.*, *Ianni A.* et al. Social interactions in online eating disorder communities: A network perspective // PloS One. 2018. V. 13 (7): e0200800. DOI: 10.1371/journal.pone.0200800

62. *Ward L.M.* Media and sexualization: State of empirical research, 1995–2015 // The Journal of Sex Research. 2016. V. 53 (4–5). P. 560–577. DOI: 10.1080/00224499.2016.1142496

63. *Yellowlees R.*, *Dingemans A.E.*, *Veldhuis J. et al.* Face yourself (ie): Investigating selfie-behavior in females with severe eating disorder symptoms // Computers in Human Behavior. 2019. V. 101. P. 77–83. DOI: 10.1016/j.chb.2019.07.018

64. *Zurbriggen E.L.*, *Ramsey L.R.*, *Jaworski B.K.* Self-and partner-objectification in romantic relationships: Associations with media consumption and relationship satisfaction // Sex roles. 2011. V. 64 (7). P. 449–462. DOI: 10.1007/s11199-011-9933-4

IDEALIZATION OF THE BODY IN THE SOCIAL MEDIA[2]

N. A. Polskaya*, D. K. Yakubovskaya**

Moscow State University of Psychology & Education,
127051, *Moscow*, *Sretenka str.*, *29*, *Russia*.
**ScD* (*Psychology*), *Professor of the Chair of Clinical Psychology and Psychotherapy*.
E-mail: *polskayana@yandex.ru*
***Student*, *Department of Counseling and Clinical Psychology*.
E-mail: *darrafy@gmail.com*

Received 25.04.2021

Abstract. We discuss the sociocultural risks, psychological consequences and instruments of body idealization, and the types of content in the social networks pertaining to the presentation of the body ideals. Sociocultural risks are defined via the widespread tendency to objectify and sexualize the female body in mass media, which is criticized in many studies for its negative consequences in the mental health sphere and interpersonal relationships on the whole. One of the consequences of objectification is self-objectification defined as a distortion in the subjective position in regard to one's body. Self-objectification contributes to the development of appearance-related psychological vulnerabilities (bodily alienation, body shame, negative appearance evaluation, appearance-based rejection sensitivity), which can lead to mental disorders (depression and eating disorders). In social networks self-objectification underlies the behavior focused on one's appearance. We consider self-portraits (selfies) as one of the instruments of body idealization and describe two types of content in social media aimed at achieving the ideal body: #thinspiration (motivating thinness) and #fitspiration (motivating athleticism). In both cases the ideals of physical attractiveness are associated with their sexualized demonstration, calls to dietary restrictions and exhausting physical exercising that repress one's biological needs and signals from the one's body. As a consequence focusing on appearance has a negative impact on both physical and mental health.

Keywords: body idealization, body dissatisfaction, social media, objectification, self-objectification, social comparisons, appearance-based rejection sensitivity, mental disorders.

REFERENCES

1. *Vojskunskij A.E.*, *Evdokimenko A.S.*, *Fedunina N.Ju.* Al'ternativnaja identichnost' v social'nyh setjah. Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 14. Psihologija. 2013. № 1. P. 66–83. (In Russian)

[2] The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-013-00429.

2. *Garanjan N.G.* Teorija social'nogo sravnenija v klinicheskoj psihologii. Psikhologicheskii zhurnal. 2015. V. 36. № 4. P. 36–49. (In Russian)

3. *Grigor'eva D.A.*, *Polskaja N.A.* Idealizacija tela v social'nyh setjah kak faktor riska narushenij pishhevogo povedenija u devushek. VII Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija po psihologii razvitija (chtenija pamjati L.F. Obuhovoj) "Vozmozhnosti i riski cifrovoj sredy". Sbornik materialov konferencii (tezisov). V. 2. Red. Basilova T.A. i dr. Moscow: Izd-vo FGBOU VO MGPPU, 2019. P. 346–348. (In Russian)

4. *Znakov V.V.* Psihologija vozmozhnogo: Novoe napravlenie issledovanij ponimanija. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2021. (In Russian)

5. *Labunskaja V.A.* Vzaimovlijanie samoocenok privlekatel'nosti vneshnego oblika, ego vklada v polozhenie cheloveka v obshhestve i samootnoshenija studentov. Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2019. V. 24. № 5. P. 37–46. DOI: 10.17759/pse.2019240504 (In Russian)

6. *Labunskaja V.A.* Otnoshenie k vneshnemu obliku, ego cennost' i znachimost' kak faktory sub'ektivnogo blagopoluchija molodyh ljudej. Socialnaja psihologija i obshhestvo. 2019. V. 10. № 3. P. 51–66. DOI: 10.17759/sps.2019100304 (In Russian)

7. *Nikiforova E.F.*, *Huhlaeva O.V.* Osobennosti samoprezentacii posredstvom selfi. Social'naja psihologija: voprosy teorii i praktiki. Materialy III Ezhegodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii pamjati M. Ju. Kondrat'eva (10–11 maja 2018 g.). Moscow: FGBOU VO MGPPU, 2018. P. 62–65. (In Russian)

8. *Pol'skaja N.A.*, *Cejtlina M.D.*, *Jakubovskaja D.K.* Chuvstvitel'nost' k otverzheniju i psihicheskoe zdorov'e. Voprosy psihologii. 2020. № 5. V. 66. P. 119–129. (In Russian)

9. *Pol'skaja N.A.*, *Jakubovskaja D.K.* Vlijanie social'nyh setej na samopovrezhdajushhee povedenie u podrostkov. Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija. 2019. V. 27. № 3. P. 156–174. DOI: 10.17759/cpp.20192703010 (In Russian)

10. *Razvaljaeva A.Ju.*, *Polskaja N.A.* Russkojazychnaja adaptacija metodik "Chuvstvitel'nost' k otverzheniju iz-za vneshnosti" i "Strah negativnoj ocenki vneshnosti". Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija. 2020. V. 28. № 4. P. 118–143. DOI: 10.17759/cpp.2020280407 (In Russian)

11. *Samojlenko E.S.* Problemy sravnenija v psihologicheskom issledovanii. Moscow: Institut psihologii RAN, 2010. (In Russian)

12. *Holmogorova A.B.*, *Tarhanova P.M.* Standarty vneshnosti i kul'tura: rol' fizicheskogo perfekcionizma i ego posledstvija dlja zdorov'ja podrostkov i molodezhi. Voprosy psihologii. 2014. № 2. P. 52–64. (In Russian)

13. *Yakubovskaja D.K.*, *Polskaja N.A.* Ideal "hudogo tela" i samoob'ektivacija v social'nyh media. VII Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija po psihologii razvitija (chtenija pamjati L.F. Obuhovoj) "Vozmozhnosti i riski cifrovoj sredy". Sbornik materialov konferencii (tezisov). V. 2. Ed. T.A. Basilova i dr. Moscow: Izd-vo FGBOU VO MGPPU, 2019. P. 368–371. (In Russian)

14. *Alberga A.S.*, *Withnell S.J.*, *von Ranson K.M.* Fitspiration and thinspiration: a comparison across three social networking sites. Journal of Eating Disorders. 2018. V. 6 (1). P. 1–10. DOI: 10.1186/s40337-018-0227-x

15. American Psychological Association, Task Force on the Sexualization of Girls. Report of the APA task force on the sexualization of girls. Washington, DC: American Psychological Association, 2007. URL: http://www.apa.org/pi/women/pro grams/girls/report-full.pdf (date of access: 13.04.2021).

16. *Aubrey J.S.*, *Gerding A.* The cognitive tax of self-objectification: Examining sexually objectifying music videos and female emerging adults' cognitive processing of subsequent advertising. Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications. 2015. V. 27 (1). P. 22–32. DOI: 10.1027/1864-1105/a000128

17. *Bearman S.K.*, *Martinez E.*, *Stice E. et al.* The skinny on body dissatisfaction: A longitudinal study of adolescent girls and boys. Journal of Youth and Adolescence. 2006. V. 35 (2). P. 217–229.

18. *Boepple L.*, *Thompson J.K.* A content analytic comparison of fitspiration and thinspiration websites. International Journal of Eating Disorders. 2016. V. 49 (1). P. 98–101. DOI: 10.1002/eat.22403

19. *Calogero R.*M. Operationalizing self-objectification: Assessment and related methodological issues. In: R.M. Calogero, S. Tantleff-Dunn, J.K. Thompson (Eds). Self-objectification in women: Causes, consequences, and counteractions. Washington, DC: American Psychological Association, 2011. P. 23–50. DOI: 10.1037/12304-002

20. *Chang L.*, *Li P.*, *Loh R.S.M. et al.* A study of Singapore adolescent girls' selfie practices, peer appearance comparisons, and body esteem on Instagram. Body Image. 2019. V. 29. P. 90–99. DOI: 10.1016/j.bodyim.2019.03.005

21. *Cohen R.*, *Newton-John T.*, *Slater A.* "Selfie"-objectification: The role of selfies in self-objectification and disordered eating in young women. Computers in Human Behavior. 2018. V. 79. P. 68–74. DOI:10.1016/j.bodyim.2019.03.005

22. *de Vries D.A.*, *Peter J.*, *Nikken P. et al.* The effect of social network site use on appearance investment and desire for cosmetic surgery among adolescent boys and girls. Sex Roles. 2014. V. 71 (9–10). P. 283–295. DOI: 10.1007/s11199-014-0412-6

23. *Deighton-Smith N.*, *Bell B.T.* Objectifying fitness: A content and thematic analysis of #fitspiration images on social media. Psychology of Popular Media Culture. 2018. V. 7 (4). P. 467–483. DOI: 10.1037/ppm0000143

24. *Dhir A.*, *Pallesen S.*, *Torsheim T.*, *et al.* Do age and gender differences exist in selfie-related behaviours? Computers in Human Behavior. 2016. V. 63. P. 549–555. DOI: 10.1016/j.chb.2016.05.053

25. *Fardouly J.*, *Willburger B.K.*, *Vartanian L.R.* Instagram use and young women's body image concerns and self-objectification: Testing mediational pathways. New Media & Society. 2018. V. 20. № 4. P. 1380–1395. DOI: 10.1177/1461444817694499

26. *Fox J.*, *Vendemia M.A.*, *Smith M.A. et al.* Effects of taking selfies on women's self-objectification, mood, self-esteem, and social aggression toward female peers. Body Image. 2021. V. 36. P. 193–200. DOI: 10.1016. j.bodyim. 2020.11.011

27. *Fredrickson B.*, *Roberts T.*, *Noll S. et al.* That swimsuit becomes you: sex differences in self-objectification, restrained eating, and math performance. Journal of Personality and Social Psychology. 1998. V. 75 (1). P. 269–284. DOI: 10.1037/0022-3514.75.1.269

28. *Fredrickson B.L.*, *Roberts T.A.* Objectification theory: Toward understanding women's lived experiences and mental health risks. Psychology of Women Quarterly. 1997. V. 21 (2). P. 173–206. DOI: 10.1111/j.1471-6402.1997. tb00108.x

29. *Galdi S.*, *Maass A.*, *Cadinu M.* Objectifying media: Their effect on gender role norms and sexual harassment of women. Psychology of Women Quarterly. 2014. V. 38 (3). P. 398–413. DOI: 10.1177/0361684313515185

30. *Ghaznavi J.*, *Taylor L.D.* Bones, body parts, and sex appeal: An analysis of #thinspiration images on popular social media. Body Image. 2015. V. 14. P. 54–61. DOI: 10.1016/j.bodyim.2015.03.006

31. *Grabe S.*, *Ward L.M.*, *Hyde J.S.* The role of the media in body image concerns among women: a meta-analysis of experimental and correlational studies. Psychological Bulletin. 2008. V. 134 (3). P. 460–476. DOI: 10.1037/0033-2909.134.3.460

32. *Groesz L.*, *Levine M.*, *Murnen S.* The effect of experimental presentation of thin media images on body satisfaction: A meta-analytic review. The International journal of Eating Disorders. 2002. V. 31 (1). P. 1–16. DOI: 10.1002/eat.10005

33. *Hanna E.*, *Ward L.M.*, *Seabrook R.C. et al.* Contributions of Social Comparison and Self-Objectification in Mediating Associations Between Facebook Use and Emergent Adults' Psychological Well-Being. Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2017. V. 20 (3). P. 172–179. DOI: 10.1089/cyber.2016.0247

34. *Hawes T.*, *Zimmer-Gembeck M.J.*, *Campbell S.M.* Unique associations of social media use and online appearance preoccupation with depression, anxiety, and appearance rejection sensitivity. Body Image. 2020. V. 33. P. 66–76. DOI: 10.1016/j.bodyim.2020.02.010

35. *Holland E.*, *Koval P.*, *Stratemeyer M. et al.* Sexual objectification in women's daily lives: A smartphone ecological momentary assessment study. British Journal of Social Psychology. 2017. V. 56 (2). P. 314–333. DOI: 10.1111/bjso.12152

36. *Holland G.*, *Tiggemann M.* A systematic review of the impact of the use of social networking sites on body image and disordered eating outcomes. Body Image. 2016. V. 17. P. 100–110. DOI: 10.1016/j.bodyim.2016.02.008

37. *Jarman H.*, *Marques M.*, *McLean S. et al.* Social media, body satisfaction and well-being among adolescents: A mediation model of appearance-ideal internalization and comparison. Body Image. 2021. V. 36. P. 139–148. DOI: 10.1016/j.bodyim.2020.11.005

38. *Kapidzic S.*, *Herring S.C.* Race, gender, and self-presentation in teen profile photographs. New Media & Society. 2015. V. 17 (6). P. 958–976. DOI: 10.1177/1461444813520301

39. *Karsay K*, *Knoll J*, *Matthes J.* Sexualizing Media Use and Self-Objectification: A Meta-Analysis. Psychology of Women Quarterly. 2018. V. 42 (1). P. 9–28. DOI: 10.1177/0361684317743019

40. *Lee M.*, *Lee H.* Social media photo activity, internalization, appearance comparison, and body satisfaction: The moderating role of photo-editing behavior. Computers in Human Behavior. 2021. V. 114. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106579

41. *Lewis S.P.*, *Arbuthnott A.E.* Searching for Thinspiration: The Nature of Internet Searches for Pro-Eating Disorder Websites. Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2012. V. 15 (4). P. 200–204. DOI: 10.1089/cyber.2011.0453

42. *Lin L.F.*, *Kulik J.A.* Social Comparison and Women's Body Satisfaction. Basic and Applied Social Psychology. V. 24 (2). P. 115–123. DOI: 10.1207/s15324834basp2402_4

43. *Lupton D.* Digital media and body weight, shape, and size: An introduction and review. Fat Studies. 2016. V. 6 (2). P. 119–134. DOI: 10.1080/21604851.2017.1243392

44. *McLean S.A.*, *Paxton S.J.*, *Wertheim E.H. et al.* Photoshopping the selfie: Self photo editing and photo investment are associated with body dissatisfaction in adolescent girls. International Journal of Eating Disorders. 2015. V. 48 (8). P. 1132–1140. DOI: 10.1002/eat.22449

45. *Mills J.S.*, *Musto S.*, *Williams L. et al.* "Selfie" harm: Effects on mood and body image in young women. Body Image. 2018. V. 27. P. 86–92. DOI: 10.1016/j.bodyim.2018.08.007

46. *Muehlenkamp J.J.*, *Saris-Baglama R.N.* Self-objectification and its psychological outcomes for college women. Psychology of Women Quarterly. 2002. V. 26 (4). P. 371–379. DOI: 10.1111/1471-6402.t01-1-00076

47. *Noll S.M.*, *Fredrickson B.L.* A Mediational Model Linking Self-Objectification, Body Shame, and Disordered Eating. Psychology of Women Quarterly. 1998. V. 22 (4). P. 623–636. DOI: 10.1111/j.1471-6402.1998.tb00181.x

48. *Park L.E.*, *DiRaddo A.M.*, *Calogero R.M.* Sociocultural influence and appearance-based rejection sensitivity among college students. Psychology of Women Quarterly. 2009. V. 33 (1). P. 108–119. DOI: 10.1111/j.1471-6402.2008.01478.x

49. *Perloff R.M.* Social media effects on young women's body image concerns: Theoretical perspectives and an agenda for research. Sex Roles. 2014. V. 71 (11–12). P. 363–377. DOI: 10.1007/s11199-014-0384-6

50. *Robinson L.*, *Prichard I.*, *Nikolaidis A. et al.* Idealised media images: The effect of fitspiration imagery on body satisfaction and exercise behaviour. Body Image. 2017. V. 22. P. 65–71. DOI: 10.1016/j.bodyim.2017.06.001

51. *Shin Y.*, *Kim M.*, *Im C. et al.* Selfie and self: The effect of selfies on self-esteem and social sensitivity. Personality and Individual Differences. 2017. V. 111. P. 139–145. DOI: 10.1016/j.paid.2017.02.004

52. *Slater A.*, *Tiggemann M.* The influence of maternal self-objectification, materialism and parenting style on potentially sexualized "grown up" behaviours and appearance concerns in 5–8 year old girls. Eating Behaviors. 2016. V. 22. P. 113–118. DOI: 10.1016/j.eatbeh.2016.05.002

53. *Strelan P.*, *Hargreaves D.* Women who objectify other women: The vicious circle of objectification? Sex Roles. 2005. V. 52 (9–10). P. 707–712. DOI: 10.1007/s11199-005-3737-3

54. *Talbot C.V.*, *Gavin J.*, *van Steen T. et al.* A content analysis of thinspiration, fitspiration, and bonespiration imagery on social media. Journal of Eating Disorders. 2017. V. 5 (1). P. 1–8.

55. *Tiggemann M.*, *Anderberg I.*, *Brown Z.* Uploading your best self: Selfie editing and body dissatisfaction. Body Image. 2020. V. 33. P. 175–182. DOI: 10.1016/j.bodyim.2020.03.002

56. *Tiggemann M.*, *Miller J.* The Internet and adolescent girls' weight satisfaction and drive for thinness. Sex Roles. 2010. V. 63 (1–2). P. 79–90. DOI: 10.1093/jpepsy/jsv021

57. *Tiggemann M.*, *Slater A.* The role of self-objectification in the mental health of early adolescent girls: Predictors and consequences. Journal of Pediatric Psychology. 2015. V. 40 (7). P. 704–711. DOI: 10.1093/jpepsy/jsv021

58. *Tiggemann M.*, *Zaccardo M.* "Strong is the new skinny": A content analysis of #fitspiration images on Instagram. Journal of Health Psychology. 2016. V. 23 (8). P. 1003–1011. DOI: 10.1177/1359105316639436

59. *Trekels J.*, *Eggermont S.* Me, myself, and my favorite media figure: An objectification perspective on the role of media and peers in early adolescents' self-sexualization. Mass Communication and Society. 2021. V. 24 (1). P. 31–56. DOI: 10.1080/15205436.2020.1817943

60. *Vendemia M.A.*, *DeAndrea D.*C. The effects of engaging in digital photo modifications and receiving favorable comments on women's selfies shared on social media. Body Image. 2021. V. 37. P. 74–83. DOI: 10.1016.j.bodyim.2021.01.011

61. *Wang T.*, *Brede M.*, *Ianni A.* et al. Social interactions in online eating disorder communities: A network perspective. PloS One. 2018. V. 13 (7): e0200800. DOI: 10.1371/journal.pone.0200800

62. *Ward L.M.* Media and sexualization: State of empirical research, 1995–2015. The Journal of Sex Research. 2016. V. 53 (4–5). P. 560–577. DOI: 10.1080/00224499.2016.1142496

63. *Yellowlees R.*, *Dingemans A.E.*, *Veldhuis J. et al.* Face yourself (ie): Investigating selfie-behavior in females with severe eating disorder symptoms. Computers in Human Behavior. 2019. V. 101. P. 77–83. DOI: 10.1016/j.chb.2019.07.018.

64. *Zurbriggen E.L.*, *Ramsey L.R.*, *Jaworski B.K.* Self-and partner-objectification in romantic relationships: Associations with media consumption and relationship satisfaction. Sex Roles. 2011. V. 64 (7). P. 449–462. DOI: 10.1007/s11199-011-9933-4

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 2, с. 142–144

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В. Д. ШАДРИКОВА “ВОЗВРАЩЕНИЕ ДУШИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ”. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2021. 210 с.

Недавно вышедшая в свет монография В.Д. Шадрикова — работа Аристотелевского размаха, ибо речь идет о душе как предмете психологической науки. “Настало время изучения внутреннего мира человека и внутренней психической жизни как реальности” (с. 25). В.Д. Шадриков возвращается к проблеме предмета психологии на очередном витке изучения ее методологических оснований с учетом нового естественнонаучного и гуманитарного знания. Прошло почти полтора века с начала экспериментальных исследований психических процессов, свойств, состояний, функций, их микро- и макрогенеза, накоплены огромные массивы эмпирических данных и выстроены убедительные концепции, но сущность психического по-прежнему “ускользает” от нас. В.Д. Шадриков предлагает психологическому миру возвратиться к изучению души как индивидуально организованной конструкции мыслей. В.Д. Шадриков дает понимание мысли как трехзвенной, неразложимой далее на элементы субстанции, вновь обращая внимание психологов на единство чувственного и рационального, на единство мотивационных, эмоциональных и мыслительных процессов. Особо следует подчеркнуть, что в данной работе используется термин “субстанция”, который редко встречается в психологической литературе. Автор рассматривает субстанцию (мысль) как неразделимую первородную сущность, находящуюся в основе всего многообразия душевных проявлений. Мысль, по В.Д. Шадрикову, обусловливает и объясняет разнонаправленные тенденции внутреннего мира: от развития до частных, дискретных движений или кратковременных изменений. Психическое изменчиво, внутренний мир противоречив, душевная боль реальна, но аксиоматичность этих тезисов не оправдывает исследователей, стремящихся заявить “новое” направление вне общепсихологического видения результатов, методов, их исходных посылок. Нельзя не согласиться с В.Д. Шадриковым, А.Л. Журавлевым, В.А. Мазиловым в том, что обсуждение методологических проблем (наиважнейшая из которых — проблема предмета психологии) является насущной задачей, в противном случае психология будет неуклонно “пестрить” крайне зауженной эмпирикой. В начале книги В.Д. Шадриков пишет, что “психология сама ушла от души как предмета исследования. Но настало время вернуться к данному понятию в психологии и сделать душу предметом психологии, предметом научного изучения” (с. 20). Автор призывает уйти от “анатомического” анализа психики к изучению законов и закономерностей внутренней жизни человека, ключевым образованием которой считает мысль. Первая глава посвящена мысли как основной категории мира внутренней жизни и насыщена идеями, требующими междисциплинарных исследований, которые, совершенно очевидно, будут иметь общенаучное значение. Мысль — это потребностно-эмоционально-содержательная субстанция, которая “предшествует слову” (с. 54). Мысль всегда индивидуальна и как индивидуальная субстанция “входит в содержание личностного сознания” (с. 56). Превращение мысли в слово В.Д. Шадриков называет творческим актом, иными словами, рассматривает творчество как всеобщий процесс. Процесс объективации мысли в слове — творческий процесс, который имеет качественную специфику, отмечает автор. Исследователи процесса порождения мысли будут, по всей вероятности, опираться на соотношение специфики потребностно-мотивационной сферы индивидуума, своеобразия его эмоциональных процессов и собственно “содержательного запаса” образов, понятий, слов. Мысль (идеальное), оформленная в слово, управляет течением внутренней жизни человека, иначе говоря, воздействует на вполне материальные процессы его поведения и деятельности. В настоящей монографии В.Д. Шадриков вслед за Н.П. Бехтеревой неоднократно подчеркивает значение специфики репрезентации информации в памяти человека как основы сознания, проявляющегося в его целенаправленной активности. “Мысль как основа психических процессов и их результатов”, вторая глава, посвящена крайне актуальной задаче — уйти от искусственного разделения когнитивных процессов. В.Д. Шадриков предлагает рассматривать познавательный процесс как “непрерывный процесс” появления,

сохранения, трансформации и выражения мысли при переходе от одного этапа познания к другому. Мир внутренней жизни един, ибо представляет собой движение мысли в “индивидуальном личностном сознании” (с. 57). Память и мышление, представление и воображение — относительно самостоятельные процессы, ибо каждый из них оперирует мыслью с разной степенью производности от воспринимаемого предмета. Формирование субъективного образа — это формирование интеграции “субстанциональных и акцедентных мыслей” (с. 58). Изменения образа, дополнения его прошлым опытом осуществляются “в мыслях, представленных в субстанции и акцеденции, без потери предметности, но при определенной динамике мыслей” (с. 61). Это положение важно для автора, ибо он хочет подчеркнуть нежелательную вероятность отрыва мышления от чувственного познания. Мышление, утверждает В.Д. Шадриков, это процесс работы с мыслью, при котором происходит трансформация и субъективизация мысли. Ни то, ни другое невозможно без памяти, которую автор рассматривает в качестве базисного свойства мозга, лежащего в основе функционирования всех мозговых систем. Ни сознание, ни самосознание человека нельзя представить без обращения к его памяти как основополагающему механизму психической активности, подчеркивается в монографии. Душе как реальности, закономерностям ее функционирования и развития посвящена третья глава “Мир внутренней жизни и душа человека”. В.Д. Шадриков рассматривает формирование внутреннего мира человека как субъекта деятельности и как личности. При анализе внутреннего мира человека как субъекта на первый план выходят цели деятельности и их параметры, в другом контексте — отношения человека с другими людьми. Межличностное взаимодействие — основа формирования ценностных ориентиров личности. “Осознание социальных норм переводит их в знание, а это, в свою очередь, делает допустимым их нарушение. Ставится под сомнение традиция и обычай. Появляется возможность оправдать эгоизм. Познание человеком самого себя через отношения с другими людьми есть одновременно и познание добра и зла, и усвоение морали. В поступках закладывается человечность” (с. 77). Приведенный выше тезис заслуживает особого внимания в свете нарастающих проблем с воспитанием детей и подростков. Что означает: “осознание социальных норм переводит их в знание, а это, в свою очередь, делает допустимым их нарушение”? Означает ли это частоту повторяемости негативных примеров, которые в силу повторяемости превращаются в обыденность, способную оправдать нарушение моральных норм? Или речь идет об отсутствии чувственного опыта в процессе усвоения ребенком нравственных норм? В любом случае данный тезис требует развернутого анализа на основе значимости разных форм взаимодействия, в первую очередь совместной деятельности для формирования ценностных ориентиров личности и нравственных норм поведения. Отдельный параграф третьей главы посвящен единству и независимости внешнего и внутреннего миров. “Внутренний мир человека представляет собой потребностно-эмоционально-информационную субстанцию, формирующуюся при жизни человека на основе его индивидуальных свойств и качеств и отражающую все многообразие его бытия” (с. 89). “Можно сказать, что эта потребностно-эмоционально-информационная субстанция и есть душа человека. Эта душа живет в единстве с телом и относительно независима от внешнего мира” (с. 89). И далее В.Д. Шадриков уточняет: “Это единство структуры мысли и структуры внутреннего мира человека не случайно, так как из мыслей и их соединений и формируется содержание мира внутренней жизни” (с. 89). Эти уточняющие положения имеют как онтологическое, так и гносеологическое значение. Мне думается, что В.Д. Шадриков хотел тем самым подчеркнуть следующее. Во-первых, то, что мысль — это единство содержания и переживания. Во-вторых, переживание — это отношение к содержанию, иначе говоря, мысль, в которой доминирует эмоциональная составляющая. В-третьих, жизнь души — это процессы взаимодействия мыслей и переживаний. В-четвертых, целостность внутреннего мира обусловлена единством мыслей и переживаний. Теоретические положения В.Д. Шадрикова составили основу экспериментальных исследований процесса мыслетворчества, результаты которых представлены в приложении к основному тексту монографии. Четвертая глава посвящена структуре и функциям внутреннего мира, в которой говорится о происхождении многоуровневости внутреннего мира через призму широко известных психологических теорий. Напрашивается предположение, что следующей работой академика РАО В.Д. Шадрикова будет монография о закономерностях формирования внутреннего мира школьника на основе глубокого анализа содержательного наполнения и методического оснащения современных учебников, в первую очередь, по литературе и истории. Поведенческие образцы, душевные взлеты и падения, духовные высоты исторических личностей и литературных персонажей должны преподноситься с желанием обогатить внутренний мир ребенка через сопереживание, сочувствие и сострадание. Книгу В.Д. Шадрикова можно рассматривать в качестве методологической основы

анализа воспитательных ресурсов учебной литературы. Изучение, оценка и пересмотр образовательного контента составляют давно назревшую проблему, ибо воспитание — это формирование внутреннего мира ребенка в процессе обучения, развития и социализации. Возвращение к душе как предмету психологической науки — это движение к новой методологии психологии, которая остро нуждается не только в обосновании объективных законов, но и вскрытии собственно психологических закономерностей. Если при обосновании объективных законов исследователь вынужден “отодвигать” индивидуальную специфику течения психических процессов, то при выведении собственно психологических закономерностей на первый план выступают именно мысли и переживания человека как субъекта деятельности и личности. Современная психология остро нуждается в объединяющих и объясняющих многочисленные подходы и теории базовых принципах исследования психических содержаний и психических форм. Монография В.Д. Шадрикова, вне всяких сомнений, приведет к появлению новых методологических и теоретических исследований и будет способствовать сохранению целостности нашей науки и развитию ее.

Л.В. Черемошкина

Доктор психологических наук, профессор
Московский педагогический государственный университет (г. Москва),
Государственный гуманитарно-технологический университет (г. Орехово-Зуево)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, том 43, № 2, с. 145–146

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ВАЛЕРИЮ НИКОЛАЕВИЧУ НОСУЛЕНКО — 75 ЛЕТ

Отметил свое 75-летие главный научный сотрудник Института психологии РАН, доктор психологических наук Валерий Николаевич Носуленко.

В Институте психологии Валерий Николаевич работает с 1974 г., когда он перешел от разработки звуковоспроизводящей техники к изучению слухового восприятия в лаборатории психофизики. В течение многих лет юбиляр занимал должность ученого секретаря Института психологии АН СССР.

Под влиянием идей Б.Ф. Ломова о взаимосвязи познания и общения В.Н. Носуленко разрабатывает новый исследовательский подход, включающий общение в структуру психофизического эксперимента. В 1980 г. защищает кандидатскую диссертацию, а в 1986 г. в соавторстве с Б.Ф. Ломовым и А.В. Беляевой публикуется его первая монография “Вербальное кодирование в познавательных процессах”. В 1988 г. выходит монография “Психология слухового восприятия”, открывшая новое направление в психофизике — экологическую психоакустику. С 1989 г. Валерий Николаевич — соруководитель российско-французской программы “Познание и общение”, инициированной Б.Ф. Ломовым при Фонде Дом Наук о Человеке (Франция).

В 90-е годы Валерий Николаевич представляет Россию в качестве соруководителя программы ЮНЕСКО “Психология глобальных изменений в окружающей среде”, читает лекции, ведет экспериментальные исследования и прикладные работы в ряде зарубежных научных и практических центров.

В 2004 г. В.Н. Носуленко защищает докторскую диссертацию “Психофизика восприятия естественной среды”, в которой представлен подход воспринимаемого качества, являющийся конкретным развитием когнитивно-коммуникативной парадигмы, предложенной Б.Ф. Ломовым. Считая любую естественную ситуацию жизни человека коммуникативной, автор использует общение в качестве источника данных о наиболее значимых, “сущностных” для субъекта свойствах воспринимаемых событий. В дальнейшем этот подход явился основой для множества академических и практических исследовательских программ. В этот период В.Н. Носуленко руководит психологической группой в проекте “Лаборатория когнитивного дизайна” (Франция, 1999–2006), в рамках которой принимает участие в реализации европейского проекта по изучению роли новых коммуникационных технологий в жизни человека.

Работа В.Н. Носуленко с западными партнерами во многом была подчинена цели пропаганды (в хорошем смысле) успехов российской психологической науки. Основной методологической базой проведенных исследований стали работы российских авторов, таких как А.Ф. Лазурский, Б.Ф. Ломов, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др. Важным итогом усилий Валерия Николаевича по продвижению на Западе идей российских классиков было издание на французском языке

антологии трудов С.Л. Рубинштейна, которое он осуществил в 2007 г. совместно с профессором Университета Париж-8 П. Рабарделем. Антология "Рубинштейн сегодня. Новые лица человеческой деятельности" стала первым систематическим изложением за рубежом субъектно-деятельностной концепции и основных этапов творческого пути автора. Книга нашла широкий отклик в научной среде и, как показывают материалы публикаций, способствовала внедрению идей великого российского психолога в практику международных научных исследований.

Другим результатом обобщения и практической демонстрации достижений отечественной психологии является монография "Numériserletravail. Théories, méthodes, expérimentations", опубликованная во Франции в 2012 г. совместно с С. Лалу и Е. Самойленко. Кроме результатов совместных исследований, книга дает читателю исчерпывающие сведения о работах ведущих российских психологов.

В настоящее время Валерий Николаевич вкладывает большие усилия в организацию практического внедрения результатов своих исследований, руководит программами сотрудничества Института с крупными центрами по созданию современных человеко-машинных систем. В этой работе он остается единомышленником Б.Ф. Ломова, защищая антропоцентрическую позицию в отношениях человека и техники.

Ко всему, что делает в жизни и науке, Валерий Николаевич относится с присущей ему ответственностью, энергией и чувством новизны, сохраняя неформальную манеру общения с коллегами. Результаты его исследований представлены в восьми монографиях и в более 200 научных статей.

Коллеги по работе в Институте психологии РАН, редакция и редколлегия "Психологического журнала" сердечно поздравляют Валерия Николаевича с днем рождения и желают ему новых, ярких достижений на ниве отечественной психологической науки!